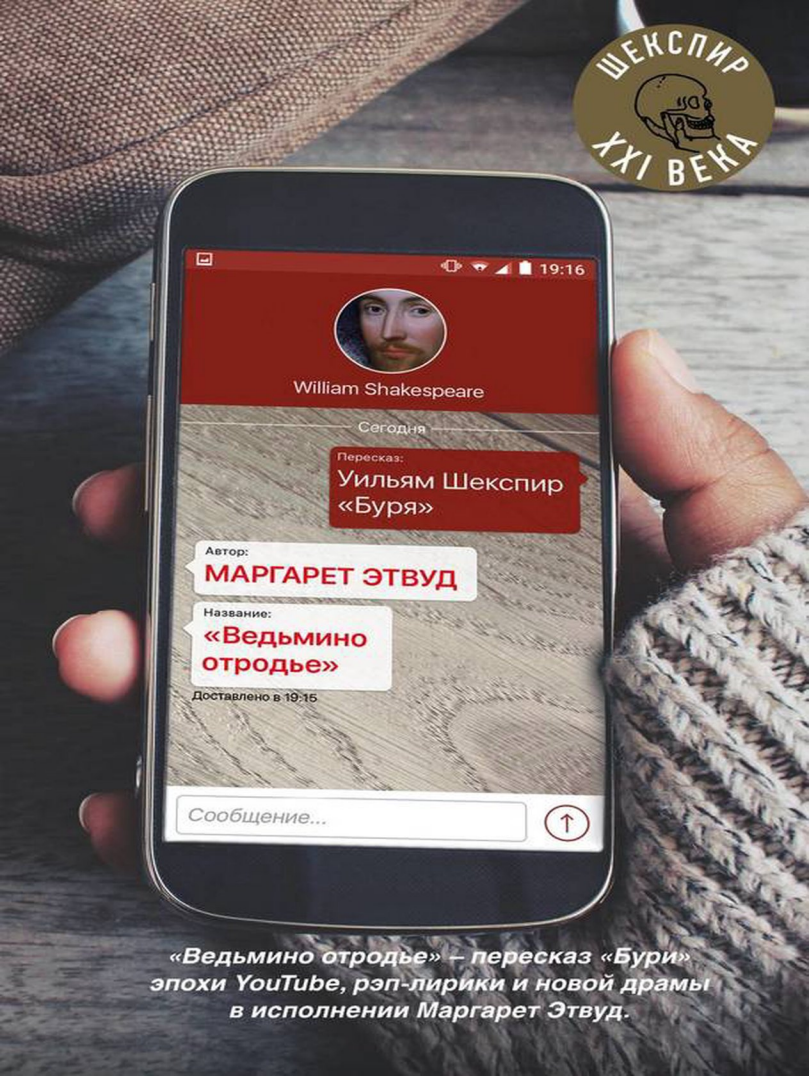

«Ведьмино отродье» – пересказ «Бури» эпохи YouTube, рэп-лирики и новой драмы в исполнении Маргарет Этвуд.

Ведьмино отродье
Маргарет Этвуд

Аннотация
Маргарет Этвуд. Ведьмино отродье
Пролог. Премьера фильма
I. Во тьме былого
1. Берег
2. Подействовали чары
3. Узурпатор
4. Волшебная мантия
5. Владелец очень бедного жилья
6. В темной пропасти времен
7. Предавшись страстно наукам тайным
8. Веди сюда всю шайку
9. Два перла там, где взор сиял
II. Прекрасен мир
10. Счастливая звезда
11. Ты с низшими собратьями своими
12. Почти недостижимо
13. Феликс обращается к актерам
14. Первое задание: Бранные слова
15. Ответь мне, чудо
16. Невидимый для посторонних глаз
17. Этот остров полон звуков

18. Этот остров – мой
19. Отвратительное чудовище
III. Вот все актеры
20. Второе задание: узники и тюремщики
21. Злая нечисть
22. Действующие лица и исполнители
23. Чудесная Миранда
24. Дойдем мы до сегодняшнего дня
25. Злой братец Антонио
26. При помощи особого механизма
27. Ведь ты не знаешь, кто ты и откуда
28. Ведьмино отродье
29. Сюда! Ко мне!
IV. Все это силой магии моей
30. Обещал свое искусство я показать
31. Добрая Фортуна, моя владычица
32. Феликс обращается к нечисти
33. Час настал
34. Буря
35. Но пышно, чудно превращен
36. Мы исходили целый лабиринт
37. Власть чар не лжет
38. Нет отныне у меня ни капли недовольства
39. Весело, весело
V. Эта дьявольская тварь
40. Последнее задание

41. Команда Ариэля
42. Команда злого братца Антонио
43. Команда Миранды
44. Команда Гонзало
45. Команда ведьмина отродья
46. Забава наша…
47. Забава наша кончена
Эпилог. Так мне даруйте отпущенье
Буря: Оригинал
Благодарности

Аннотация

Феликс на пике своей карьеры. Он успешный режиссер, куратор театрального фестиваля. Когда из-за козней врагов, своих бывших коллег, Феликс лишается своего места, он вынужден уехать в канадское захолустье, чтобы там зализывать раны, разговаривать с призраком своей умершей дочери Миранды и – вынашивать план мести. Местная тюрьма предлагает Феликсу преподавать заключенным, и Феликс возвращается к когда-то не реализованному плану: поставить радикально новую версию «Бури» Шекспира. А заодно и отомстить врагам.

«Ведьмино отродье» – пересказ «Бури» эпохи YouTube, рэп-лирики и новой драмы в исполнении Маргарет Этвуд.

Маргарет Этвуд
Ведьмино отродье

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Ричарду Брэдшо, 1944—2007
Гвендолин Макьюэн, 1941—1987
Чародеям

«Поистине, человек, замышляющий мщение, сохраняет собственные свои раны открытыми, иначе они давно исцелились бы сами собой».

Френсис Бэкон «О мести»

«…Хотя в театре служат милейшие люди, есть средь них и такие, от кого кровь стынет в жилах».

Чарльз Диккенс

«В море Жизни и Боли
Есть и другие цветущие острова.
Другие духи парят на воле
Над этой пучиной…»

Перси Биши Шелли, «Строки, написанные среди Эуганских холмов»

Пролог
Премьера фильма

Среда, 13 марта, 2013

Свет в зале гаснет. Зрители умолкают.

НА БОЛЬШОМ ТЕЛЕЭКРАНЕ: *Надпись готическими буквами желтого цвета на черном фоне:*

БУРЯ
Уильям Шекспир
с участием актеров
Флетчерской исправительной колонии

НА ЭКРАНЕ: *Плакат с надписью от руки. Плакат держит Рассказчик, одетый в короткий бордовый бархатный плащ. В другой руке у него перо.*

НА ПЛАКАТЕ: ВНЕЗАПНАЯ БУРЯ

РАССКАЗЧИК:
Что бы вы хотели посмотреть? Извольте бурю в море лицезреть:
Ветры гулко завывают, матросы шум на судне поднимают,

Средь пассажиров спор идет, который ни к чему не приведет.

Крики как в страшном сне уже слышны.

Однако здесь все не так, каким представляется.

(Ухмыляется)

Итак, представление начинается.

Взмах пером. Смена кадра: Гром и молния в грозовой туче, нарезка кадров из документального фильма об ураганах. Кадры с бушующим морем. Кадры с дождем. Вой ветра.

Камера дает крупным планом кораблик-игрушку для ванны, покачивающийся на синей пластиковой занавеске для душа с нарисованной на ней рыбкой. Волны создаются движением рук под занавеской.

Далее идет Боцман крупным планом, в черной вязаной шапочке. Из-за кадра на него обрушивается вода. Он вымок до нитки.

БОЦМАН: А ну-ка, парни, взялись, а не то сядем на мель!

Пошевеливайтесь, братцы!

Веселей! Веселей!

За работу!

Убрать паруса!

Живо! Живо!
Сразимся с бурей!
А то все пойдем рыбам на корм!

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Мы все утонем!

БОЦМАН: Прочь отсюда! Не до вас!

Вода, выплеснутая из-за кадра, бьет его прямо в лицо.

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Однако, любезный, не забывай, кто на твоем корабле![1] Особы королевской крови!

БОЦМАН: Волнам-то все равно!
Дождь идет, ветер ревет,
А вы только путаетесь под ногами
И мешаете нам работать!

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Вы пьяны!

БОЦМАН: Какой дурак!

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Господь, помилуй нас!

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Мы тонем! Тонем!

---

[1] Примечания: 1
Здесь и далее цитаты из «Бури» в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Крупный план: Ариэль[2] в синей купальной шапочке и горнолыжных очках с зеркально-радужными стеклами. Нижняя часть лица выкрашена синим гримом. На нем дождевик из полупрозрачного полиэтилена, разрисованный пчелами, бабочками и божьими коровками. За его левым плечом причудливая тень. Он беззвучно смеется, поднимает над головой правую руку в синей резиновой перчатке. Сверкает молния, гремит гром.

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Помолимся!

БОЦМАН: Что вы сказали?

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Идем ко дну! Мы тонем!
Погибнем вместе с королем!
Прыгайте в воду! Плывите к берегу!

Ариэль запрокидывает голову и раскатисто смеется. В обеих руках, затянутых в синие резиновые перчатки, вспыхивают и гаснут огни мощных фонариков. Экран выключается.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Что такое?

ДРУГОЙ ГОЛОС: Электричество отрубилось.

---

[2] Примечания: 2
А р и э л ь — дух воздуха в пьесе Шекспира «Буря».

ЕЩЕ ОДИН ГОЛОС: Наверное, где-то метель. Повредило линию передачи.

Полная темнота. Непонятные звуки снаружи. Крики. Выстрелы.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Что происходит?

ГОЛОС СНАРУЖИ: Заблокировать входы и выходы!

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Кто здесь главный?

Еще три выстрела.

ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ:

Не двигаться! Всем оставаться на своих местах! Сидеть тихо, не дергаться! Голову не поднимать!

I. Во тьме былого

1. Берег

Понедельник, 7 января 2013

Феликс чистит зубы. Потом чистит другие зубы, искусственные, и вставляет их в рот. Хотя он наложил адгезив, вставная челюсть держится плохо; возможно, рот усыхает. Он улыбается: это иллюзия улыбки. Притворство, игра, но кто об этом знает?

Раньше он позвонил бы своему стоматологу, его записали бы на прием, усадили в роскошное кресло из искусственной кожи, над ним склонилось бы сосредоточенное лицо, пахнущее мятным зубным эликсиром, умелые руки взялись бы за блестящие инструменты. *Да, я вижу, в чем тут проблема. Сейчас все исправим*. Словно идет речь о его машине во время сервисного осмотра. Возможно, ему даже выдали бы наушники, чтобы слушать музыку, и предложили бы легкое успокоительное.

Но сейчас он не может позволить себе дорогих стоматологов. Только самых бюджетных. Стало быть, он заложник своих ненадежных зубов. Это нехорошо. В грядущем финале все должно

быть безупречно. *Зуба… Забава наша кончена.* Если он вдруг собьется, если хоть одно слово прозвучит неидеально, если нарушится артикуляция, волшебства не получится. Зрители станут покашливать, заерзают в креслах и уйдут с представления в антракте, тогда ему придется до дна испить чашу унижения, при одной только мысли об этом бросает в жар. Это смерти подобно.

— Ми-ма-мо-му, — протягивает он губами, смотря на свое отражение в забрызганном зубной пастой зеркале над кухонной раковиной. Он хмурит брови, выставляет подбородок вперед. Потом скалит зубы: это оскал загнанного в угол старого шимпанзе, отчасти ярость, отчасти угроза, отчасти уныние.

Как он унижен. Опустошен. Доведен до отчаяния. Всеми забытый, влачит свое одинокое существование, прозябает в глуши; в то время как Тони, этот выскочка, этот самодовольный мерзавец, развлекается с сильными мира сего, хлещет шампанское, жрет икру, язычки жаворонков и молочных поросят, вращается в свете и упивается восхищением своих приближенных, своих прихлебателей и лизоблюдов…

Когда-то стелившихся перед Феликсом.

Это мучительно, это больно. Душа жаждет ме-

сти. Если бы…

Хватит. *Расправить плечи*, велит он себе, глядя на мрачное отражение. *Втянуть живот*. Можно не смотреть в зеркало. Он и так знает, что отрастил брюшко. Возможно, придется купить бандаж.

Впрочем, черт с ним, с животом! Есть работа, требующая действий; аферы, которые нужно обдумать и провернуть; злодеи, которых следует проучить! *Тщетно тщится щука ущемить леща. Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали. В парус бриг впряг бриз близ берега.*

Вот. Без единой запинки.

Есть еще порох в пороховницах. Он исполнит задуманное, несмотря на все сложности. Сначала он их очарует и заворожит. Заморочит их так, что они сами выпрыгнут из штанов. Не то чтобы ему очень хотелось на это смотреть. «Поразите их воображение, сразите их наповал, — как он говорит своим актерам. — *Давайте сотворим чудо!*»

Он заткнет глотку этой двуличной твари по имени Тони.

2. Подействовали чары

Феликс сам виноват, что дал волю этой скользкой двуличной твари по имени Тони. За последние двенадцать лет он не раз обвинял себя в произошедшем. Он передал Тони все полномочия, не контролировал его действия, не заглядывал ему через плечо. Он не разглядел ни единого сигнала надвигавшегося предательства, хотя любой, у кого есть хотя бы чуточку мозгов и два уха, уже давно бы насторожился. Хуже того: он доверился ему, этому бессердечному карьеристу, вероломному и бессовестному лизоблюду. Он купился на эту ложь: *Я все сделаю сам, зачем тебе тратить время, поручи мне.* Каким же он был идиотом.

Его могло извинить только то, что в то время им полностью овладевало горе. Он только что потерял своего единственного ребенка, и потерял так нелепо и страшно. Если бы он только… если бы он не… если бы он узнал сразу…

Нет, эта рана еще болит. Не думай об этом, говорит он себе, застегивая рубашку. Абстрагируйся. Отстранись. Представь, что это был фильм.

Даже если бы этого не случилось, — о чем так больно размышлять, что лучше этого не де-

лать, — его все равно подсидели бы. Феликсу было удобно, что все бытовые вопросы, связанные с фестивалем, решает Тони. Сам Феликс занимал пост художественного руководителя и пребывал на пике таланта, как неизменно писали в рецензиях; стало быть, ему следовало посвятить свое время и силы высоким целям, как не уставал повторять тот же Тони.

И он посвятил себя высоким целям. Создать спектакли, которые будут самыми яркими, самыми зрелищными, самыми вдохновенными и грандиозными, самыми оригинальными и возвышенными образчиками театрального искусства. Поднять планку выше Луны. Превратить каждый спектакль в незабываемый опыт для зрителя. Чтобы зрители в зале сидели как околдованные и выходили из театра, пошатываясь, словно пьяные. Превратить фестиваль в Мейкшавеге в эталон, на который будут равняться все остальные театральные фестивали.

Это были поистине великие цели.

Для их достижения Феликс собрал самых талантливых и квалифицированных специалистов, которых сумел завлечь в Мейкшавег. Он нанимал лучших, вдохновлял лучших. Или лучших из тех, кого мог позволить. Он тщательным образом

отбирал весь технический персонал, художников по свету, звукорежиссеров. Он выискивал не имеющих себе равных художников по костюмам и декорациям. Он убеждал, завлекал, очаровывал. Он решил для себя, что в его постановках должны быть заняты лучшие из лучших. Если возможно.

Все это требовало денег.

Поиском денег занимался Тони. Неблагородное занятие: деньги были всего лишь средством для достижения цели, а цель была запредельной. Это знали они оба. Феликс, чародей-небожитель, и Тони, занимающийся земными делами помощник и золотодобытчик. Это было рациональное разделение обязанностей, в соответствии с их талантами. Как говорил Тони, каждый делает то, что умеет.

Идиот, бранит себя Феликс. Он был на вершине своего могущества, и это ослепило его. В этом и таилась опасность, ведь с вершины есть лишь один путь: вниз.

Тони как-то уж слишком охотно освободил Феликса от нудных обязанностей, которые тот всей душой ненавидел, как то: присутствовать на приемах, умасливать спонсоров и патронов, панибратствовать с членами Правления, выбивать финансирование на различных уровнях прави-

тельства и составлять отчеты об эффективной работе. Таким образом, говорил Тони, Феликс может посвятить все свое время действительно важным делам: глубокомысленному сценарию, новаторским идеям по освещению сцены и выбору правильного момента, когда обрушивать дождь из блестящего конфетти, которое он так гениально использует для оформления спектаклей.

И режиссуре, конечно. Каждый сезон Феликс ставил одну или даже две пьесы. А иногда сам играл главную роль, если его привлекал персонаж. Юлий Цезарь, король Лир, Тит Андроник. Каждый раз — настоящий триумф. В каждой из этих ролей! В каждой его постановке!

По крайней мере триумф с точки зрении критиков. Зрители и даже патроны иногда возмущались. Полуголая, истекавшая кровью Лавиния в «Тите Андронике» была вопиюще натуралистичной, негодовали они; это было оправданно, возражал им Феликс, находя подтверждение в самом тексте пьесы. Откуда в «Перикле» вдруг появились космические корабли и космические пришельцы вместо парусников и заморских стран? Почему у богини Луны Артемиды голова богомола? Хотя, как сказал Феликс в свою защиту

на заседании Правления, именно так и должно было быть, если дать себе труд подумать. А Гермиона из «Зимней сказки», которая стала вампиром, вернувшись к жизни! Ее освистали в прямом смысле слова. Феликс был в восторге: вот это эффект! Кто еще делал такое? Никто не делал! Где есть порицание, там есть жизнь!

Эти блистательные эскапады, эти полеты фантазии, эти сокрушительные триумфы были детищем раннего Феликса. Порождения безудержного ликования, упоения и восторга. Все изменилось незадолго до переворота, учиненного Тони. Мир омрачился, и омрачился внезапно. *Вой, вой, вой…*

Но выть он не мог.

Надя, супруга Феликса, покинула его. Со дня их свадьбы прошло чуть больше года. Для него это был поздний брак — и неожиданный. Он и не знал, что способен так сильно любить. Он только начал открывать ее многочисленные достоинства, только начал узнавать ее по-настоящему, как вдруг она умерла от скоротечной стафилококковой инфекции сразу после рождения дочери. Такое случается, даже при современном уровне развития медицины. До сих пор он пытается сохранить в памяти ее образ, оживить ее в вооб-

ражении, но с годами она отдалилась, выцвела, как старый снимок. Остался лишь контур; контур, который он заполняет печалью.

Так Феликс остался один с новорожденной дочерью на руках, с его Мирандой. Миранда: как еще можно было назвать девочку, у которой нет матери, а есть только немолодой, слепо ее обожающий отец? Она удержала его на краю, не дала погрузиться в хаос. Он старался держаться как мог. Получалось с трудом, но он все-таки справился. Не без помощи, да. Он нанял несколько нянь — он бы не обошелся без женской руки, потому что не знал, как ухаживать за младенцем. И еще потому, что не мог быть с Мирандой все время, хотя он проводил с ней каждую свободную минуту, которых выдавалось не так уж и много.

Она его очаровала сразу и навсегда. Он глядел на нее и не мог наглядеться. Маленькое совершенство. Ее глаза, ее пальчики! Чистый восторг! Когда она начала говорить, он взял ее в театр. Такая умница, она сидела спокойно и вбирала в себя происходящее на сцене, не ерзала в кресле и не скучала, как скучал бы и ерзал обычный двухлетний ребенок. У него были планы: когда она подрастет, они вместе отправятся в путешествие. Он покажет ей мир, научит всему, что знал сам.

Но потом, когда ей было три года…

Высокая температура. Менингит. С ним пытались связаться, но он был на репетиции и строго-настрого приказал его не беспокоить. Няньки, смотревшие за Мирандой, не знали, что делать. Когда он наконец вернулся домой, там были слезы, истерики, снова слезы, а потом он отвез дочь в больницу, но было поздно. Уже слишком поздно.

Доктора сделали все, что могли: все дежурные фразы были произнесены, все оправдания озвучены. Но ничто не помогло, а потом она умерла. Ушла, как принято говорить у них. Но если ушла, то куда? Она не могла просто исчезнуть из мира. Он отказывался в это верить.

Лавиния, Джульетта, Корделия, Пердита, Марина… Все они потерянные дочери, которые «ушли», но некоторых удалось вернуть. Почему не его Миранду?

Что делать с таким необъятным горем? Оно было как колоссальная черная туча, нависшая над горизонтом, или скорее как снежная буря. Нет, оно совсем не поддавалось сравнению. Он не мог одолеть эту громаду. Ее надо было преобразовать в нечто иное или попытаться отгородиться от этой боли.

Сразу после похорон, как только маленький, вызывающий жалость гроб опустили в землю, Феликс ринулся в «Бурю». Уже тогда он понимал, что это было бегство от действительности. Но оно могло стать возрождением.

Он уже представлял, как Миранда из «Бури» станет дочерью, которую не потеряли; маленький ангел-хранитель, единственная радость изгнанного отца, спасшая его от отчаяния, когда они плыли по темному морю в полусгнившем челне. Она не умерла. Она выросла и превратилась в прелестную девушку. То, чего Феликс лишился в жизни, он еще мог мельком увидеть в своем искусстве: пусть лишь краешком глаза.

Он создаст достойное оформление для своей возрожденной Миранды, которую вызовет к жизни силой воображения. Он превзойдет сам себя как режиссер и актер. Он раздвинет границы возможного, придаст реальности нужное ему звучание. Он хорошо помнит, как это было. Он взялся за дело, охваченный лихорадочным жаром отчаяния, но разве искусство рождается не из отчаяния? Разве искусство не есть вызов смерти? Стоя на крою пропасти, ты бросаешь ей вызов, показывая средний палец. Он уже знал, что его Ариэля будет играть трансвестит на ходу-

лях, который в ключевых сценах преображается в гигантского светлячка. Его Калибан будет шелудивым бомжом — чернокожим или, может быть, из коренных канадцев — и паралитиком, передвигающимся по сцене на гигантском скейтборде.

Стефано и Тринкуло? Эту парочку он еще не проработал, но у них точно будут гульфики и шляпы-котелки. Тринкуло может жонглировать предметами, подобранными на берегу волшебного острова, к примеру дохлыми кальмарами.

Его Миранда будет бесподобна. Юная дикарка, какой она, разумеется, и должна быть. Пережившая кораблекрушение трехлетним ребенком, она двенадцать лет носилась по острову — и, скорее всего, босиком. Откуда бы там взяться обуви? У нее на ногах наверняка были мозоли, похожие на подошвы сапог.

После долгих и утомительных поисков, в ходе которых он отвергал девушек, которые, кроме своей юности и приятного личика, не имели больше никаких достоинств, он остановил свой выбор на одной бывшей гимнастке-юниорке. Она начинала еще ребенком и дошла до серебряной медали на чемпионате Северной Америки, после чего поступила в Национальную теат-

ральную школу. Сильная, гибкая, худая, как щепка, энергичная, пылкая и упорная, она тогда только-только входила в пору цветения. Ее звали Анна-Мария Гринленд. Ей лишь недавно исполнилось шестнадцать. У нее была совсем небольшая актерская подготовка, но Феликс знал, что с ней он сможет добиться того, что ему нужно. Игры такой свежей и безыскусной, что это будет уже не игра. Это будет реальность. Через Анну-Марию его Миранда вернется к жизни.

Сам Феликс сыграет Просперо, ее любящего отца. Отца, который заботится о своей дочери — может быть, слишком ее опекает, но лишь потому, что желает ей только добра. Он будет мудрым, мудрее Феликса. Хотя даже мудрый Просперо глупо доверился своим близким и погрузился в магические науки, позабыв обо всем остальном.

Волшебную мантию Просперо сошьют из звериных шкур, не из натуральных мехов и даже не из искусственных имитаций, а из выпотрошенных мягких игрушек. Белки, зайчики, львы, тигры, несколько медвежат. Дикие звери символизируют стихийную, первобытную природу сверхъестественных сил Просперо. Феликс заказал набор искусственных листьев, ярко рас-

крашенных перьев и золоченых цветов, которые собирался вплести среди плюшевых шкурок, чтобы придать своей мантии дополнительный шик и смысл. Магический посох он нашел в антикварной лавке: элегантная трость времен королей Эдуардов с набалдашником в виде серебряной лисьей головы с глазами, предположительно сделанными из нефрита. Она была коротковата для чародейского посоха, но Феликсу нравилось смешивать эксцентричность и сдержанность. Такой реквизит придает ключевым сценам долю здоровой иронии. В самом конце, в эпилоге Просперо, на сцене запылает закат, а сверху посыплются блестки-конфетти, как снег.

Это будет непревзойденная «Буря»; его лучшая постановка. Он был одержим ею еще тогда. Теперь он понимает. Это было его наваждение, его навязчивая идея. Его Тадж-Махал, величественный мавзолей, возведенный для тени ушедшей возлюбленной. Или богатый, украшенный драгоценными камнями ларец — вместилище праха. Но не только, не только… Потому что внутри зачарованного пространства, которое он создавал, его Миранда будет жить снова.

Тем больней был удар, когда все рухнуло.

3. Узурпатор

Они уже готовились приступить к репетициям, когда Тони раскрыл свои карты. Даже теперь, двенадцать лет спустя, Феликс помнил тот разговор до мельчайших подробностей, до единого слова.

Разговор начинался вполне обыденно, на их еженедельной встрече по вторникам, после обеда. На этих встречах Феликс озвучивал Тони список поручений, а Тони приносил ему бумаги на подпись и докладывал о делах, требующих его внимания. Обычно вопросов было немного, потому что Тони — незаменимый работник — уже успевал позаботиться практически обо всем.

— Давай сразу к делу, — начал Феликс, как это было заведено. Он с отвращением покосился на красный галстук Тони, украшенный узором из чередующихся зайцев и черепах: попытка казаться оригинальным, кто бы сомневался. Тони, тот еще щеголь, питал неуемную слабость к дорогим безделушкам. — Во-первых, надо заменить главного осветителя. Я никак не могу добиться того, что мне нужно. Во-вторых, о волшебной мантии. Нам надо найти…

— Феликс, боюсь, у меня для тебя нехорошая

новость, — перебил его Тони. Он явился в очередном новом костюме; обычно это означало, что он присутствовал на заседании Правления. Феликс давно взял в привычку отлынивать от заседаний: Лонни Гордон, тамошний председатель, был человеком во всех отношениях достойным, но убийственно скучным, а прочие члены Правления являли собою карманный парламент, сборище марионеток. Тони прекрасно с ними управлялся, а Феликс попросту не забивал себе голову.

— Да? Что за новость? — спросил он. Нехорошая новость обычно подразумевала тривиальное письмо от негодующего патрона. Королю Лиру обязательно было раздеваться *догола*? Или счет из химчистки от зрительницы в первом ряду, ставшей невольной участницей интерактивного действа, когда окровавленную голову Макбета слишком рьяно швырнули на сцену, алая краска забрызгала дорогое шелковое платье, и пятна вывели с большим трудом.

Тони сам разбирался со всеми жалобами и придирками. И неплохо справлялся — приносил надлежащие извинения, сдобренные изрядной порцией лести, — но всегда держал Феликса в курсе, чтобы тот был подготовлен на случай,

если кто-то из недовольных обратится к нему напрямую. Феликс плохо переносил критику и реагировал слишком остро, не скупясь на красочные оскорбления, заметил Тони однажды. Феликс ответил, что никогда не позволяет себе неподобающих выражений. Конечно, сказал тогда Тони, но у патронов свои представления о приличиях. И вообще лучше поостеречься, чтобы оно не попало в газеты.

— К сожалению, — сказал Тони. Он выдержал паузу. Феликс заметил странное выражение у него на лице. Не улыбка, а что-то совсем другое: уголки губ печально опущены вниз, но скрывают улыбку. Феликсу стало не по себе. — К сожалению, — продолжил Тони мягким, вкрадчивым голосом, — Правление проголосовало за то, чтобы расторгнуть с тобой контракт. В качестве художественного руководителя ты их не устраиваешь.

Теперь уже Феликс взял паузу.

— Что? — сказал он. — Это шутка, да?

Они не могут меня уволить, подумал он. Без меня весь фестиваль полетит в тартарары! Спонсоры разбегутся, актеры поувольняются, шикарные рестораны, гостиницы и сувенирные лавки позакрываются к чертовой матери, и Мейкшавег снова канет в небытие, из которого

Феликс вызывает его каждое лето, потому что без театрального фестиваля Мейкшавег — просто маленький городок с пересадочной станцией. Никто не поедет через всю страну любоваться пересадочной станцией.

— Нет, — сказал Тони. — Боюсь, это не шутка. — Еще одна пауза. Феликс смотрел на Тони, словно видел его впервые. — Они считают, что ты… э… теряешь свою остроту. — И еще одна пауза. — Я пытался им объяснить, что ты пережил сильное потрясение, когда твоя дочь… такая трагическая потеря… Я им говорил, что ты справишься. Обязательно справишься, я уверен. — Это был удар ниже пояса. Феликс задохнулся от возмущения. Значит, вот их оправдание? Да как они смеют?! — Я сделал все, что мог, — добавил Тони.

Это была откровенная ложь. И они оба знали, что это ложь. Лонни Гордон, председатель Правления, никогда не додумался бы до такой подлости, а все остальные в Правлении вообще ничего не решали. Они были полным ничтожеством, частью интерьера. Их для этого и выбирали. Тони сам выбирал. Все — его протеже. Все до единого.

— Остроту? — сказал Феликс. — Я теряю свою *остроту*?

Да был ли хоть кто-то острей его?

— Ну… связь с реальностью, — сказал Тони. — Они опасаются, что у тебя нарушения психики. Я им говорил, что тебя можно понять, по вполне очевидным причинам… Но они не хотят понимать. Мантия из звериных шкур стала последней каплей. Они видели эскизы. Сказали, что активисты по правам животных сами спустят с нас шкуру.

— Это смешно, — сказал Феликс. — Это не настоящие шкуры. Это плюшевые *игрушки*!

— Ты должен сам понимать, — проговорил Тони снисходительно-терпеливым тоном, — что дело не в этом. Они похожи на настоящих животных. И мантия — не единственный камень преткновения. Их возмутил Калибан в образе паралитика. Они говорят, это не просто безвкусица. Это вообще за гранью. Люди могут подумать, что ты насмехаешься над инвалидами. Кто-то из зрителей наверняка уйдет из зала. Или выкатится на коляске: на наши спектакли приходят самые разные люди… Не только здоровые и молодые.

— Что за бред?! — сказал Феликс. — Эта политкорректность уже задрала! В тексте написано черным по белому, что он урод! В наше время Калибан стал любимцем публики, зритель его приветствует как героя, и я просто…

— Я понимаю, но дело в том, — сказал Тони, — что нам нужно заполнить зал, чтобы оправдать спонсорские вложения и государственное финансирование. Последние отзывы были… неоднозначными. Особенно в прошлом сезоне.

— Неоднозначными? — возмутился Феликс. — В прошлом сезоне отзывы были блестящими!

— Я тебе не показывал негативные отзывы, — сказал Тони. — Их было немало. Я принес их с собой. Если хочешь, можешь почитать.

— За каким чертом ты их не показывал? — сказал Феликс. — Я не ребенок.

— Ты болезненно воспринимаешь разгромные отзывы, — ответил Тони. — Психуешь, срываешься на актеров. Что подрывает моральный дух.

— Я никогда не психую! — заорал Феликс. Тони и ухом не повел.

— Здесь уведомление о расторжении контракта, — Тони достал конверт из внутреннего кармана пиджака и протянул его Феликсу, — и выходное пособие, в благодарность за годы службы. Я постарался, чтобы сумма была достойной. — На этот раз Тони уже не скрывал самодовольную ухмылку.

Феликс взял конверт. Первым его побуждением было разорвать этот чертов конверт в клочья,

но его словно парализовало. Неприятности по работе случались и раньше. Случались даже скандалы, но его еще никогда не увольняли. Не отстраняли от должности. Не выгоняли. Не вышвыривали на улицу.

— А моя «Буря»? — сказал он. — Она остается? — Он уже умолял. — Хотя бы она?

Его лучшее творение, его сокровище, его чудо загублено на корню. Выброшено на помойку. Втоптано в грязь.

— Боюсь, что нет, — сказал Тони. — Мы… они считают, что лучше расстаться окончательно и бесповоротно. Постановка отменяется. Все твои личные вещи из кабинета ты найдешь у машины. Кстати, тебе надо сдать пропуск и служебное удостоверение. Можешь оставить на выходе, у охраны.

— Я буду жаловаться. Министру культуры, — неубедительно проговорил Феликс. Он знал, что это дохлый номер. Они с Сэлом О'Нелли вместе учились в школе, и отношения у них не заладились с самого начала. У них вышла размолвка по поводу украденных карандашей, в которой Феликс одержал верх, а Сэл этого не забыл. Он неоднократно высказывал мнение в нескольких телевизионных интервью, нацеленных Феликсу

ниже пояса, что на театральном фестивале в Мейкшавеге должно быть больше комедий Ноэла Кауарда, и мюзиклов Эндрю Ллойда Уэббера, и вообще больше мюзиклов. Феликс ничего не имел против музыкальных спектаклей, он начинал свою театральную карьеру в студенческой постановке «Парней и куколок», но репертуар сплошь из мюзиклов…

«Звуки музыки», — говорил Сэл, — «Кошки», «Без ума от тебя», танцы, чечетка. Все, что понятно обычному зрителю». Но пресловутый обычный зритель вполне способен понять постановки Феликса! Что сложного в бензопилах в постановке «Макбета»? Актуально. Без обиняков.

— На самом деле министр культуры согласен с решением Правления, — сказал Тони. — Прежде чем выносить вопрос на голосование, мы связались с Сэлом… министром О'Нелли… чтобы убедиться, что мы идем верным путем. Мне очень жаль, Феликс, — добавил он совершенно неискренне. — Я понимаю, что для тебя это шок. И очень трудно для нас.

— Как я понимаю, у вас уже есть кандидат на замену, — сказал Феликс, очень стараясь не сорваться на крик. Сэл… Вот оно как: называем министра по имени. Ладно, он примет этот удар.

Не потеряет самообладания. Сохранит остатки достоинства.

— Да, — сказал Тони. — Сэл… Правление попросило… э… меня попросили занять эту должность. Разумеется, временно. Пока не найдется достойный кандидат должного уровня.

Временно, как же, подумал Феликс. Теперь он все понял. Конспирация, саботаж. Змеиные увертки. Грандиозное предательство. Тони был провокатором, с самого начала. Это он все подстроил. Дождался, когда Феликс станет наиболее уязвимым, и нанес удар.

— Мерзавец. Двуличная тварь! — выкрикнул он, что принесло определенное удовлетворение. Но очень слабое, если учесть все остальное.

4. Волшебная мантия

В ту же секунду в кабинет вошли двое охранников. Они, должно быть, стояли за дверью и ждали сигнала, каковым, вероятно, стал вопль Феликса. Сейчас он отвесил себе мысленный подзатыльник за то, что был таким предсказуемым.

Тони наверняка проинструктировал охранников заранее: мерзавец всегда отличался деловой хваткой. Они встали с двух сторон от Феликса. Один — черный, второй — очень смуглый. Мускулистые руки сложены на груди, лица непроницаемы. Это были новые сотрудники, Феликс их не знал. И что важнее в данном случае, они не знали Феликса, нельзя было рассчитывать на их лояльность. Тони предусмотрел все.

— В этом нет необходимости, — сказал Феликс, но на этот раз Тони даже не потрудился ответить. Он легонько пожал плечами, кивнул головой — властное движение наделенного полномочиями человека, — и Феликса взяли под руки и вывели на стоянку. Вежливо, но решительно.

Рядом с его машиной стояла стопка картонных коробок. Он купил эту подержанную машину — красный «мустанг» с откидным верхом — в

порыве сопротивления кризису среднего возраста, когда чувствовал себя по-прежнему бодрым и удалым. Еще до Миранды, которой потом не стало. «Мустанг» был ржавым еще при покупке и с тех пор проржавел еще больше. Феликс давно собирался его продать и купить другую машину, более темного цвета. Теперь можно об этом забыть. Он еще не открывал конверт с выходным пособием, но заранее знал, что там будет лишь допустимый минимум. Никакой тебе роскоши в виде подержанных автомобилей.

Моросил дождик. Охранники помогли Феликсу загрузить картонные коробки в «мустанг». Они не проронили ни слова. Феликс тоже молчал. Да и что можно было сказать?

Коробки промокли. Интересно, что в них лежит? Бумаги, памятные вещи, кто знает? В тот момент Феликсу было плевать. Он подумывал, а не сделать ли широкий жест? Сложить все коробки посреди стоянки и поджечь! Но чем поджечь? Тут нужен бензин, спички или зажигалка, а у Феликса не было ни первого, ни второго, ни третьего. Да и зачем давать Тони еще одно оружие против себя? Вызов пожарных, звонки в полицию, Феликса уводят в наручниках, он что-то невнятно бормочет и орет благим матом, ему

предъявляют обвинения в поджоге и нарушении общественного порядка. Назначена психиатрическая экспертиза, проплаченная Тони. Установлен диагноз. *Видите?* — скажет Тони на заседании Правления. — *Параноик. Психованный. Слава богу, мы избавились от него вовремя, пока он не съехал с резьбы прямо в театре.*

Когда они запихивали в «Мустанг» последние промокшие коробки, на стоянку выкатилась одинокая упитанная фигура. Лонни Гордон, председатель Правления фестиваля, с зонтиком над лысеющей головой со всклоченными волосами, пластиковым пакетом, какой-то палкой и охапкой чего-то, что по виду было похоже на шкуру скунса, и увенчивала все это дохлая белая кошка.

Старый хрыч и предатель. Феликс не удостоил его даже взглядом.

Вперевалочку, шлеп-шлеп по лужам, подошел толстый Лонни, сопящий, как морж.

— Феликс, мне очень жаль, — сказал он, поравнявшись с багажником «мустанга».

— Черта с два тебе жаль, — отозвался Феликс.

— Я голосовал против, — скорбно проговорил Лонни. — Меня задавили большинством голосов.

— Ага, как же, — сказал Феликс. Палка ока-

залась его тростью с лисьей головой; дохлая кошка — его бородой для Просперо; ворох шкур, теперь он разглядел, был его волшебной мантией. Шкурки намокли, мех местами свалялся. Пластмассовые глазки-бусинки тупо глядели на Феликса, плюшевые хвосты уныло свисали. В сером пасмурном свете дня мантия выглядела по-дурацки. Но на сцене, украшенная листвой, золочеными цветами и блестками, она смотрелась бы великолепно.

— Мне правда жаль, что все так получилось, — сказал Лонни. — Я подумал, тебе захочется это забрать. — Он попытался вручить Феликсу мантию, бороду и трость, но тот их не принял. Стоял, опустив руки, и просто смотрел на Лонни. Момент был неловкий. Лонни и вправду расстроился: сентиментальный старый пердун, он плакал в конце трагедий. — Пожалуйста, — сказал он. — Возьми на память. Ты вложил столько труда. — Он опять протянул вещи Феликса. Чернокожий охранник забрал их и запихал в машину.

— Не стоило беспокоиться, — сказал Феликс.

— И вот еще, — Лонни протянул ему пластиковый пакет. — Твой сценарий «Бури». С твоими пометками. Я позволил себе заглянуть… это был бы шедевр. — Его голос дрожал. — Может, когда-

нибудь пригодится.

— Ты бредишь, — сказал Феликс. — Ты и эта тварь Тони… вы разрушили мою карьеру, и ты это знаешь. Лучше бы вы меня пристрелили. — Это было преувеличение, но Феликса хоть чуть-чуть утешало, что можно ткнуть кого-то носом в его собственные невзгоды. Кого-то добросердечного, бесхарактерного и уязвимого в отличие от Тони.

— Я уверен, что у тебя все образуется, — сказал Лонни. — В конце концов, такие творческие инициативы, такой талант… Наверняка есть и другие места… Новый старт…

— Другие места? — перебил его Феликс. — Мне уже пятьдесят! Как-то я староват для новых стартов, тебе не кажется?

Лонни тяжело сглотнул.

— Я понимаю, что ты… Мы обязательно вынесем тебе благодарность. На следующем заседании. Было еще предложение поставить статую… ну, знаешь… бюст. Или, может, фонтан в твою честь…

Творческие инициативы. Талант. В театральной среде как-то уж слишком злоупотребляют этими словами, с горечью подумал Феликс. А три самые бесполезные вещи на свете: член священника, сиськи монахини и выражение искренней

благодарности.

— Засунь этот бюст себе в… — начал было он, но потом смягчился. — Спасибо, Лонни. Я знаю, ты хочешь как лучше. — Он протянул руку. Лонни ее пожал.

Неужели по красным щекам старика и вправду текли слезы, дрожали губы? Теперь, когда Тони встал у руля, Лонни следует поберечь задницу, подумал Феликс. Особенно если он будет и дальше так раскисать, мучаясь угрызениями совести. Церемониться Тони не станет: он сокрушит оппозицию, подавит сомневающихся, окружит себя бандой громил, разгонит всех, кто ему неугоден.

— Если тебе будут нужны рекомендации, — сказал Лонни, — я с радостью помогу… или… я понимаю, тебе сейчас… может быть, когда ты отдохнешь… Ты работал на износ. С тех пор, как… это ужасно… мне очень жаль… Так не должно быть. Человеку не выдержать столько горя…

Лонни присутствовал на обоих похоронах, сначала на Надиных, а затем Миранды, он бросил маленький букетик бледно-розовых чайных роз в крошечную могилу. Тогда Феликс подумал, что это несколько театрально, хотя был благодарен за проявление чувств. Под конец Лонни не выдержал и разрыдался, сморкаясь в платок размером

со скатерть.

Тони тоже присутствовал на похоронах, подлая крыса, в черном галстуке, со скорбной рожей, хотя, возможно, он уже тогда вынашивал планы, как занять место Феликса.

— Спасибо, — повторил Феликс, оборвав Лонни на полуслове. — Со мной все будет в порядке. И вам спасибо за помощь, — обратился он к охранникам.

— Осторожнее на дороге, мистер Филлипс, — сказал один из них.

— Да, — сказал второй. — Мы просто делаем свою работу.

Они вроде как извинялись. Возможно, они сами знали, каково это — быть на месте того, кого увольняют.

Потом Феликс сел в проржавевший «мустанг», выехал со стоянки и помчался в свою оставшуюся жизнь.

5. Владелец очень бедного жилья

Вся оставшаяся жизнь. Когда-то ему казалось, что это долго. Очень долго. Как быстро пролетело время. Сколько лет жизни растрачено впустую. Сколько их еще осталось.

Вырулив со стоянки, Феликс поехал куда глядят глаза. Он не чувствовал, что управляет машиной. Ощущение было такое, как будто его что-то гонит. Уносит ветром. Ему было зябко, хотя дождь уже прекратился, в небе сияло солнце, а в машине работала печка. Пребывал ли он в шоковом состоянии? Нет: его не трясло. Он был спокоен.

Вскоре театр пропал из виду: театр с его развевающимися флажками, фонтаном с каменными дельфинами, внутренним двориком и нарядной публикой, толпящейся у киосков с мороженым. Осталась позади главная улица Мейкшавега с ее дорогущими ресторанами и пивными, украшенными головами древних поэтов, свиней и королев эпохи Возрождения, а также лягушками, гномами и петухами; остались позади сувенирные лавки с кельтскими шерстяными изделиями и резьбой эскимосов и бутики с английским фарфором. Кра-

сивые кирпичные дома в викторианском стиле, на которых периодически встречались вывески — «Домашняя гостиница», сменились вереницей аптек, мастерских по ремонту обуви и тайских маникюрных салонов. Еще несколько светофоров — и пригородные супермаркеты, мексиканские забегаловки и рестораны быстрого питания с непременными гамбургерами тоже остались позади. Феликс мчался вперед, не разбирая дороги.

Куда он заехал? Он не знал. С двух сторон от дороги простирались поля: светло-зеленая весенняя пшеница, темно-зеленые соевые бобы. Островки из деревьев с сочной молодой листвой окружали старые фермерские подворья, деревянные амбары, построенные не меньше века назад, все еще были пригодны к использованию, силосные башни ломали плоский горизонтальный пейзаж. Асфальт под колесами сменился гравием. Дорога явно нуждалась в ремонте.

Он сбросил скорость и огляделся по сторонам. Ему нужно было убежище, тайный приют, место, где он никого не знает и никто не знает его. Пристанище, где можно восстановить силы и зализать раны. Только теперь до него начало доходить, как серьезно он ранен.

Завтра или послезавтра, максимум через три

дня, с подачи Тони в газетах появится насквозь лживая история. Они напишут, что Феликс уволился с поста художественного руководителя Мейкшавегского фестиваля по собственному желанию, чтобы приложить свой талант к новым проектам, но никто этому не поверит. Если Феликс останется в Мейкшавеге, вездесущие репортеры обязательно его разыщут, чтобы посмаковать подробности низвержения титана. Они будут названивать ему домой, ждать в засаде, рыскать по городу в надежде перехватить его в одном из местных баров, если он сдуру решит пойти в него. Его спросят, хочет ли он как-то прокомментировать свою отставку; наверняка попытаются задать провокационные вопросы, чтобы вывести его из себя: он заработал себе репутацию человека вспыльчивого и несдержанного. Но какой смысл кричать, сотрясая воздух? Что он этим добьется?

Солнце уже садилось, постепенно принимая багровый цвет. Сколько он здесь пробыл, где бы ни было это *здесь*? Феликс поехал дальше.

На некотором расстоянии от дороги виднелась странная постройка, к которой вел заброшенный, заросший травой проезд. Вроде бы дом, но врытый в склон небольшого холма, так что снаружи

был виден только фасад с единственным окном и приоткрытой дверью. Из стены выходила металлическая труба и круто загибалась вверх. Кончик трубы был прикрыт жестяным колпаком. На натянутой перед домом бельевой веревке еще оставалась одинокая прищепка, державшая какую-то серую тряпочку вроде кухонного полотенца. Феликс подумал, что здесь его точно никто не найдет.

Во всяком случае, можно пойти посмотреть.

Феликс поставил машину на обочине гравийной дороги и пошел по заброшенной дорожке, пробираясь сквозь высокую траву. Дверь заскрипела, когда он распахнул ее шире. Но это не страшно. Надо лишь смазать петли. Потолок в помещении был низкий, с деревянными балками, когда-то побеленными, а теперь заросшими паутиной. Пахло даже приятно: землей и деревом, с легким оттенком золы. В углу стояла чугунная плита с двумя конфорками и крошечной духовкой — ржавой, но все еще целой. Две комнаты. Во второй, видимо, была спальня. Здесь имелось окно — точнее, стеклянный люк в потолке, причем стекло с виду казалось новым, и дверь, закрытая на крючок. Феликс откинул крючок и отворил дверь. За ней обнаружилась заросшая сорняками

тропинка и деревянный садовый туалет. Вот и славно, подумал Феликс. Ему не придется самому копать яму под отхожее место. Об этом уже позаботился кто-то другой.

Мебели не было, кроме массивного платяного шкафа в спальне и кухонного стола с пластиковой красной столешницей с серебряными завитками. Ни одного стула. Пол дощатый: спасибо, что не земляной. Имелась даже раковина с ручным насосом. С потолка свисала электрическая лампочка, значит, в дом было проведено электричество. Феликс на пробу щелкнул выключателем, и лампочка зажглась. Значит, кто-то здесь жил не так давно, намного позже, скажем, чем в 1830 году. В домике было все необходимое для жизни, хотя и по минимуму. Но если найти владельца, договориться кое-что здесь поменять, то вполне можно жить.

Избрав эту хижину и все прилагавшиеся к ней лишения, он никого не накажет, кроме себя самого. Наденет власяницу, изображая мученика, отшельника. Смотрите, как я страдаю. Это будет спектакль без зрителей, исключительно для себя. Он понимал, что это ребячество. Глупое упрямство. Давно пора повзрослеть.

Но если по правде, какие еще варианты? Он

слишком известная личность, чтобы устроиться на другую работу; на такую работу, которая стала бы равноценной заменой прошлой, на такую работу, которая привлекает его самого. И Сэл О'Нелли, держащий в руках ключи от сундука с сокровищами государственного финансирования, ненавязчиво преградит Феликсу путь к любой более-менее значимой руководящей должности: Тони не нужен соперник, который может создать конкуренцию театральному фестивалю в Мейкшавеге, а то и вовсе его переплюнуть. Тони с Сэлом явно объединили усилия, а это значит, что Феликсу не дадут поднять голову. Зачем доставлять им удовольствие и биться лбом в глухую стену?

Он вернулся в Мейкшавег и остановился у маленького кирпичного коттеджа, который снял на этот сезон. С тех пор как Феликс лишился семьи, он решил, что теперь у него не будет своего дома. Он будет жить в съемных — чужих — домах и квартирах. У него до сих пор сохранились некоторые предметы мебели: кровать, письменный стол, торшер, два старых деревянных стула, — которые они с Надей купили во время распродажи на блошином рынке. Личный хлам. Все, что осталось от настоящей, полноценной жизни.

И фотография его Миранды, конечно. Он всегда держал ее рядом, чтобы смотреть на нее, когда чувствовал, что начинает скатываться во тьму. Этот снимок он сделал сам, когда Миранде было почти три. Она впервые села на качели. Запрокинула голову, рассмеялась. Такой она и осталась на фото: взлетает в воздух, крепко держится ручками за веревки, утренний солнечный свет сияет в ее волосах. Фотография вставлена в рамку серебристого цвета. Серебряная оконная рама. По другую сторону этого магического окна Миранда еще жива.

Но теперь ей придется остаться запертой за стеклом, потому что его «Бури» не будет, и новая Миранда — та Миранда, которую он собирался создать или, может быть, воскресить — не воплотится в реальность.

Тони потерял совесть настолько, что даже не дал Феликсу проститься с актерами и техническим персоналом. Сказать им спасибо. Выразить сожаление, что «Буря» не состоится. Его вытолкали за дверь как преступника. Неужели Тони и его прихлебатели так боялись Феликса? Боялись всеобщего бунта, противодействия? Они и вправду считали, что у Феликса столько власти?

Он позвонил в транспортную компанию и

спросил, когда они смогут прислать грузчиков. Сказал, что ему нужно упаковать вещи и сдать их на хранение как можно быстрее; он доплатит за срочность. Он выписал чек хозяину дома, оплатив весь срок аренды. Он сходил в банк, положил на счет деньги, полученные от Тони, — мизерное выходное пособие — и сообщил управляющему, что у него скоро сменится адрес. Новый он сообщит письмом.

Хорошо, у него были какие-то сбережения. Он мог позволить себе лечь на дно, скрывшись от мира. На какое-то время.

Теперь надо было найти владельцев старого жилища у дороги. Он вернулся туда и постучался в хозяйский дом на ближайшей ферме. Дверь открыла женщина; средних лет, невысокого роста, с тусклыми русыми волосами, собранными в хвост, — типичная внешность. Джинсы и свитер; за спиной женщины виднелся кусок прихожей и детская пластмассовая игрушка на полу, который был покрыт линолеумом. У Феликса сжалось сердце.

Женщина встала в дверях, скрестив руки на груди.

— Я видела вашу машину, — сказала она. — У хибары.

— Да, — сказал Феликс, выдав свою самую очаровательную улыбку. — Я тут подумал… Вы знаете, кто владелец этого домика?

— А вам зачем? — нахмурилась женщина. — Это не наше. Налог мы за него не платим. Просто старая хибара, гроша ломаного не стоит. Осталась от первопоселенцев или кого там, не знаю. Я давно говорю Берту, ее надо сжечь.

Ага, подумал Феликс. Тут можно договориться.

— Я был болен, — сказал он, и сказал почти правду. — Доктора прописали мне отдых в деревне. Говорят, свежий воздух пойдет мне на пользу.

— Воздух, — фыркнула женщина. — Воздуха здесь завались. И совершенно бесплатно, насколько я помню. Дышите себе на здоровье.

— Я бы хотел поселиться в том маленьком домике, — сказал Феликс с безобидной улыбкой. Он хотел произвести впечатление человека с легким приветом, но именно с легким. Малость тронутый, но не маньяк. — Я буду платить за аренду. Ежемесячно. Наличными, — добавил он.

Это были волшебные слова, открывающие все двери. Феликса пригласили войти, провели в кухню, усадили за стол и сразу же перешли к делу. Женщине очень хотелось денег, она этого и не

скрывала. Берт — ее муж — так и не смог заработать нормальные деньги, выращивая люцерну, и подрабатывал доставкой газовых баллонов, а зимой еще чистил дороги. Дома он бывал редко, так что женщине приходилось справляться со всем самой. Она снова фыркнула и дернула головой: «со всем» включало в себя и чокнутых вроде Феликса.

Она сказала, что в домике периодически кто-то живет. Последние его обитатели, «парочка хиппи, он — художник, она — уж не знаю, как называют девиц, которые путаются с художниками», съехали в прошлом году. До них там жил ее нищий дядюшка; а до него — тетушка Берта, сумасшедшая старушенция, которую пришлось сдать в психушку. Кто жил там до тетушки, она не знает. Ее здесь еще не было. Кто-то из местных уверен, что в домике водятся привидения, но пусть Феликс не обращает внимания на глупые слухи, насмешливо проговорила она, это неправда, потому что народ здесь дремучий. (Она-то явно считала, что это правда.)

Они договорились, что Феликс может поселиться в хибаре и волен ее ремонтировать как угодно. Зимой Берт будет чистить подъездную дорожку, чтобы Феликсу не приходилось тонуть в снегу.

Деньги надо отдавать Мод — так звали женщину — в конвертике. Ежемесячно, первого числа. А если кто-нибудь спросит, то он никаких денег не платит. Феликс — дядюшка Мод и живет здесь бесплатно. Они с Бертом обеспечат его дровами для печки: их сын-подросток будет привозить дрова на тракторе. Эта услуга уже включена в стоимость аренды. Если Феликс захочет, Мод может стирать его вещи. За отдельную плату.

Феликс поблагодарил ее и сказал, поживем — увидим. Со своей стороны он поставил условие, чтобы она никому не рассказывала о нем. Ему сейчас надо залечь на дно, сказал он. На то есть причины, но они не связаны с криминалом.

Она покосилась на него; она не поверила насчет криминала, но ей было плевать.

— Можете мне довериться, — сказала она.

Как ни странно, но он ей поверил.

Она проводила его до двери, и они пожали друг другу руки. У нее было крепкое, по-мужски сильное рукопожатие.

— Как вас зовут? — спросила она. — В смысле, как к вам обращаться, если вдруг что?

Феликс замешкался. *Не ваше дело,* вертелось на языке.

— Мистер Герц, — сказал он.

6. В темной пропасти времен

Очень скоро Феликс обнаружил, что исчезнуть из мира не составляет труда, и что мир, в общем и целом, легко отнесется к твоему исчезновению. Дыра, образовавшаяся на полотне Мейкшавегского фестиваля после ухода Феликса, была заполнена почти мгновенно — ее заполнил Тони. Представление продолжалось, как и полагалось. Куда подевался Феликс? Это была загадка, но никто не стремился ее разгадать. Без пересудов, конечно же, не обошлось. Может быть, у него нервный срыв? Или он спрыгнул с моста? Все помнят, как он убивался, когда умерла его девочка — так трагично, — а потом помешался на этой своей, прямо скажем, безумной «Буре», тут поневоле задумаешься. Но интерес быстро иссяк, потому что у каждого, кто его проявлял, были другие дела и заботы, и о Феликсе начали забывать. Волна слухов успокоилась. Надо было добиваться успеха, учить роли, оттачивать мастерство.

Выпьем за старого маньяка, он представлял себе, как они поднимают бокалы в пабе «Свисток и жаба», или в «Королевской башке», или в «Каштане и бесенке», или в любом другом месте, где

актеры и другие работники фестиваля расслаблялись в свободное время. *За Маэстро. За Феликса Филлипса, где бы он ни был.*

Феликс перевел свой банковский счет в филиал в Уилмоте, через два города от Мейкшавега, и там же арендовал себе абонентский ящик на почте. В конце концов, он еще жив, и у него есть некоторые обязательства. Например, нужно подавать налоговые декларации. Если он не подаст декларацию вовремя, они его из-под земли достанут. Это была минимальная цена за то, чтобы спокойно ходить по земле, дышать, вкушать пищу и опорожняться, с горечью размышлял он.

Он открыл второй банковский счет на имя Ф. Герца, объяснив, что это его литературный псевдоним. Да, он писатель, сказал Феликс в банке. Ему было приятно заиметь двойника, не обремененного его печальной историей. Феликс Филлипс стал никому не нужен, но у Ф. Герца еще были шансы; хотя пока непонятно, какие и в чем.

Для общения с налоговой он сохранил свое настоящее имя. Так было проще. Но для новых соседей он был «мистером Герцем»: для Мод и Берта, для их вечно насупленной маленькой дочки Кристель, которая явно считала Феликса

пожирателем детей, и для Уолтера, их хмурого сына-подростка, который в первые несколько лет — пока не уехал на заработки в Альберту — и вправду возил дрова к скромному обиталищу Феликса.

На какое-то время Феликс придумал себе забаву: представлял Мод в роли синеглазой ведьмы Сикораксы, а Уолтера — в роли Калибана[3], уродливого слуги, который носил дрова и мыл посуду в постановке его личной «Бури», которая происходила у него в сознании, однако это продлилось недолго. Все было не то и не так: муж Берт не тянул на дьявола, а юная Кристель, угрюмый, толстый и неуклюжий ребенок, явно не подходила на роль сильфидоподобной Миранды.

И в этом раскладе не было места для Ариэля, хотя Феликс заплатил Берту — мастеру на все руки, — чтобы тот провел в домик еще один электрический кабель от фермы вдобавок к тому, без сомнения нелегальному, который уже был. Таким образом, он мог включать маленький обогреватель в холодные дни, а также крошечный холодильник и электроплитку на две конфорки, хотя не одновременно, иначе у него выбивало

---

[3] Примечания: 3

Сикоракса и *Калибан* — герои пьесы У. Шекспира «Буря».

пробки. Еще он купил электрический чайник. Мод каждый месяц считала расход электричества и добавляла нужную сумму к его квартплате. Если уж выделять роли в «Буре» семейству Мод, то они были низшими стихийными духами: источником тепла и света, хотя источником весьма скудным, шутил про себя Феликс.

Не считая торжественной передачи конверта с деньгами первого числа каждого месяца, Феликс практически не общался со своими домовладельцами, если их можно было назвать таковыми. Семейство Мод занималось своими делами. Феликс занимался своими.

Но какие у него были дела?

Он старался избегать новостей о театре и не думать о нем. Слишком болезненно. Но эти попытки редко увенчивались успехом. Он как одержимый скупал все местные газеты и даже газеты ближайших городов, просматривал отзывы о фестивале, а потом рвал их на растопку.

На раннем этапе этого периода скорби и тяжких раздумий он занялся ремонтом своего захолустного жилища. Ручной труд способствовал исцелению духа. Он вычистил комнаты, вымел всю паутину, забрал со склада, где хранил вещи, свои немногочисленные пожитки и перевез их в

новый дом. Немного смазки, чуть-чуть герметика, новая резиновая прокладка — и ручной насос заработал. С туалетом все оказалось проще: он был готов к использованию и пока не издавал неприятных запахов. Феликс купил упаковку каких-то коричневых гранул, рекламируемых как идеальное средство для садовых уборных, и периодически засыпал их в яму. Он постелил ковер на полу в спальне. Поставил кровать и прикроватный столик. На столике поселилась фотография смеющейся Миранды. Несмотря на жалкие потуги создать домашний уют, Феликс спал беспокойно и часто просыпался по ночам.

Он прикупил несколько инструментов в магазинчике хозтоваров в Уилмоте: косу, молоток. Выкосил все сорняки перед домиком; взобравшись на шаткий стул, вымыл окно в большой комнате и стеклянный люк в спальне. Он даже подумывал разбить огород, посадить помидоры и прочие овощи. Но нет: это будет уже перебор. И все же он не сидел сложа руки. Он занимался своими делами: обустраивал дом, хлопотал по хозяйству.

Только этого было мало.

Он записался в библиотеку. Решил, что надо воспользоваться возможностью и наконец

прочитать всю классику, которую не одолел в юности. «Братья Карамазовы», «Анна Каренина», «Преступление и наказание»… Он честно попробовал, но не смог: слишком много реальной жизни, слишком много трагедии. Зато он обнаружил, что его тянет на детские книжки, где все непременно заканчивается хорошо. «Энн из Зеленых Крыш», «Питер Пэн». Волшебные сказки: «Белоснежка», «Спящая красавица». Юные девушки умирали и лежали в хрустальных гробах или на царских кроватях под балдахином, а потом оживали чудесным образом от поцелуя истинной любви: вот о чем он мечтал. Исправить непоправимое. Обмануть смерть.

— У вас, наверное, внуки, — сказала ему милая библиотекарша. — Вы им читаете вслух?

Феликс кивнул и улыбнулся. Зачем ей знать правду?

Но вскоре и этот источник иссяк. Феликс стал проводить непростительно много времени, сидя в теньке в полосатом шезлонге, купленном на гаражной распродаже, и глядя в пространство. Подобное времяпрепровождение неизбежно приводит к тому, что человеку начинает видеться то, чего нет. Но Феликса это не насторожило. Облака странной формы, лица в листве. Так он чувство-

вал себя менее одиноким.

Тишина все-таки до него добралась. Не совсем тишина, если быть точным. Пение птиц, стрекот сверчков, шелест деревьев под ветром, многоголосие жужжащих в сортире мух. Иногда, чтобы сбежать от этой непрекращающейся полумузыки, он садился в свою ненадежную машину, ехал в Уилмот и покупал что-нибудь в магазинчике хозтоваров. Просто чтобы услышать обыкновенную человеческую речь. За несколько лет у него скопилась небольшая коллекция банок столярного клея, отверток, шурупов, дверных крючков без петель и крючков для картин. Может быть, он потихоньку впадал в маразм? Что о нем говорили соседи? Видели в нем безобидного местного чудика? Или вообще его не замечали? И не все ли ему равно?

Если нет, то имелось ли что-то, что еще было важно? Чего он хотел с той же страстью, пылавшей в нем прежде, когда он неистово сотрясал твердь театрального мира? Для чего теперь жить? Какова его цель? Он потерял дело всей жизни, любовь всей своей жизни. Обе любви. Он впадал в спячку. Терял энергию. Существовал по инерции, но хотя бы не потянулся к рюмке.

Он мог бы стать одним из многих мужчин

преклонного возраста — оставивших в прошлом романтику и амбиции, — бесцельно топчущих землю. Мог бы отправиться в путешествие. У него были какие-то сбережения. На две-три поездки должно хватить. Но вот именно что на две-три. И вряд ли ему было бы интересно. Потому что: куда он хотел бы поехать? Он мог бы завести интрижку с какой-нибудь одинокой дамой и сделать несчастными их обоих. О создании новой семьи не могло быть и речи, потому что никто не заменит ушедших. Он мог бы записаться в бридж-клуб, кружок фотографии или студию рисования акварелью. Но он ненавидел бридж, потерял интерес к фотографии и не взялся бы за рисование даже ради спасения собственной жизни.

Но хотел ли Феликс спасти себе жизнь? А если нет, что тогда?

Можно повеситься. Пустить себе пулю в лоб. Утопиться в озере Гурон, которое было не так далеко.

Пустые размышления. Он не думал об этом всерьез.

А значит…

Надо было найти себе цель. Он много думал об этом, сидя в шезлонге на свежем воздухе. В конце концов он пришел к выводу, что у него остается

лишь два варианта — два дела, которые все еще могут доставить ему удовольствие. Со временем он сформулировал их для себя очень четко.

Во-первых, надо вернуть себе «Бурю». Ему необходимо поставить ее на сцене, когда-нибудь, где-нибудь. И это не связано с театром или с его репутацией, или с его карьерой — нет, истинная причина была иная. Все очень просто: его Миранда должна восстать из хрустального гроба. Ей надо дать жизнь. Но как это сделать, где найти актеров? Актеры не растут на деревьях, хотя деревьев вокруг в избытке.

Во-вторых, он хотел отомстить. Он жаждал мщения. Мечтал о нем. Тони и Сэл не должны избежать наказания. Он оказался в столь бедственном положении по их вине. Они поступили с ним подло. Но как ему им отомстить?

Вот чего он хотел. И хотел с каждым днем все сильнее. Но не знал, как это осуществить.

7. Предавшись страстно наукам тайным

С «Бурей» придется подождать, *faute de mieux*[4]: на нее не было средств. Стало быть, первым делом Феликс сосредоточился на отмщении.

Как оно осуществится? Он коварно заманит Тони в сырой подвал обещанием бочонка амонтильядо, а потом замурует его в стене? Но Тони не был гурманом. Деликатесные блюда и вина интересовали его только как показатели высокого общественного положения. И он не настолько глуп, чтобы отправиться с Феликсом в темный подвал, не заручившись поддержкой двух вооруженных телохранителей. Он хорошо знал, что у Феликса были причины его ненавидеть.

Допустим, Феликс соблазнит жену Тони или, что лучше, наймет какого-нибудь молодого и рьяного жеребца, чтобы он соблазнил жену Тони? Но эта женщина представляет собой экспонат из замороженного алебастра: вероятно, она вообще робот и несоблазняема в принципе. И даже если удастся взломать замок ее невидимого пояса

---

[4] Примечания: 4
За неимением лучшего (*фр.*).

верности, почему должен страдать ни в чем не повинный молодой жеребец, кем бы он ни был? Зачем обрушивать на него ярость Тони, который теперь стал влиятельным человеком, имеющим доступ к оружию, способному превратить в пепел любую карьеру? Век молодых жеребцов очень недолог, и надо дать им возможность насладиться их золотыми денечками в плавательных бассейнах и постелях почтенных матрон. Пока молодость не увяла, пока плоть отзывчива к женской красоте и разум не потерял ясности.

Вот еще вариант: пробраться в дом/офис/любимый ресторан Тони и подсыпать ему в еду яд, чтобы Тони слег с неизлечимой болезнью, а потом умер мучительной, долгой смертью. Тогда Феликс переоденется в доктора, придет к Тони в больницу и будет злорадствовать. Он когда-то читал детективный роман, в котором жертву отравили луковицами нарциссов. Их подложили в луковый суп.

Нет, нет. Пустые фантазии. Это уже не месть, а какая-то мелодрама. И в любом случае у него нет возможностей, чтобы все это осуществить. Надо действовать более изощренно.

Знай своего врага, учат нас лучшие умы человечества. Феликс начал отслеживать все действия

Тони: где он бывает, что делает, все его официальные заявления, все выступления по телевизору. Список его достижений; Тони нравилось накапливать достижения, и он очень тщательно следил за тем, чтобы о них было известно общественности.

Поначалу отслеживать Тони не составляло труда: для этого было достаточно просто просматривать местные мейкшавегские газеты — в то время их было всего две, — с театральными и светскими новостями. Без Тони, кажется, не обходился ни один званый вечер, ни один благотворительный бал. Сам Тони без устали давал интервью и блистал в свете. Феликс скрежетал зубами, узнав, что Тони вручили награду как Лучшему предпринимателю года в сфере искусства, а чуть позже — награду за Лучшую социально ориентированную театральную программу, когда Тони придумал пригласить местных детишек на Фестиваль, где они смотрели «Гамлета», перешептываясь и хихикая, пока на сцене громоздились трупы. Только эту программу придумал не Тони, а Феликс. Как и большинство проектов, за которые Тони получал премии и награды.

На пятом году пребывания Феликса в изгнании Тони вручили орден Онтарио. Дешевый фигляр,

рычал про себя Феликс. Еще одна побрякушка тебе на лацкан. Самозванец!

Шестой год изгнания. Тони сменил направление. Уволился из дирекции Фестиваля и подался в политику. Баллотировался в Мейкшавеге, где был заметной фигурой общественной жизни, и получил место в законодательном собрании всей провинции. Сэл О'Нелли по-прежнему занимал пост министра культуры, так что теперь эти двое сидели в одном гнезде и, вне всяких сомнений, прилежно его устилали пером и пухом. Очень уютно устроились, оба.

Пройдет не так много времени, и Тони пробьется в кабинет министров, размышлял Феликс. Пролезет без мыла. О нем уже говорили, что он имеет хорошие перспективы. На фотографиях Тони держался с поистине министерским апломбом.

Технологии не стояли на месте, и вскоре в скудный шпионский набор Феликса добавилось новое поисковое средство: всезнающий Гугл, великий и ужасный. Когда-то у Феликса был служебный компьютер, которого он лишился вместе с постом художественного руководителя Мейкшавегского театрального фестиваля. В первое время он окопался в интернет-кафе в Уилмоте, где за вполне

посильную плату можно было сидеть в Сети хоть целый день. Уходя с Фестиваля, Феликс удалил свой рабочий почтовый адрес — меньше всего он нуждался в потоке лицемерных писем от сочувствующих бывших коллег, — но сейчас завел два новых. Один — на свое настоящее имя, другой — на имя мистера Герца, который открыл в местном банке пару кредитных карт. Феликс даже подумывал о том, чтобы справить мистеру Герцу водительские права, но это был бы уже перебор.

Вскоре он стал замечать, что в интернет-кафе на него обращают внимание — наверное, думают, что он ходит туда смотреть порно, — и купил себе недорогой подержанный компьютер. Провел в свою берлогу телефонный кабель из дома Мод и стал выходить в интернет с помощью соединения по телефонной линии. А когда в их глуши проложили кабель, Феликс тут же приобрел роутер и переключился на беспроводную связь, что увеличило скорость соединения и обеспечило большую конфиденциальность его выходов в Сеть.

Поразительно, как много можно узнать о человеке из Интернета. Вот он, Феликс, сидит в своей глухомани и читает в Гугле, как Тони и Сэл вовсю наслаждаются жизнью, не подозревая о том, что за ними ходит незримая тень: наблюдатель, со-

глядатай, преследователь.

Чего ждал Феликс? Он сам не знал. Удобного случая, удачного стечения обстоятельств? Подходящей минуты, чтобы вступить в конфронтацию? Момента, когда перевес сил окажется на его стороне? Он хотел невозможного, но подавленный гнев придавал ему сил. Гнев и жажда справедливости.

Он понимал, что его слежка на расстоянии слегка отдавала безумием, но только слегка. Но в его жизни открылась другая область, граничащая с полноценным умопомрачением.

Все началось с того, что он стал считать, сколько лет было бы теперь Миранде, будь она жива. Ей было бы пять, потом шесть; у нее бы уже выпадали молочные зубы; она бы училась писать. Все в таком духе. Поначалу лишь смутные грезы. Сны наяву.

Но очень скоро эти мечтания почти превратились в уверенность, что она все еще рядом с ним, только невидима. Назовем это причудой, капризом, актерской игрой: на самом деле он в это не верил, но принял фантазию как реальность. Он возобновил свои походы в уилмотскую библиотеку за детскими книжками, но теперь читал их вслух по вечерам. Отчасти чтобы развлечься и

не терять форму — его голос остался таким же глубоким и колоритным, как прежде, но лишняя тренировка не помешает, — отчасти из-за потворства иллюзии, которую сам же и создал. Была ли там девочка, слушавшая его? Нет, ее не было на самом деле. Но ему нравилось думать, что она есть.

Когда Миранде было пять, шесть, семь лет, он помогал ей делать уроки; естественно, в школу она не ходила. Была на домашнем обучении. Они сидели за кухонным столом, на старых деревянных стульях.

— Шестью девять? — спрашивал он.

Она была такой умной! Почти никогда не ошибалась.

Они вместе завтракали, обедали и ужинали, и это было хорошо, потому что иначе он иногда забывал бы поесть. Она ласково его бранила, если он плохо ел. Доедай все, что лежит на тарелке, говорила она ему. Ее любимой едой были макароны с сыром.

Когда ей исполнилось восемь, он научил ее играть в шахматы. Она быстро училась и уже очень скоро стала выигрывать у него две из трех партий. Как серьезно она изучала доску, покусывая кончик длинной косички, которую научилась

заплетать сама. Как Феликс радовался, — но втайне, — когда Миранда выигрывала у него, хотя притворялся расстроенным. Она смеялась. Она знала, что он притворяется. Если же он был расстроен по-настоящему, она всегда проявляла сочувствие. Какая чуткая, добрая девочка! Он старался, чтобы она не видела его ярость. Ярость, которую он копил против Тони и Сэла. Потому что Миранда могла испугаться. Когда он следил за их передвижениями в Интернете, бормоча вслух проклятия, ее никогда не было в комнате.

Днем она часто ходила гулять, играла в полях или в лесу за домом. Феликс видел, как облако бабочек взмывало над лугом: наверное, это она их вспугнула. Когда в лесу поднимали шум сойки или вороны, он понимал, что Миранда гуляет там. При ее приближении белки стрекотали, прыгая с ветки на ветку, куропатки вспархивали из высокой травы. В вечерних сумерках светлячки освещали ей путь, совы приветствовали ее приглушенным уханьем.

Зимой, когда подъездную дорожку скрывал снег и ветер выл среди голых деревьев, она все равно убегала на улицу с утра пораньше. Одевалась легко, не по погоде, и не слушала, что Феликс ворчал о перчатках и шапке, но ни разу не про-

студилась. На самом деле она вообще никогда не болела, в отличие от него самого. Когда он болел, она ходила на цыпочках вокруг него, полная беспокойства; ему же не нужно было беспокоиться за нее. С ней не могло случиться ничего плохого. Все плохое уже случилось.

Она никогда не спрашивала у него, почему они живут только вдвоем, в этой хижине, вдали от людей. Он ничего ей не рассказывал. Для нее это стало бы потрясением: узнать, что ее не существует. Не существует в обычном смысле.

Однажды он услышал, как она поет. Прямо под окном. Это была не фантазия, не греза. Не отчаянный вымысел, не самообман. Он действительно услышал ее голос. Но это не стало ему утешением. Наоборот, он испугался.

— Все зашло слишком далеко, — строго сказал он себе. — Прекращай, Феликс. Возьми себя в руки. Выбирайся из своей берлоги. Пора восстанавливать связь с реальностью.

8. Веди сюда всю шайку

Вот почему на девятом году изгнания — когда Миранде было двенадцать — мистер Герц устроился на работу. Это была не самая престижная работа, но Феликс не огорчался: он и не собирался высовываться. Вернуться в мир, возобновить связь с людьми — он надеялся, это поможет ему возвратиться с небес на землю. Он потихоньку сходил с ума, теперь он это понимал. Слишком долго жил в одиночестве, снедаемый горем, слишком долго терзался обидой. Он как будто очнулся после тяжелого сна, затянувшегося на годы.

Эту работу он нашел по объявлению на местном сайте вакансий. Преподаватель учебного курса «Грамотность через литературу» во Флетчерской исправительной колонии внезапно занедужил — и недуг оказался смертельным. Замену искали в срочном порядке. Работа временная. Требуется опыт преподавательской деятельности, хотя Феликс предполагал, что не слишком большой. Заинтересованным лицам просьба писать…

Феликс был заинтересован. Он отправил письмо с почты мистера Герца, сообщив о готовности взяться за эту работу. Потом составил фальшивое

резюме, подкрепив его столь же фальшивыми рекомендациями двадцати-тридцатилетней давности от нескольких никому не известных школ в Саскачеване, за подписью директоров, которые к данному времени наверняка отошли к праотцам или давно переехали во Флориду. Он был на девяносто процентов уверен, что проверять никто не станет: в конце концов, он только временный заместитель. Он написал в сопроводительном письме, что уже несколько лет на пенсии, но хочет по мере сил послужить обществу в благодарность за все, что общество сделало для него.

Ответное письмо с приглашением на собеседование пришло почти мгновенно, из чего он заключил, что других претендентов на должность не было. Тем лучше: похоже, они и вправду в отчаянном положении, и он получит работу по умолчанию. Он уже уговорил себя, что ему нужна эта работа. Возможно, она открывала определенные перспективы.

Он привел себя в порядок — в последнее время он не следил за собой и изрядно поизносился, — специально съездил в Уилмот и купил в стоке темно-зеленую рубашку плебейского вида. И даже подровнял бороду, которую отращивал все

эти годы. Теперь она стала седой, почти белой и вкупе с кустистыми седыми бровями смотрелась весьма впечатляюще. Он надеялся, что похож на мудреца.

Собеседование проходило не в самой Флетчерской исправительной колонии, а в «Макдоналдсе» неподалеку. Женщине, проводившей беседу, было хорошо за сорок, и она ухаживала за собой: платиновая блондинка с розовой прядью, блестящие сережки, аккуратный маникюр, модный серебряный лак. Она представилась как Эстель. Без фамилии. Хороший знак, свидетельствующий, что она хотела подружиться с ним. Эстель объяснила, что сама не работает во Флетчерской колонии: она профессор на кафедре литературы в Университете Гуэлфа и курирует учебный курс удаленно. Также она заседает в нескольких консультативных комиссиях, работающих на правительство. В частности, в министерстве юстиции.

— Мой дед был сенатором, — сказала Эстель. — Благодаря его связям мне открыт доступ в определенные сферы. Я знаю всю внутреннюю кухню, можно сказать и так. И признаюсь вам честно, программа «Грамотность через литературу» была в большей степени… в общем, это моя идея.

Пришлось за нее побороться, но я ее все-таки продавила!

— Это достойно восхищения, — сказал Феликс.

— Мы все стараемся по мере сил, — ответила она. — Умерший преподаватель был замечательным человеком; многим будет его не хватать, все было так неожиданно, настоящее потрясение. Он очень старался; он добился… то есть он прилагал все усилия, с учетом условий, в которых ему приходилось… мы все понимаем, что нельзя ожидать слишком многого.

Феликс кивал и поддакивал в нужных местах, делал сочувствующее лицо, смотрел ей в глаза. В ответ Эстель улыбалась все чаще и чаще. Все шло как надо.

Покончив с вводной частью, Эстель приступила непосредственно к собеседованию. Она сделала глубокий вдох и произнесла:

— Кажется, я вас узнала, мистер Герц. Несмотря на бороду, которая, надо сказать, смотрится знатно. Вы Феликс Филлипс? Знаменитый театральный режиссер? Я посещаю Мейкшавегский фестиваль сколько себя помню. С раннего детства. Дедушка нас приобщил. У меня большая коллекция театральных программок!

Вот и вся маскировка.

— Да, — сказал Феликс, — но на эту работу я устраиваюсь как скромный учитель по имени мистер Герц. Чтобы их не напугать.

— Ясно. — Эстель опять улыбнулась, но неуверенно. Безоружный пожилой театральный режиссер всерьез рассчитывает напугать закоренелых преступников, отбывающих тюремное заключение? Правда?

— Если в отделе кадров узнают, кто я, они скажут, что я им не подхожу, потому что у меня слишком высокая квалификация для этой должности.

Эстель улыбнулась увереннее: этот довод был более убедительным.

— Пусть это будет нашей маленькой тайной, — Феликс понизил голос, перегнувшись через стол. — Будьте моей конфиденткой.

— Как это весело! — Ей понравилось. — Конфидентка! Как в пьесах периода Реставрации! В «Городской наследнице» или…

— У Афры Бен, — сказал Феликс.

— Только учтите, что конфиденты были у грабителей и разбойников.

Ее познания произвели на него впечатление: это была малоизвестная пьеса, которую вряд ли сейчас кто-то ставит.

— Может быть, я с детства мечтала податься в разбойники, — рассмеялась она. — Но если без шуток, это действительно большая честь! Я видела почти все ваши спектакли. В Мейкшавеге, когда вы работали на фестивале. Меня просто сразил ваш «Король Лир»! Он был такой… такой…

— Беспощадный, — подсказал Феликс, вспомнив одну из самых восторженных рецензий.

— Да, — сказала Эстель. — Беспощадный. — Она помедлила. — Но эта должность… Конечно, у вас слишком высокая квалификация. Вы же понимаете, это не полная занятость. Всего три месяца в году. Вам никто не предложит оклад, соразмерный…

— Нет-нет, — перебил ее Феликс. — Обычная ставка. Я, можно сказать, уже вышел на пенсию и подрастерял форму.

— На пенсию? Вам еще рано на пенсию, — сказала Эстель. Бессознательный комплимент, рефлекс всякого вежливого человека. — Это была бы большая потеря.

— Вы слишком добры, — сказал Феликс.

Они замолчали.

— Вы же понимаете, что это тюрьма, — наконец проговорила Эстель. — Вы будете преподавать осужденным преступникам. Цель нашего курса

— повысить их общую грамотность, чтобы они смогли устроиться на нормальную работу и занять достойное место в обществе, когда выйдут на свободу. Стоит ли тратить на них ваш талант?

— Это будет серьезное испытание, — сказал Феликс. — Но я никогда не боялся трудностей.

— Давайте начистоту, — сказала Эстель. — Все они с норовом, некоторые заводятся с полоборота. Неизвестно, что будет, если кто-то из них психанет. Я не хочу, чтобы вы… — Она явно уже представляла себе Феликса, лежащего на полу в луже крови, с самодельным ножом в горле.

— Любезная леди, — проговорил Феликс, прибегнув к своему лучшему великосветскому сценическому акценту, — на заре европейского театра актеров почитали отбросами общества наравне с уголовниками. И я знал многих актеров — они вечно выходят из себя. Тонкие, артистичные натуры. Существуют проверенные методики, как с этим справляться. После моих занятий они гарантированно научатся самоконтролю.

Эстель еще сомневалась, но все же сказала:

— Ну что ж, если вы готовы попробовать…

— Но я буду строить программу по-своему, — сказал Феликс, искушая судьбу. — Мне нужна определенная степень свободы в выборе произ-

ведений. — Семестр только начался, умерший преподаватель провел от силы один-два урока, так что у Феликса будет простор для творчества. — Что они обычно читают на этом курсе?

— Мы обычно используем «Над пропастью во ржи», — сказала Эстель. — Почти каждый год. Некоторые рассказы Стивена Кинга, им нравятся такие вещи. «Загадочное ночное убийство собаки». Многие ученики отождествляют себя с главным героем, и она очень легко читается. Короткие предложения.

— Я понял, — сказал Феликс. «Над пропастью во ржи», чтоб мне провалиться, подумал он. Банальщина для среднего школьного возраста. Мы говорим о тюрьме усиленного и особо строгого режима, о взрослых людях, повидавших на своем веку столько, что вам и не снилось. — Но у меня свои методы.

— Боюсь спросить, что за методы, — Эстель склонила голову набок, изящно выгнув шею. Теперь, когда она приняла его на работу, напряжение спало, и можно было кокетничать. Не распаляйся, Феликс, сказал он себе. У нее нет обручального кольца, так что поберегись. Не начинай то, что не сможешь закончить.

— Шекспир, — сказал Феликс. — Вот мой ме-

тод.

— Шекспир? — Эстель, которая наклонилась вперед, теперь резко откинулась на спинку стула. Неужели она передумала? — Но Шекспир слишком… У него много слов. У них сразу отобьет охоту… Может быть, стоит взять что-то более подходящее для их уровня… Сказать по правде, некоторые из них почти не умеют читать.

— Думаете, что шекспировские актеры много *читали*? — сказал Феликс. — Это были ремесленники, как… — Он привел первую пришедшую на ум аналогию, возможно не слишком удачную: — Как каменщики. Они никогда не читали пьесу целиком; только запоминали свои реплики и режиссерские ремарки. Они импровизировали на сцене. Текст не был священной коровой.

— Да, я знаю, но… — сказала Эстель. — Но Шекспир такой классик.

Слишком хорош для них, вот что она имела в виду.

— Он не собирался становиться классиком! — сказал Феликс, добавив в голос капельку возмущения. — Для него классикой были… ну, скажем, Вергилий или Геродот. Он был простым актером-антрепренером, пытавшимся как-то держаться на плаву. Это чистой воды везение, что у нас

есть Шекспир! При жизни его произведения не публиковались! Его друзья собирали пьесы по кусочкам — компания старых, давно сошедших со сцены актеров, пытавшихся вспомнить свои давние роли — уже после его кончины!

Когда сомневаешься, сказал он себе, продолжай говорить. Старый актерский прием на случай, если забудешь слова на выступлении: говори что угодно, лишь бы было красиво и подходило по смыслу, пока суфлер не подскажет нужную реплику.

Эстель озадаченно нахмурилась.

— Да, но при чем здесь…

— Лучший учебный прием — непосредственное соприкосновение, — авторитетно заявил Феликс.

— Какое соприкосновение? — Эстель не на шутку встревожилась. — Вы должны уважать их личное пространство, вам не разрешается…

— Мы будем ставить Шекспира, — сказал Феликс. — Я имел в виду обучение через постановку. Мы будем инсценировать пьесы. Это единственный способ понять характер персонажей. Не волнуйтесь, мы выполним все, что положено по программе. Они будут писать сочинения и выполнять письменные задания. Я буду ставить оценки. Как я понимаю, именно это и требуется.

Эстель улыбнулась:

— Вы такой идеалист! Сочинения? Честное слово, я…

— Размышления в письменной форме, — сказал Феликс. — О пьесе, которая у нас в работе.

— Вы правда считаете, что сумеете их заставить писать сочинения? — спросила Эстель.

— Дайте мне три недели, — сказал Феликс. — Если за три недели у меня ничего не получится, мы начнем изучать «Над пропастью во ржи». Обещаю.

— Договорились, — сказала Эстель. — Желаю удачи.

Первые недели прошли не без проблем, что и следовало ожидать. Феликсу с Шекспиром приходилось прокладывать путь к вершине по тернистым тропам, и Феликс быстро убедился, что не настолько готов к работе в условиях тюрьмы, как ему представлялось. Ему пришлось насаждать свой авторитет, ставить учеников на место. Был момент, когда он всерьез собирался уйти, отказавшись от этой затеи. Кто-то из учеников бросил ходить на занятия, но те, что остались, были действительно заинтересованы, и уже очень скоро Шекспировский курс Флетчерской исправительной колонии стал настоящим хитом.

При всех скромных возможностях это была современная, передовая трактовка Шекспира; даже, можно сказать, авангардная, говорил Феликс, подробнейшим образом объяснив классу значение термина. Это было очень круто. После первого сезона люди выстраивались в очередь, чтобы записаться на курс. Удивительно, но их оценки по чтению и письму улучшились в среднем на пятнадцать процентов. Как этот загадочный мистер Герц добился таких результатов? Кто-то с сомнением качал головой, кто-то подозревал обман. Но нет, объективное тестирование подтвердило, что все было честно. Результаты были настоящие.

Все лавры достались Эстель — в большом мире, где академики собираются на конференции, где выдвигают теории, где министерства одобряют бюджет, — но Феликс нисколько не обижался. Он был слишком занят. Он вернулся в театр, но совершенно по-новому. Неожиданно и непредвиденно. Если бы в начале его театральной карьеры кто-то сказал ему, что он будет ставить Шекспира силами осужденных преступников, отбывающих срок в тюрьме, Феликс решил бы, что они бредят.

Он отработал уже три сезона. Он очень тщательно подбирал пьесы. Начал с «Юлия Цезаря», продолжил «Ричардом III», за которым последо-

вал «Макбет». Борьба за власть, предательства, преступления — темы, близкие и понятные ученикам, знавшим об этом не понаслышке.

У каждого имелось авторитетное мнение о том, как надо было вести себя персонажам, чтобы не упустить свою выгоду. Напрасно Марку Антонию позволили выступить с речью на похоронах Цезаря, потому что он тут же воспользовался возможностью — и сами знаете, что получилось! Ричард явно перегнул палку: поубивал всех и каждого, и в результате, когда пришло время сражаться с врагом, ему никто не помог. Хочешь быть королем, заручись поддержкой союзников, ежу понятно! Что касается Макбета, зря он доверился этим ведьмам. Как известно, излишняя самоуверенность ни к чему хорошему не приводит. Чуваку надо было уделять больше внимания своим слабым местам, это правило номер один: все, что может пойти не так, обязательно пойдет не так. Кому, как не нам, это знать! Да, мужики? Все согласно кивали.

Феликс поступал мудро: предлагал эти мнения в качестве темы для сочинения.

Он избегал романтических комедий. Слишком они легкомысленны для этой компании, и не стоит касаться вопроса о сексе. Это чревато

серьезными беспорядками. «Гамлет» и «Король Лир» тоже не подходили, но уже по другой причине: чересчур депрессивные. Во Флетчерской колонии и без того было немало попыток самоубийства, в том числе и успешных. В тех трех пьесах, которые Феликс поставил на данный момент, тоже имелось немало смертей, но для тех, кто остался в живых, предполагалось новое начало. Справедливость торжествовала, зло было наказано, даже глупость была наказана, а добродетель — вознаграждена, более или менее. У Шекспира всегда все более или менее, не уставал повторять он.

Для каждой пьесы он использовал одну и ту же методику обучения. Сначала все записавшиеся на курс читали пьесу заранее, в сокращенном варианте. Вместе с текстом ученики получали краткое изложение сюжета, режиссерские комментарии Феликса и список архаичных слов с пояснениями. На этом этапе обычно отсеивались все те, кто не смог одолеть текст.

Потом, на первом занятии в классе, Феликс обозначал основные идеи и темы: о чем эта пьеса? Список тем и идей включал в себя не менее трех пунктов, иногда больше, потому что, как объяснял Феликс ученикам, Шекспир всегда

неоднозначен. Ему нравится морочить зрителю голову. У него в каждой сцене заключена куча смыслов. Всегда что-то спрятано за занавеской, чтобы потом нас удивить.

Также на первом занятии он объявлял, что на его уроках никто не ругается матерными словами. На занятиях можно ругаться, но только бранными словами из пьесы, которую они изучают. Ученикам это нравилось; и к тому же давало гарантию, что они очень внимательно прочтут текст. Феликс объявлял соревнование: за использование запрещенных ругательств снимались баллы. Можно было сказать: «Пусть черт тебе измажет рожу черным, ты, бледный недоумок», — только если они изучали «Макбета». В конце семестра набранные баллы вознаграждались соответствующим количеством сигарет, которые Феликс проносил в тюрьму контрабандой. Такой подход неизменно пользовался успехом.

Далее по программе шел подробный разбор всех главных действующих лиц, которых они обсуждали в классе одного за другим. Что ими движет? К чему они стремятся? Чем объясняются их поступки? Велись жаркие споры, выдвигались альтернативные версии. Макбет был психопат

или нет? Леди Макбет всегда была чокнутой или свихнулась на почве вины? Ричард стал хладнокровным убийцей в силу врожденных особенностей характера или же под влиянием своей развращенной семейки, в которой если не убиваешь ты, то убивают тебя?

Интересная трактовка, говорил Феликс. *Хорошая мысль*. Шекспир тем и прекрасен, добавлял он, что у него нет однозначных ответов.

Потом он распределял роли и назначал команду поддержки каждому персонажу: дублеры, суфлеры, художники по костюмам. Команды могли переписывать реплики персонажей своими словами, чтобы их осовременить, но не могли менять сюжет. Таково было правило.

Последнее письменное задание ученики выполняли уже после премьеры. Каждой команде надо было придумать и описать, как сложилась жизнь их персонажа по окончании действия пьесы, если персонаж оставался в живых. Если не оставался, тогда о том, как о покойном/покойной могли бы отозваться другие персонажи.

После распределения ролей и утверждения переделанных кусков текста класс приступал к репетициям. Параллельно они подбирали музыку и определялись с костюмами и реквизитом.

Все необходимое Феликс приобретал в городе и привозил в класс. Разумеется, были ограничения: ничего колющего и режущего, ничего взрывоопасного, ничего такого, что можно курить или вкалывать в вену. Картофельные пушки были запрещены. Равно как и бутафорская кровь: ее легко принять за настоящую, разъяснили Феликсу, а это чревато последствиями.

Потом они ставили пьесу, сцена за сценой. Не могло быть и речи о том, чтобы сыграть спектакль для зрителей в зале: администрация категорически возражала против того, чтобы собирать всех заключенных колонии в одном месте — как бы не вышло бунта, — и в любом случае здесь не было подходящего помещения. Поэтому они снимали каждую сцену на видео, потом редактировали на компьютере, что позволяло Феликсу отчитываться об успехах в «освоении востребованных профессиональных навыков», когда от него требовались отчеты. Также видеозапись предполагала, что никто из актеров не оконфузится, если забудет текст: испорченные куски всегда можно было отснять заново.

Готовый фильм, дополненный музыкой и спецэффектами, показывали по внутреннему телевидению колонии, и все заключенные смот-

рели его у себя в камерах. Во время премьеры Феликс сидел в кабинете начальника тюрьмы вместе с самим начальником и прочими официальными лицами. Ему было приятно слышать аплодисменты, возгласы одобрения и комментарии, транслировавшиеся из камер по селектору. Заключенным нравились боевые сцены. Почему бы и нет? Всем нравятся боевые сцены, поэтому Шекспир и включал их в свои пьесы.

Актеры играли слегка грубовато, но зато от души. В свое время Феликсу не удавалось выжать и половины таких эмоций из своих профессиональных актеров. Огни рампы сияли недолго и в самом что ни на есть мрачном углу, но они все же сияли.

После премьеры они устраивали вечеринку, как в настоящем театре, — Феликс на этом настаивал, и администрация дала разрешение, — с чипсами и имбирным элем. Феликс раздавал сигареты, актеры поздравляли друг друга, и все вместе они обязательно пересматривали последние минуты фильма, когда на экране шли титры. Все участники спектакля — даже исполнители эпизодических ролей, даже дублеры — видели на экране свои сценические псевдонимы. И без всяких подсказок они делали то, что делают

профессиональные актеры в дружной, хорошей труппе: хвалили друг друга. «Ну, ты, Брут, брутален!» «Риччи, ты крут!» «Дайте-ка нам глаз тритона!» Смех, кивки благодарности, стеснительные улыбки.

Наблюдая за лицами этих людей, видящих себя на экране в образе кого-то другого, Феликс испытывал что-то похожее на умиление. В кои-то веки, а может быть, впервые в жизни они любили себя.

Занятия проходили с января по март, и эти три месяца Феликс горел вдохновением. Но летом и осенью, безвылазно сидя в своей глуши, снова впадал в уныние. Каких высот он достиг в свое время, и как низко он пал: ставит Шекспира в тюряге в компании грабителей, торговцев наркотиками, растратчиков, мошенников и аферистов. Неужели вот так и окончатся его дни, медленно затухая в глухом захолустье?

— Феликс, Феликс, — говорил он себе. — Кого ты пытаешься обмануть?

И сам же себе отвечал:

— Это средство для достижения цели. Я иду к цели. И это все-таки театр.

— Куда ты идешь? К какой цели? — вопрошал он.

Конечно, цель у него была. Закрытый ларец, спрятанный где-то под камнем, помеченный буквой «М»: Месть. Он не видел ясно, куда идет, но знал, что куда-нибудь обязательно придет.

9. Два перла там, где взор сиял

Понедельник, 7 января 2013

Начинается четвертый год во Флетчерской исправительной колонии. Сегодня — первое занятие в новом сезоне. Как всегда в первый день, Феликс немного волнуется. Пока что он очень неплохо справлялся, но никто не застрахован от несчастного случая, оплошности, бунта. Невозможно предвидеть все. *Лавировали, да не вылавировали. Бриг впряг бриз близ берега. Соберись*, говорит он своему отражению в зеркале. *Будь готов*.

Почистив и закрепив вставную челюсть, Феликс причесывается. К счастью, с годами его волосы не поредели. Он берет ножницы и приводит в порядок бороду, убирая торчащие волоски. Он растил бороду двенадцать лет, и теперь она обрела нужную форму: густая, но не косматая, весьма выразительная, но не заостренная книзу. Заостренная борода смотрится демонически. Ему нужно, чтобы смотрелось авторитетно.

Он надевает свою обычную рабочую одежду: джинсы, туристические ботинки, темно-зеле-

ная рубашка из магазина уцененных товаров, потертый твидовый пиджак. Без галстука. Нельзя выбиваться из образа, который давно стал привычным в колонии: добродушный, но требовательный учитель на пенсии, знаток и любитель театра, немного наивный и чудаковатый, но, в общем, нормальный дядька, который великодушно жертвует свое время, поскольку искренне верит, что людей можно исправить, если постараться.

То есть не то чтобы жертвует; ему платят жалованье. Но платят гроши, так что он занимается этим не только ради денег. Его ученики подозревают скрытые мотивы, потому что у них самих есть такие мотивы, и в избытке. В других они жадности не одобряют, а что касается их самих, они берут только то, что, по их мнению, им причитается. Все должно быть по справедливости, но справедливость каждый понимает по-разному, о чем Феликс уже давно знает.

Он старается не лезть в их разборки. Не тащите это дерьмо в класс, говорит он своим ученикам. Я не отвечаю за сохранность ваших вещей и не знаю, кто украл ваши сигареты. Я — человек театра. Когда вы заходите в класс, вы оставляете свою повседневную жизнь за дверью. Превращаетесь в чистый лист. И рисуете себе новое лицо.

Если ты никто, тебе не стать кем-то, пока ты не станешь кем-то другим, говорит он, цитируя Мэрилин Монро, которую они знают. Во всяком случае, слышали имя. И здесь, в этом классе, мы начинаем с того, что каждый из нас — никто. Да, и я тоже.

И они затыкаются: им не хочется, чтобы их выгнали с курса. В мире, где их собственный выбор ограничен практически полностью, они записались на Шекспировский курс, потому что выбрали его сами. Это большая привилегия, повторяют им вновь и вновь — может быть, слишком часто. На воле есть люди, которые отдали бы полцарства с конем в придачу, чтобы научиться тому, что Феликс преподает на занятиях во Флетчере. Феликс не говорит это вслух, но явно подразумевает в каждой своей фразе, обращенной к ученикам.

— Я занимаюсь этим не ради денег, — говорит Феликс вслух. Он оборачивается: Миранда сидит за столом и грустит, потому что теперь они будут видеться реже. Январь. Начало семестра. — И раньше занимался тоже не ради денег, — добавляет он. Миранда кивает. Она знает, что это правда: благородные люди ничего не делают ради денег, у них просто есть деньги, что и позволяет им

быть благородными. Им не надо задумываться о таких пустяках; они прорастают великодушными поступками, как деревья прорастают листьями. Феликс в глазах Миранды — человек благородный. Он это знает, и это очень ему помогает.

Теперь Миранде пятнадцать. Прелестная девочка. Уже не тот пухленький ангелочек на качелях, смотрящий на него с фотографии рядом с его кроватью. Эта пятнадцатилетняя Миранда худенькая и стройная, хотя слегка бледноватая. Ей надо больше гулять, бегать в полях и в лесу, как было раньше. Чтобы румянец играл на щеках. Да, сейчас зима, все засыпано снегом, но снег никогда ей не мешал; она умела скользить над сугробами, легкая, словно птица.

Миранде не нравится, что он так часто выходит из дома в те несколько месяцев, когда преподает. Она беспокоится за него: боится, что он слишком много работает и изматывает себя. Когда он приходит домой после тяжелого дня, они вместе пьют чай, играют партию в шахматы, потом едят макароны с сыром и иногда какой-нибудь салат. Миранда вдруг озаботилась здоровым питанием, требует больше зелени, заставляет его есть кудрявую капусту. Когда он был маленьким, никто даже не слышал о кудрявой капусте.

Будь она жива, сейчас она бы входила в самый противный подростковый возраст: отпускала бы пренебрежительные замечания, закатывала глаза на каждое его слово, красила волосы, набивала на руках татуировки. Шлялась бы с парнями по барам или еще того хуже. Он наслушался разных историй.

Но ничего этого не случилось. Она остается бесхитростной и невинной. Его утешение и отрада.

Однако в последнее время она стала задумчивой. Неужели влюбилась? Он очень надеется, что нет! Да и в кого тут влюбляться? Угрюмый увалень Уолтер, возивший дрова, давно уехал, а больше здесь никого нет.

— Веди себя хорошо, пока я не вернусь, — говорит он ей. Она улыбается бледной улыбкой: а как бы она повела себя плохо, даже если бы захотела? — Займись пока вышиванием. — Она хмурится: у него стереотипные представления. — Извини, — говорит он. — Ладно. Займись математикой. Высшей математикой. — Он все-таки заставляет ее рассмеяться так или иначе.

Она не уйдет далеко от дома, он это знает. Она не может уйти далеко. Ее что-то держит.

Он морально готовится выйти наружу, где снег и мороз. Его ежедневное испытание: заведется

ли автомобиль? Зимой он ставит машину в самом начале подъездной дорожки. Его «мустанг» окончательно проржавел несколько лет назад, и Феликс взял себе синий подержанный «пежо». Купил через сайт электронных объявлений, как только мистеру Герцу начали перечислять зарплату за работу в колонии. Даже если дорожку расчистить, зимой по ней ездить опасно, а весной она утопает в размокшей грязи; поэтому Феликс ей пользуется только летом и осенью, когда сухо. Если утром по большой дороге прошла снегоуборочная машина, ему придется выкапывать свой «пежо» из-под снежных заносов и кусков льда. С тех пор как он поселился в хижине, земляную дорогу покрыли асфальтом, и движение на ней оживилось. Бензовоз, фургончик почтовой доставки, школьный автобус.

Школьный автобус, полный смеющихся ребятишек. Когда он проезжает мимо, Феликс отводит глаза. Миранда тоже ездила бы в школу на школьном автобусе, если бы дожила до этого возраста.

Феликс снимает зимнее пальто с дверного крючка, перчатки и шапка распиханы по рукавам. Ему нужен его теплый клетчатый шарф. Куда-то он его сунул, вспомнить бы еще куда. В спальне, на кресле, тихо подсказывает Миранда.

Странно: обычно Феликс не заходит в спальню в шарфе.

Зачем-то он открывает шкаф. Вот его бывший колдовской жезл, трость с набалдашником в виде лисьей головы. Здесь же висит и волшебная мантия, задвинутая в дальний угол. Символ его поражения, мертвая оболочка его утонувшего «я».

Нет, не мертвая, а преображенная. В полумраке, в вечерних сумерках, она превращалась во что-то иное, медленно оживая. Он медлит, чтобы осмыслить это. Шкурки плюшевых зверей, теперь слегка запылившиеся, полосатые и золотистые, серые и черные, синие, розовые и зеленые, смотрелись необыкновенно и роскошно. Множество жемчужных глаз смотрят на Феликса из подводной тьмы.

Он не надевал свою мантию двенадцать лет, с того дня, как его предали и он потерпел крах. Но и не выбросил ее на помойку, веря, что ее час еще настанет.

Сейчас он ее не наденет: еще не время. Но оно придет, уже скоро. Он почти в этом уверен.

II. Прекрасен мир

10. Счастливая звезда

Понедельник, 7 января 2013

Феликс выкапывает свой синий «пежо» из-под снежных завалов, оставленных снегоуборочной машиной. Продолжай в том же духе, и откинешь копыта, говорит он себе. Тебе уже не двадцать пять. И даже не сорок пять. Может, пора прекращать эти игры в отшельника. Самое время переехать в город, снять квартиру, гулять с собакой на поводке, как и положено старому пердуну.

Машина все-таки завелась, пусть и с третьего раза — ему необходимо купить подогрев для двигателя, — и Феликс едет во Флетчерскую исправительную колонию. *Нечисть, духи, я иду,* мысленно декламирует он. *Вы готовы или нет?* Он готов.

В прошлом месяце, в середине декабря, Феликс получил электронное письмо от Эстель: «У меня есть прекрасные новости; хотелось бы сообщить их лично. Может быть, пообедаем? Или даже поужинаем?»

Феликс предпочел пообедать. За три года обще-

ния с Эстель он всегда ограничивался обедами. Опасался, что ужин может затянуться, а там, глядишь, и спиртное польется рекой, и кто-то из них воспылает страстью, либо он сам, либо Эстель. Да, он вдовец, но это не значит, что он доступен. И дело не в том, что она его не привлекает — она весьма интересная женщина, — но у него на иждивении ребенок, и это важнее всего остального. Хотя, разумеется, он не мог рассказать Эстель о Миранде. Не хотел, чтобы она приняла его за сумасшедшего.

Они никогда не обедают в «Макдоналдсе» рядом с Флетчерской колонией: в обеденный перерыв туда ходят сотрудники колонии, говорит Эстель, и у стен есть уши, и ей не хотелось бы, чтобы пошли слухи, будто они с Феликсом крутят роман. В качестве места встречи Эстель предложила один маленький ресторанчик в Уилмоте. Милое местечко. Называется «Зенит». В их последнюю встречу в преддверии Рождества ресторан был украшен снежинками и фигурками рождественских эльфов, занятых подготовкой к празднику. К счастью, там подают спиртное.

Они с Эстель сидели друг против друга за столиком в угловой кабинке.

— Ну, что же, — сказала Эстель. — Вы добились

поразительных результатов!

Она надела сверкающее ожерелье, которое Феликс раньше не видел, со стразами, если он не ошибался.

— Я стараюсь, — ответил Феликс с подобающей скромностью. — Хотя заслуга не только моя. Ребята тоже стараются. В полную силу.

— Даже не знаю, почему я сомневалась, — сказала Эстель. — Вы сотворили настоящее чудо!

— Ну, вряд ли чудо. — Феликс уставился в свою чашку с кофе. — Но прогресс налицо. Без ложной скромности можно сказать, что мы делаем определенные успехи. Но я бы не справился без вашей помощи, — благоразумно добавил он. — Без вас ничего не получилось бы.

Эстель зарделась от комплимента. Надо быть осторожнее, подумал Феликс. Не надо вводить ее в заблуждение: это губительно для них обоих.

— Так вот, насчет поразительных результатов. Я недавно была в Оттаве. Две недели назад. На заседании очередного общественного комитета. Я говорила с людьми… Вы не поверите, что я для вас провернула! — Она слегка волновалась и говорила взахлеб. — Думаю, вам понравится!

За эти годы она сделала для него много хорошего, действуя незаметно, на заднем плане.

Благодаря ее влиянию Феликс имел возможность оплачивать необходимую ему технику и покупать материалы для изготовления костюмов и реквизита. Эстель удалось выбить дополнительное финансирование для его курса; она свела его напрямую с начальником тюрьмы, что значительно облегчило решение вопросов, связанных с безопасностью. Ей хотелось сделать ему приятное, это было очевидно. И Феликс давал ей понять, что видит и ценит ее старания, но при этом следил, чтобы его благодарность не выходила за рамки.

— Что? — спросил Феликс, поглаживая усы и поигрывая бровями. — Вы явно задумали какую-то хитрость. — Какую-то хитрую шалость, подразумевал его тон.

— К вам приедет… — Она резко умолкла и продолжила почти шепотом: — К вам приедет министр! Даже два министра! Такого еще не бывало, чтобы сразу двое! Может быть, даже трое!

— Правда? — сказал он. — И что за министры?

— Во-первых, министр юстиции, — сказала она. — Это в его юрисдикции, и в разговоре с заместителем министра я особо подчеркнула, каких выдающихся успехов вы добились с… вашими учениками! Это совершенно новый подход

к работе в исправительных учреждениях! Ваш курс может стать образцом для подражания.

— Потрясающе, — сказал Феликс. — Браво! Министр юстиции! Это у нас Сэл О'Нелли? — Когда партия Сэла проиграла региональные выборы, он подался в политику федерального уровня — и не прогадал. С его опытом, связями и, как говорили, умением привлекать финансовые ресурсы он очень скоро вернул себе место в кабинете министров, причем на более высоком уровне. Теперь у него было свое мини-царство.

— Да, он, — сказала Эстель. — Сначала он был министром культуры, потом какое-то время работал в министерстве иностранных дел, а теперь стал министром юстиции; у них там постоянная ротация кадров. Он занимает жесткую позицию по отношению к преступности, но одно то, что он лично приедет, чтобы посмотреть ваших… ваше… то, что вы делаете, уже дает основания предположить, что он все-таки не такой косный, каким его полагают некоторые коллеги.

— В таком случае я надеюсь, ему понравится наше скромное представление, — сказал Феликс. — А кто второй? Второй министр. — Как будто он сам не знал: он наблюдал за восхождением Тони по политической лестнице. По примеру

Сэла пронырливый Тони перебрался на уровень государственной политики, где нажива была пожирнее, а светские рауты респектабельнее.

— Как принято писать в пресс-релизах, это новое лицо в кабинете министров. Его только-только назначили, — сказала Эстель. — Он сам начинал в театральной среде. Вы должны его знать. Энтони Прайс. Кажется, вы в свое время работали с ним на Мейкшавегском фестивале? — Наверное, она прочитала статью о Тони в Википедии.

— А, *этот* Энтони Прайс! — сказал Феликс. — Да, когда-то мы с ним работали. Очень деятельный человек. Он был моим первым помощником, практически правой рукой. — Неужели она не слышала, как колотилось его сердце, как ревела кровь у него в ушах? Он не верил в свою удачу. Его враги, сразу оба! Приезжают во Флетчерскую колонию! Единственное место в мире, где, если все правильно рассчитать, у него может быть больше власти, чем у этих двоих. — Прямо воссоединение семьи! — добавил он.

— Да, — кивнула Эстель. — Сказать по правде, у некоторых есть сомнения, стоит ли продолжать программу. Бюджет урезают, и… Кое-кто из моих коллег, других советников… Они не видят особого

смысла в программе, несмотря на поразительные результаты… Они считают, что тюрьмы нужны исключительно для того, чтобы… Но у меня есть личная заинтересованность, как вам известно. Это моя программа, мое детище. Я очень упорно ее отстаивала, и министры согласились хотя бы приехать и посмотреть. В конце концов, ваш Шекспировский курс на слуху, о нем отзываются весьма похвально. Как говорится, пчелки жужжат, мед течет.

— Пчелки жужжат, — повторил за ней Феликс. — «С пчелкой я росу впиваю, в чаще буквиц отдыхаю»[5]. Всяко лучше, чем разворошить осиное гнездо. — Шутка, понятная только ему самому. Теперь, когда стараниями Эстель у него появилась возможность разворошить осиное гнездо, он его разворошит. И вот тогда пожужжим.

Эстель рассмеялась:

— Согласна! Это большая удача, что они приезжают, чтобы лично увидеть, каких потрясающих результатов… Я сказала заместителям министров, что это прекрасный пример дисциплинарного воздействия через культурное образование:

---

[5] Примечания: 5
Песня Ариэля из пьесы Шекспира «Буря».

искусство как терапевтический и обучающий инструмент. Такой нестандартный, творческий подход! Как я понимаю, они хотят для начала ознакомиться с вашим методом лично, а потом уже думать, как его развивать. Оба министра. И они требуют фотосессию, — добавила она. — Со всеми участниками… Даже с… с…

— С актерами, — подсказал Феликс. Он не желал называть их заключенными, не желал называть их арестантами. Пока они занимались на его театральном курсе, они были актерами, и только актерами. Конечно, подумал он: министры требуют фотосессию. Главная цель любого министерского визита.

— Да. С актерами, — улыбнулась Эстель. — Они хотят сфотографироваться со всеми.

— Они знают, что я режиссер? — спросил он. Это было очень важно. — В смысле, я? Мое настоящее имя?

— Они знают лишь то, что указано в описании курса. Там вы мистер Герц. Я обещала, что буду хранить наш маленький секрет, и я держу слово. — Она подмигнула ему.

— Я очень вам благодарен, — сказал Феликс. — Я знаю, что могу на вас положиться. Пусть основное внимание будет направлено на актеров. Когда

они приезжают? Министры? — спросил он.

— В самом конце курса. В тот день, когда вы показываете ваш фильм по внутреннему телевидению. В этом году — тринадцатого марта, если я не ошибаюсь. Я подумала, так будет лучше: они увидят готовый результат. Встретятся с заклю… с актерами. Почти как настоящая премьера… с высокопоставленными гостями… — У нее раскраснелись щеки. Она пребывала в радостном возбуждении, довольная собственным достижением, и явно хотела, чтобы Феликс его оценил. И он оценил:

— Вы настоящая звезда. Даже не знаю, как мне вас благодарить.

Эстель улыбнулась.

— Не надо благодарить, — сказала она. — Я рада внести свой посильный вклад в такое хорошее дело. Все, что в моих силах… чтобы способствовать… Вы знаете, что меня ничто не остановит, если нужно поддержать программу. — Она наклонилась вперед, почти прикоснулась к его руке, но передумала. — Что вы ставите в этом году? — спросила она. — Если я ничего не путаю, вы собирались взять «Генриха Пятого»? С длинными луками и… Его речь перед битвой… такая волнующая…

— Да, я собирался взять «Генриха Пятого», — сказал Феликс. — Но передумал. — На самом деле он передумал только сейчас. Двенадцать лет он обдумывал месть — мысли о ней всегда присутствовали где-то рядом, как непрестанная боль. Хотя он следил за Тони и Сэлом в интернете, они всегда оставались вне досягаемости. Но сейчас они сами придут на его территорию. Как их схватить, как удержать, как устроить засаду? Внезапно месть подступила так близко, что он почти чувствовал ее вкус. Вкус бифштекса с кровью. Узреть страдание на лицах врагов! Скрутить обоих в бараний рог! Он хотел видеть, как они корчатся в муках. — Мы ставим «Бурю», — сказал он.

— Да? — Эстель явно встревожилась. Феликс знал, о чем она подумала: не слишком ли женская эта пьеса? — Они так хорошо справлялись с военными темами! Вы думаете, актеры проникнутся?.. Вся эта магия, духи, феи… Ваш «Юлий Цезарь» был таким *четким*!

— Актеры проникнутся, можете не сомневаться, — сказал Феликс. — Это пьеса о тюрьмах.

— Правда? Я никогда не задумывалась… Возможно, вы правы.

— К тому же, — добавил Феликс, — там раскры-

ваются вечные темы.

Он имел в виду, месть — тема поистине вечная, но не стал говорить это вслух, чтобы Эстель не встревожилась еще больше. Он знал, что она скажет. В мести столько негатива. Дурной пример. И особенно если учесть контингент зрителей.

Он не знал, что ответить, если она спросит, какие именно темы.

Но она беспокоилась о другом:

— Вы думаете, что министры… У них и так есть сомнения, стоит ли продолжать нашу программу… Может быть, если вы выберете что-то менее… — Она умолкла, подбирая слова.

— Министры тоже проникнутся, — сказал Феликс. — Безусловно.

11. Ты с низшими собратьями своими

В тот же день

На своем дребезжащем синем «пежо» Феликс едет вверх по холму, направляясь к двойной высокой ограде из крепкой металлической сетки с колючей проволокой поверху. Опять пошел снег. Настоящий снегопад. Хорошо, что в машине лежат лопата и мешок с песком. Возможно, вечером Феликсу снова придется раскапывать снежный завал на въезде на подъездную дорожку, чтобы поставить машину. Сердечный приступ, инфаркт: когда-нибудь он надорвется, махая лопатой, свалится прямо в снег, и его закоченевшее тело найдут только на следующий день. Одиночество тем и опасно.

Он останавливается у первых ворот, ждет, когда их откроют, едет ко вторым воротам, на контрольно-пропускном пункте открывает окно, предъявляет пропуск.

— Можете проезжать, мистер Герц, — говорит охранник. Феликса здесь знают в лицо.

— Спасибо, Герб, — говорит Феликс. Он въезжает в промерзший внутренний двор, ставит

машину на выделенное ему место. Он не закрывает машину. Зачем? Здесь ее точно никто не угонит. Он идет по дорожке, уже посыпанной реагентами для таяния снега, нажимает знакомую кнопку на домофоне, называет свое имя.

Раздается щелчок. Дверь открывается, и Феликс входит в теплое помещение с уникальной смесью запахов, которую не перепутать ни с чем. Несвежая краска, легкая плесень, скучная казенная пища, съеденная без всякого удовольствия, запах экскрементов. Люди ходили здесь сгорбленными, с низко опущенной головой. Запах бедности и сиротства. Кишечных газов, пропитанных луком. Холодных босых ног, влажных полотенец, долгих лет безотцовщины. Запах невзгод, пронизывающий все вокруг, словно злое заклятие. Но Феликс знает, что может снять это заклятие, пусть лишь на время. На краткий миг.

Феликс проходит через рамку металлоискателя, через которую положено проходить каждому, кто входит в здание. Это очень чувствительный аппарат, способный выявить канцелярскую скрепку, булавку или лезвие бритвы, даже если ты их проглотишь.

— Показать, что в карманах? — спрашивает он охранников на проходной. Дилан и Мэдисон,

так их зовут; они служат во Флетчере столько же, сколько сам Феликс. Один очень смуглый, другой, наверное, китаец. Дилан — сикх, носит тюрбан. На самом деле его зовут Дхиан, но он представляется Диланом, потому что, как он объяснил Феликсу в самом начале, не все выговаривают его настоящее имя.

— У вас все чисто, мистер Герц.

Они улыбаются. Что запрещенного пронесет в тюрьму безобидный старый театрал?

Слова. Вот чего следует опасаться, мысленно обращается к ним Феликс. Реальная угроза — в словах. И ни один сканер их не обнаружит.

— Спасибо, Дилан. — Феликс улыбается скорбной улыбкой, как бы говоря, что в его случае эти формальности ни к чему. И они это знают, все трое. Милейший человек. Престарелый чудак, слегка приболевший на голову. Ничего интересного, ребята. Здесь не на что смотреть. Проходим, не задерживаемся.

— Что будете ставить в этом году? — спрашивает Мэдисон. — Какую пьесу?

Охранники и надзиратели тоже смотрят премьеры фильмов, снятых участниками Шекспировского курса, — смотрят вместе со всеми. Каждый год Феликс читает небольшую лекцию

о поставленной пьесе специально для штата охраны, чтобы они ощущали свою причастность к происходящему. Нельзя, чтобы заключенные развлекались, а охранники оставались не при делах. Это чревато последствиями. Будут копиться обиды, и в итоге у Феликса могут возникнуть проблемы. Вплоть до саботажа и пропажи самого необходимого реквизита и технического оборудования. Эстель заранее предупредила его об этом, и он постарался умаслить всех, кого нужно. И пока что все шло хорошо.

— «Макбет» был мощный, — говорит Мэдисон. — Бой на мечах разыграли шикарно!

Разумеется, это были не настоящие мечи, но картон — материал универсальный.

— Да! А Макдуф-то, Макдуф! *Смотри на голову злодея!* — говорит Дилан. — Урод получил по заслугам.

— Очень сильно! — говорит Мэдисон. — Пробрало до печенок. *Что-то страшное грядет*. И вправду жуть. В хорошем смысле. — Он сгибает пальцы, изображая кривые ведьминские когти, и издает хриплый смешок. Феликс не устает поражаться тому, как всем и каждому хочется приобщиться к спектаклю, если где-то поблизости ставят спектакль.

– *Кость дракона, волчье ухо*, — говорит Дилан скрипучим старушечьим голосом. — А как насчет той, со стрелами? Я видел по телику экранизацию. Псы войны, все дела. Я помню этот фрагмент.

— Со стрелами было бы круто, — подхватывает Мэдисон. — И с псами.

— Да, — говорит Дилан, — но настоящие стрелы нельзя. И псов тоже.

— В этом году будет слегка по-другому, — говорит Феликс. — Мы ставим «Бурю».

— А это что? — спрашивает Мэдисон. — Никогда о такой не слышал. — Они говорят так каждый год, чтобы поддразнить Феликса; никогда нельзя быть уверенным, придуряются они или и вправду не знают.

— Там что-то про феечек, — говорит Дилан. — Да? Летают в лесочке и все такое. — Судя по голосу, он не слишком доволен.

— Вы путаете со «Сном» — говорит Феликс. — «Сном в летнюю ночь». В «Буре» нет феечек. Но есть всякая нечисть и злые духи. — Он делает паузу. — Вам понравится.

— Там будут боевые сцены? — спрашивает Мэдисон.

— В каком-то смысле, — говорит Феликс. — Там будет гроза, гром и молнии. И еще месть. Опреде-

ленно там будет месть.

— Класс! — говорит Мэдисон. Оба охранника обрадовались. О мести они знают не понаслышке: за время службы в колонии они повидали немало ее проявлений. Отбитые почки, самодельное лезвие в горле, кровь в душевой.

— Вы всегда выбираете то, что надо. Мы в вас верим, мистер Герц, — произносит Дилан.

Дурачье, думает Феликс, *никогда не доверяйте профессиональному лицедею.*

Обмен любезностями состоялся, пора приступать к формальностям.

— Вот ваш охранный пейджер, — сказал Дилан.

Феликс прицепляет к поясу крошечное устройство, похожее на пейджер, с единственной кнопкой. В случае кризисной ситуации надо нажать на нее и вызвать охрану. Ношение этого прибора является обязательным, хотя Феликсу это кажется оскорбительным. У него все под контролем. Правильные слова в нужном порядке — вот что действительно обеспечивает безопасность.

— Спасибо, — говорит он. — Ну, я пошел. Первый день! Всегда немного волнительно. Пожелайте мне ни пуха ни пера!

— Ни пуха ни пера, мистер Герц. — Мэдисон

поднимает вверх два больших пальца.

— К черту! — отвечает Феликс.

Это он научил их говорить *Ни пуха ни пера* и отвечать *К черту*. Старое театральное суеверие, объяснил он. Так желают удачи перед выходом на сцену. Чем больше он им рассказывает об актерских приметах и суевериях, тем лучше: круг просвещенных растет.

— Если будут проблемы, сразу жмите на кнопку, мистер Герц, — говорит Дилан. — Мы пришлем подкрепление.

Проблемы будут, мысленно произносит Феликс, но не те, о которых ты думаешь.

— Спасибо. Я знаю, что могу на вас положиться, — отвечает он и уходит по коридору.

12. Почти недостижимо

В тот же день

Коридор был совсем не как в подземной тюрьме: никаких вбитых в стены цепей, никаких кандалов, никаких пятен крови, — хотя за кулисами пятна крови присутствуют наверняка. Стены выкрашены светло-зеленой краской: есть теория, что этот цвет действует успокаивающе — в отличие, скажем, от красного, возбуждающего гнев. Если бы не отсутствие ярких плакатов и досок объявлений, это мог бы быть коридор в современном университетском здании. Серый пол сделан из непонятного материала, в надежде произвести впечатление гранитного, но как-то неубедительно. Пол чисто вымыт, кажется, даже отполирован. В неподвижном воздухе пахнет хлоркой.

По обеим сторонам коридора тянется ряд закрытых дверей. Они металлические, но выкрашены той же светло-зеленой краской, что и стены. Все двери заперты на замок. Но это не спальное крыло. Камеры, где содержатся заключенные, располагаются в северной части здания: отделе-

ние строгого режима — тамошних обитателей Феликс не видит, — и отделение общего режима, откуда и набирают участников литературного курса.

В этом крыле располагаются классы реабилитации для заключенных общего режима. Учебные курсы, разнообразные консультации. Здесь работают психологи и психиатры. Есть капеллан, может быть, и не один. Есть приходящий адвокат по правам заключенных. Целый штат преподавателей.

Феликс сторонится этих людей: других преподавателей, адвоката, психиатров и капелланов. Он не хочет знакомиться с их теориями. Не хочет ввязываться в обсуждения и выслушивать их мнение о его курсе. За последние три года он имел с ними несколько кратких бесед, после которых у него оставался весьма неприятный осадок. Коллеги смотрят на него косо. Ему отвратительно их морализаторство.

Похоже, они полагают, что он плохо влияет на заключенных. Феликсу приходится постоянно держаться настороже, напоминая себе, что каждое его слово, сказанное в ответ, будет записано в некую книжечку и обращено против него, если его сослуживцев попросят оценить его терапев-

тическую и/или педагогическую эффективность. Поэтому он держит рот на замке под градом ханжеского пустословия.

Вы действительно думаете, мистер Герц, что это полезно: подвергать этих надломленных, травмированных людей — позвольте заметить, что они все травмированы так или иначе, многие еще с детства, от родительского насилия или полного пренебрежения, а некоторым из них не помешало бы пройти курс лечения в психиатрической или наркологической клинике; их действительно надо лечить, а не учить словам четырехсотлетней давности, — так вы действительно думаете, что стоит подвергать этих надломленных, легко уязвимых людей воздействию травмирующих драматических ситуаций, способных вызвать тревожность, панические атаки и болезненные воспоминания или же спровоцировать опасные проявления агрессии? Под травмирующими ситуациями мы понимаем политические убийства, гражданские войны, колдовство, отрубленные головы, маленьких мальчиков, убитых в темнице по распоряжению злого дядюшки. Слишком близко к их собственной жизни, в каком-то смысле. В самом деле, мистер Герц, вы готовы идти на риск и взять на себя столь серьезную ответ-

ственность?

Это театр, мысленно возражает им Феликс сейчас. Искусство истинных иллюзий! Разумеется, там присутствуют травмирующие ситуации! Театр вызывает демонов ради того, чтобы их изгнать! Разве вы не читали древнегреческих авторов? Слово *катарсис* вам что-нибудь говорит?

Мистер Герц, мистер Герц. Вы слишком абстрактны. Это живые люди. Не буковки из текста в вашей драме, не подопытные кролики, не игрушки для вашей забавы. Имейте хотя бы какое-то уважение.

Я имею немалое уважение, мысленно отвечает Феликс. Я уважаю талант — тот талант, который иначе не смог бы раскрыться; талант, способный призвать свет и жизнь из тьмы и небытия. Ради такого таланта я расчищаю пространство и нахожу время; я даю ему имя и место для жизни, пусть даже они эфемерны и иллюзорны. Но, с другой стороны, театр по сути своей эфемерен. Это единственный вид уважения, который я признаю.

Красивые фразы, говорит он себе. Но не слишком ли напыщенные, мистер Герц?

Он останавливается перед закрытой раздвижной дверью, преграждающей путь. Ждет, когда она откроется, проходит в следующий коридор.

Дверь за ним закрывается. На другом конце коротенького коридора — еще одна, точно такая же дверь. Когда в его классе проходят занятия, обе двери закрыты наглухо. Так безопаснее, мистер Герц.

Никакой аудиосвязи с постом охраны, никаких камер слежения. Феликс на этом настаивал: нельзя наблюдать за актерами, когда они репетируют. Это очень мешает процессу. Охранного пейджера будет вполне достаточно. Такова его твердая позиция, и пока что она подтверждается. За три года у него не было ни единого повода воспользоваться пейджером.

Здесь есть туалет с умывальником, первая дверь слева. Три маленькие комнаты, которые можно использовать для репетиций или в качестве раздевалок или гримерных, по мере необходимости. Есть две демонстрационные камеры: одна — копия тюремной камеры пятидесятых годов, другая — девяностых. Когда-то их использовали как наглядные пособия в рамках совместной учебной программы на факультете судебной администрации Университета Западного Онтарио, и с тех пор они так и остались. В каждой — по две двухэтажные койки. В дверях прорезаны смотровые окошки.

Актеры Флетчерской исправительной колонии используют эти камеры в качестве декораций на съемках своих телеспектаклей. Они служили армейскими палатками для Брута, Ричарда и их кошмаров. С помощью красных пледов и бумажных знамен они превращались в тронные залы. Они были пещерой шотландских ведьм, они были римским сенатом, они были темницей в Тауэре, где первый и второй убийцы готовились утопить Кларенса в бочке. Здесь нашли свою гибель леди Макдуф и ее дети. Для некоторых актеров это стало и вправду травмирующим переживанием: они вспомнили свое кошмарное детство. Насилие, угрозы, синяки, крики, ножи.

Проходя мимо, Феликс заглядывает в окошки в дверях демонстрационных камер. Внутри все уныло и мрачно, хотя и чисто: койки аккуратно заправлены серыми одеялами. Кто заподозрит, что здесь творилось волшебство, проходили царственные церемонии, бушевали гибельные страсти? И что будет дальше?

И наконец — большая классная комната, где Феликс проводит ознакомительные занятия, предшествующие репетициям. Там стоят двадцать парт; там есть белая магнитно-маркерная доска; есть и компьютер — спасибо Эстель, — он

не подключен к интернету, так что просмотр порно-сайтов полностью исключен; компьютер предназначается только для театральной работы. И самое главное, в комнате есть большой плазменный телеэкран. На этом экране актеры видят результаты своих трудов.

В этой комнате две двери, с двух противоположных концов. Здесь нет окон. Здесь пахнет солью и немытыми ногами.

Вот оно, размышляет Феликс. Мое место ссылки. Мое наказание. Мой остров.

Мой театр.

13. Феликс обращается к актерам

В тот же день

Феликс стоит у доски, смотрит на свой новый класс. Он читал список учеников, записавшихся на его курс, и передал им все необходимые материалы — текст пьесы, свои комментарии, — но заранее никогда не известно, кто придет на занятия. Всегда находятся те, кто выбывает еще до начала, и тогда их заменяют очередниками из листа ожидания. К чести Феликса надо сказать, что список желающих посещать его курс всегда превышает количество мест. Есть и другие причины отсутствия записавшихся. Переводы в другие колонии, досрочное освобождение, травмы, требующие лечения в лазарете.

Он изучает собравшихся. Знакомые лица, ветераны его предыдущих постановок: они кивают ему, коротко улыбаются. Новые лица, непроницаемые или настороженные: они не знают, чего ожидать. Потерянные мальчишки, все до единого, хотя они не мальчишки: их возраст колеблется от девятнадцати до сорока пяти лет. Представители самых разных этнических групп: белые,

чернокожие, краснокожие, латиносы, азиаты. Преступления, за которые их осудили, тоже весьма разнообразны. Единственное, что объединяет всех этих людей, помимо их статуса заключенных: желание попасть в актерскую труппу на Шекспировском курсе Феликса. У каждого, надо думать, есть свои побудительные причины.

Он читал их личные дела, которые для него добыла Эстель по каким-то своим тайным каналам. Он знает, за что они осуждены, хотя делает вид, что не знает. Кого только здесь нет: члены банд, взявшие вину на себя, чтобы спасти от тюрьмы главарей; торговцы наркотиками и грабители всех мастей — ограбление банков, угон автомобилей, воровство в магазинах, кража со взломом; молодой гений-хакер, осужденный за кражу корпоративной информации; спец по краже персональных данных; врач-ренегат; бухгалтер из уважаемой фирмы, отбывающий срок за растрату; адвокат, создавший финансовую пирамиду.

Среди них есть уже опытные актеры, сыгравшие в нескольких его постановках. По правилам, им разрешается проходить его литературный курс не более одного раза, но Феликс придумал, как обойти эту преграду. Он предложил несколько дополнительных спецкурсов, которые

составил с помощью материалов, скачанных из интернета. На курсе «Техники и технологии театра» они изучают осветительную аппаратуру, бутафорию, спецэффекты и компьютерный дизайн декораций. На «Театральном дизайне» они изучают костюмы, грим, парики и маски. На «Видеомонтаже для театра» они учатся делать из различного мусора пригодную вещь. За каждый курс Феликс ставит оценки, которые идут им в зачет профессионального образования. На бумаге все выглядит просто волшебно. Руководство довольно. Мистер Герц — ценный кадр: четыре курса по цене одного!

Тем временем он обучал своих учеников разнообразным умениям и навыкам, которые были необходимы для его постановок. У него были художники по костюмам, инженеры видеомонтажа, осветители и мастера спецэффектов, у него были отличные гримеры. Иногда он задумывался о том, что профессиональные знания, которые он им дает на занятиях, могут им пригодиться потом, скажем, для ограбления банка или для похищения с целью выкупа, — но сразу гнал от себя эти низкие мысли.

Феликс обводит взглядом класс, уже приступив к мысленному распределению ролей. Вот

идеальный Фердинанд, принц неаполитанский, смотрит на него широко распахнутыми, доверчивыми глазами, словно готовый влюбиться, на деле же он виртуозный мошенник по прозвищу Чудо-Мальчик. Вот его Ариэль, если он не ошибся, дух воздушной стихии, юный, худенький, стройный, проворный и очень смышленый, в колонии его зовут 8Рукк, гениальный хакер. Дородный Гонзало, скучный, честный советник, известен как Гнутый Грифель, бухгалтер-растратчик. И вероломный Антонио, брат волшебника Просперо, узурпатор миланского престола, в жизни его называют Змеиным Глазом, риелтор-мошенник и основатель финансовой пирамиды, с косым левым глазом и перекошенным на одну сторону ртом, из-за чего кажется, будто он ухмыляется непрестанно.

Дурачок Тринкуло, шут и паяц. Ни одного очевидного Стефано, пьяницы-дворецкого. Разнообразные Калибаны, хмурые и мускулистые: грубоватые, потенциально свирепые. У него будет выбор. Но прежде чем что-то решать, надо будет послушать, как они произносят реплики.

Он улыбается уверенной улыбкой человека, который знает, что делает. Потом обращается к слушателям с уже традиционной речью, откры-

вающей каждый новый сезон.

— Доброе утро, — говорит он. — Добро пожаловать в театральную студию Флетчерской исправительной колонии. Мне неинтересно, почему вы здесь оказались и в каких преступлениях вас обвиняют: на этом курсе прошлое относится к прологу, что означает, что отсчет времени и достижений начинается здесь и сейчас.

Здесь и сейчас вы актеры, и только актеры. Вы будете играть в пьесе; каждый из вас примет участие в постановке, что подтвердят ветераны, игравшие в наших спектаклях раньше. Здесь, во Флетчере, мы ставим только пьесы Шекспира, потому что это лучший и наиболее действенный способ приобщения к театру. В пьесах Шекспира каждый найдет что-то близкое для себя, потому что Шекспир писал для самой широкой аудитории: для всех и каждого, независимо от его положения в обществе.

Меня зовут мистер Герц, и я ваш режиссер. Это значит, что я здесь главный, я отвечаю за всю постановку, и последнее слово всегда остается за мной. Но мы работаем одной командой. У каждого будет своя задача, важная для постановки в целом, и если кто-то не справится со своей частью работы, все остальные ему помогут, потому что

сила спектакля определяется крепостью самого слабого звена: если провалится кто-то один, это будет наш общий провал. Если кому-то из вас будет трудно прочитать текст, пусть остальные ему помогут. Помогайте друг другу учить слова роли. Объясняйте значения слов, если вдруг кто-то чего-то не знает. Думайте вместе, как произносить реплики с подлинным чувством. Это наша основная задача. Мы все должны выступить на высочайшем уровне. У актеров Флетчерской колонии есть репутация, которую надо поддерживать. Я говорил о работе в команде, и те из вас, кто уже участвовал в моих постановках, знают, что это значит. У каждого из исполнителей главных ролей будет команда поддержки, и каждый участник этой команды должен выучить все слова роли. Для чего это нужно: у каждого актера из основного состава непременно должны быть дублеры, на случай болезни или… других непредвиденных обстоятельств, скажем, досрочного освобождения. Или кто-то пойдет в душевую и поскользнется на мокром полу. Постановка должна состояться, несмотря ни на что, — это закон театра. В нашем театре мы все поддерживаем друг друга. Вы будете выполнять письменные задания. Будете записывать свои мысли о пьесе, а

также переписывать реплики персонажей более современным языком, если вы решите… если мы решим, что так они станут понятнее сегодняшней аудитории. Постановку мы снимем на видео, каждую сцену отдельно, потом смонтируем сцены в фильм, который увидят все в… все во Флетчере. Я уверен, мы будем гордиться нашим новым телеспектаклем, как мы гордились тремя предыдущими.

Он ободряюще улыбается и сверяется со своим планом.

— Сейчас вы должны выбрать себе сценический псевдоним. В прошлом так делали многие театральные актеры, а также иллюзионисты и оперные певцы. Настоящее имя Гарри Гудини — Эрик Вайс, Боба Дилана — Роберт Циммерман, Стиви Уандера — Стивленд Джадкинс. — Эти имена он нашел в интернете, забив в поиск «сценические псевдонимы и настоящие имена». Сам он знает не всех: каждый раз он добавляет кого-то из молодых исполнителей. — Сейчас так делают киноактеры, не говоря уже о рок-музыкантах и рэперах. Келвин Бродус известен под псевдонимом Снуп Догг. Понимаете, что я имею в виду? Пусть каждый придумает себе псевдоним. Что-то вроде кликухи, только для театра.

Понимающие кивки, одобрительный гул. У опытных актеров уже есть псевдонимы с прошлых сезонов. Сейчас они улыбаются: приветствуют возвращение своих вторых «я», которые дожидались их, словно костюмы, готовые сесть по фигуре.

Феликс делает паузу, собираясь с духом перед самой сложной частью урока.

— Теперь — пьеса этого года. — Он пишет на белой доске красным маркером: БУРЯ. — Вы получили текст пьесы заранее. Также вы получили мои комментарии. У вас было время, чтобы все прочитать. — Для некоторых из них это верно весьма условно, поскольку их образование ограничивается в лучшем случае тремя классами начальной школы. Но это не страшно: они подтянутся. Их подтянет команда. Шаг за шагом они поднимутся вверх по лестнице грамотности, преодолев не одну ступеньку. Я начну с основных тем и идей, — продолжает Феликс. — Прежде чем ставить пьесу, мы должны проработать все ключевые моменты, чтобы понять, как воплощать их в игре.

Он берет синий маркер и пишет:

ПЬЕСА-МЮЗИКЛ: Больше всего песен и музыки из всех пьес Ш-ра. Для чего нужна музыка?

ВОЛШЕБСТВО: Для чего нужно?
ТЮРЬМЫ: Сколько их в пьесе?
ЧУДОВИЩА: Кто здесь чудовище?
МЕСТЬ: Кто жаждет мести? Почему?

Глядя на их лица — хмурые, каменные или застывшие в полном недоумении, — он думает: они не понимают. Это не «Макбет», не «Юлий Цезарь»; там они прониклись сразу. Это даже не «Ричард III», который потребовал максимального напряжения сил, поскольку многие из актеров встали на сторону Ричарда.

Феликс делает глубокий вдох.

— Есть вопросы?

— Ага, — говорит один из заключенных по прозвищу Костыль. Кража со взломом, разбойное нападение. Ветеран флетчерской сцены: играл Марка Антония в «Юлии Цезаре», одну из ведьм в «Макбете» и Кларенса в «Ричарде III». — Мы ее прочитали. Но почему эта пьеса? Там нет ни одной боевой сцены, и есть этот… как его… женоподобный фей.

— Я не буду играть женоподобного фея, — говорит Маракас, игравший леди Макбет в «Макбете» и Ричмонда в «Ричарде III». Обаятельный парень. По его собственному утверждению, на воле его дожидаются целые сонмы беззаветно влюблен-

ных в него красоток.

— И девчонку тоже. — Это Мачете. Связи с наркоторговцами из Сомали. Попался во время большой облавы несколько лет назад. Он обводит взглядом класс, ища поддержки: резкие, вызывающие кивки, одобрительный гул. Никто не хочет играть эти роли: Миранду и Ариэля.

Похоже, на корабле назревает бунт, но Феликс это предвидел. Ему уже приходилось решать гендерные вопросы в других пьесах, но там женские персонажи были взрослыми тетками, причем, как правило, отвратительными и жестокими. Ведьмы в «Макбете» вообще не создали проблем: парни не возражали против того, чтобы сыграть злых старух, поскольку это не настоящие женщины, а чудовища. Матрона Кальпурния — второстепенный персонаж. Леди Макбет — чудовище почище ведьм. Маракас сказал, что она — вылитая его мать, и сыграл ее просто блестяще. Вспыльчивая леди Анна в «Ричарде III» пылала гневом и плевалась огнем. Мачете шикарно выступил в этой роли.

Однако Миранда — не взрослая женщина и не чудовище в человеческом облике. Это юная девушка, нежная и ранимая. Мужик, сыгравший молоденькую девчонку, лишится всяческого

уважения. Превратится в мишень для насмешек, если не хуже. Сыграешь девчонку — будь готов стать девчонкой и намыливай задницу. Это будет катастрофа и для Фердинанда: никто не захочет изображать любовный восторг, обращаясь к угрюмому сокамернику. Потому что потом не отмоешься.

— Давайте сразу проясним вопрос с женской ролью, — говорит Феликс. — Во-первых, никто из вас не будет играть Миранду. Миранда — прелестная, невинная девушка пятнадцати лет. Я не вижу здесь никого, кто смог бы сыграть эту роль убедительно.

Все облегченно вздыхают.

— Хорошо, — говорит Мачете. — Но тогда кто ее будет играть?

— Я привлеку… — Феликс делает паузу, поправляет себя. — Я приглашу профессиональную актрису. Настоящую женщину, — добавляет он, чтобы они прониклись услышанным.

— Она придет к нам сюда? — уточняет Маракас. — Чтобы сыграть в нашей пьесе?

Они недоверчиво переглядываются. Некоторым из них уже начинает нравиться «Буря».

— Вы сможете уговорить девчонку прийти сюда?

Чудо-Мальчик, мошенник с томными, проникновенными глазами, высказывает озабоченность:

— Мне кажется, лучше не надо сюда приводить молодую девчонку. Вы поставите ее в неудобное положение. Я лично и пальцем ее не трону, — говорит он. — Но… Я просто предупреждаю.

— Правильно, на хера ей твой палец, — раздается голос с задней парты. Смех в классе.

— Она *сыграет роль* юной девушки, — говорит Феликс. — Я не сказал, что она *сама* будет молоденькой девочкой. Но она и не будет старухой, — добавляет он, заметив их кислые лица. — Ее участие в нашем спектакле — большая честь и привилегия. Надеюсь, вам это понятно. Если кто-то позволит себе хоть одну непристойную выходку: сальные шуточки, приставания и так далее, — больше ее здесь не будет. И спектакля тоже не будет. Я жду, что вы поведете себя, как подобает профессиональным актерам, каковыми я вас и считаю. — Не то чтобы профессиональным актерам не свойственно распускать руки и отпускать сальные шуточки, добавляет он мысленно. Но почитает за лучшее не делиться этим соображением.

— Вот повезет чуваку, кто сыграет этого Ферди,

как его там, — говорит Костыль. — Любовь-морковь, все дела. Крупным планом.

— Чувак словит лютый стояк, — говорит Маракас.

— До звона в яйцах.

Смех. Приглушенный гул голосов.

— С этим мы как-нибудь разберемся, — говорит Феликс. — Будем решать проблемы по мере их поступления.

— Это все хорошо, — говорит Гнутый Грифель, бухгалтер-растратчик. Свой сценический псевдоним он получил против своей воли общим решением труппы. Поначалу он был недоволен, пытался настаивать на чем-то более уважительном. Скажем, Цифирь. Он хотел сохранить свое чувство превосходства. Но в итоге смирился с Гнутым Грифелем. А что еще было делать?

Гнутый Грифель играл Кассия в «Юлии Цезаре». Он всегда скрупулезно вникает в детали, очень дотошно и въедливо. Иногда он бывает настолько занудным, что Феликс мысленно хватается за голову. Он всегда рвется продемонстрировать, как хорошо подготовился к урокам. Гонзало, думает Феликс: Гнутый Грифель великолепно подходит на эту роль.

— Это все хорошо, — говорит Гнутый Гри-

фель, — но вы еще не рассмотрели вопрос… э… вопрос с Ариэлем.

— Да, с этим женоподобным феем, — подсказывает Костыль.

— Этот вопрос мы обсудим в пятницу, — говорит Феликс. — А сейчас — ваше первое письменное задание. Я хочу, чтобы вы очень внимательно перечитали текст пьесы и выписали все ругательства, которые там встречаются. На наших занятиях можно ругаться только бранными словами из самой пьесы. Употребивший матерные слова на «бэ», «ха» и так далее, а также любые другие ругательства, которых нет в пьесе, теряет баллы. Подсчет баллов идет по системе доверия, но мы все перепроверяем друг друга. Все ясно?

Улыбки от «стариков»: Феликс всегда дает это задание на первом уроке.

— Играем на сигареты? — уточняет Маракас. — Как всегда?

— Конечно, — говорит Феликс. — Когда составите список, пусть каждый выберет из него десять слов или фраз, которые ему больше нравятся. Их надо выучить наизусть и запомнить, как они пишутся. Это будут ваши особые бранные слова. Их можно употреблять в этом классе по отношению к чему угодно и к кому угодно. Если не

знаете, что означает какое-то слово, спрашивайте — не стесняйтесь. Я объясню. Все готовы? Тогда приступайте.

Лица сосредоточены, тетрадки открыты, шелестят страницы сценариев, карандаши деловито скрипят по бумаге.

Ваше дремучее сквернословие, сожри его жабы, думает Феликс, *тоже способствует повышению грамотности. Вместе с вашими тухлыми сигаретами, черт бы их побрал.*

14. Первое задание: Бранные слова

Среда, 9 января 2013

В среду Феликс чувствует себя спокойнее. Он преодолел первый барьер. Сегодня он выступает в роли добродушного дядюшки: снисходительного, но надеющегося на отличные результаты.

— Давайте посмотрим, как вы справились с вашим заданием, — говорит он. — У кого сводный список?

— У Гнутого Грифеля, — говорит Мачете.

— И кто зачитает его перед классом?

— Он же, — говорит Костыль.

— Потому что он сможет это произнести, — говорит Маракас.

Гнутый Грифель откашливается и читает, выразительно и степенно, словно выступает на заседании совета директоров:

— Чума их разрази. Чтоб тебя оспа схватила за горло. Богохульник. Безжалостный пес. Черт тебя дери. Собака. Подзаборник. Наглый горлодер. Отъявленная потаскуха. Проклятый спорщик. В море десять раз чтоб ты погиб! Безмозглый. Жалкий. Грязный. Уродец. Тупица. Негодяй. Презренный

раб. Ком земли. Гнусный раб. Ведьмино отродье. Пусть ты весь покроешься волдырями. Пусть заедят тебя жабы, а также крысы. Лживый раб. Жалкая грязь. Вонючий. Чума. Сгнои тебя чума. Паршивый. Чудовище. Урод. Прековарное пьяное чудовище. Черепаха. Ничтожный. Поганый. Гнусный. Обезьяна. Пестрый шут. Презренный негодяй. Черт побери. Прирожденный черт. Глупец. Чума на тебя. Дурак. Осел. Дьявольская тварь. Скотский. Кривобокий. Жалкий. Безмозглый. Грязный. Злокозненный. Жаба. Жабье племя. Тварь. Тухлый. Ничтожный. Поганый. Гнусный.

— Отлично, — говорит Феликс. — Полный комплект. Даже не знаю, что еще можно добавить. Есть вопросы или замечания?

— Меня обзывали и хуже, — говорит Маракас.

— А почему *ком земли* оскорбление? — спрашивает Костыль.

— Мы живем на земле, — говорит Рыжий Койот. — Выращиваем на ней пищу. И *черепаха*. Что в ней плохого? Для многих племен черепаха — священное животное.

— Пережитки колониализма, — говорит 8Рукк, который, будучи хакером в прошлой жизни, проводил много времени в интернете. — Просперо думает, что он самый крутой, и стоит выше всех,

и может их унижать по-всякому.

Мультикультурализм во всей красе, думает Феликс. Он ожидал возражений на «ком земли», но уж никак не на «черепаху». Он начинает свои объяснения с нее:

— «Черепаха» просто означает медлительного человека. В этой пьесе.

— Типа еле шевелит задницей, — любезно подсказывает Контакт.

— Давайте не будем использовать ее как ругательство, — говорит Рыжий Койот.

— Решайте сами, — говорит Феликс. — Что касается «кома земли», земля в данном случае выступает как противоположность воздуху. Низкое против высокого.

— И его тоже не будем, — говорит Рыжий Койот.

— Опять же, решайте сами, — говорит Феликс. — Еще есть вопросы?

— Я не злопамятный, — говорит Рыжий Койот, — но запомню, если кто-то назовет меня черепахой или комом земли. Просто предупреждаю.

— Ладно, мы тебя услышали, — говорит Костыль.

— У меня есть вопрос, — говорит Мачете. —

«Дерьмо» — это ругательство? Его можно употреблять или как?

Хороший вопрос, думает Феликс. Формально «дерьмо» — не ругательство, а просто обозначение экскрементов, но ему не хочется слышать его постоянно. *Дерьмо, дерьмовый, дерьмово*. Можно было бы вынести этот вопрос на всеобщее голосование, но если ты руководитель, то надо руководить, а не месить это самое дерьмо.

— «Дерьмо» отменяется, — говорит он. — Скорректируем лексикон.

— Почему? — спрашивает Костыль. — В прошлом году было можно.

— Я передумал, — говорит Феликс. — Я устал от дерьма. Когда его много, это становится однообразным, а однообразие претит Шекспиру. А теперь, если больше нет вопросов, пишем диктант по всему списку ругательств. И не подглядывать к соседям! Я все вижу. Все готовы? Тогда начинаем.

15. Ответь мне, чудо

Четверг, 10 января 2013

Феликс уже пригласил в постановку на роль Миранды девушку, которая подходила ему идеально. Ту самую, которую он выбрал на эту роль в его отмененной «Буре» двенадцать лет назад: Анну-Марию Гринленд, бывшую гимнастку-юниорку.

Конечно, сейчас она старше, размышлял он, готовясь к их новой встрече после стольких лет. Но это не страшно: тогда, двенадцать лет назад, она была очень юной. С ее телосложением — стройная, крепкая, худощавая — она еще сможет сыграть Миранду. Если, конечно, она не расплылась за эти годы.

Ему пришлось исхитриться, чтобы ее разыскать. Ему не хотелось обращаться в агентство подбора актеров, потому что ни одно кастинговое агентство не направит своих клиентов на работу в исправительное учреждение: тут могли быть сложности. Ему надо связаться с ней лично. Он даже готов предложить вознаграждение; заплатить из своих сбережений.

Ему помог интернет: как только он начал искать, ее резюме сразу нашлось на сайтах ActorHub и CastingGame. После несостоявшейся «Бури» она какое-то время участвовала в постановках на Мейкшавегском фестивале, сыграла несколько эпизодических ролей: проститутка в публичном доме в «Перикле», рабыня в «Антонии и Клеопатре», танцовщица в «Вестсайдской истории». Ни одной главной роли, сплошная массовка. Если бы она сыграла Миранду, все могло бы сложиться иначе: она раскрыла бы свой талант, Феликс мог бы ее многому научить. Это стало бы началом блестящей театральной карьеры. Да, Феликс не единственный человек, кому Тони с Сэлом изрядно подпортили жизнь.

После «Вестсайдской истории» Анна-Мария окончательно перешла в танцы. Оттанцевала несколько сезонов в «Кидд Пивот»: сначала как ученица, потом как приглашенная танцовщица. Феликс нашел на ютьюбе запись ее танцевального номера с двумя партнерами. Мощное выступление. Однако из-за травмы ей пришлось уйти из труппы до того, как они поставили свой феерический балет «Репродукция «Бури». Она пропала на восемь месяцев, а потом вновь появилась в качестве хореографа в полулюбительской

постановке «Без ума от тебя» в Торонто. Это было в прошлом году.

Видимо, Анна-Мария переживала не лучшие времена. Феликс так и не понял, есть ли у нее муж или друг. Никакой информации в интернете.

У нее есть страница в фейсбуке, хотя в последнее время она почти ничего не писала. Там было несколько ее фотографий: стройная, мускулистая блондинка с большими глазами. Да, она еще сможет сыграть Миранду. Но захочет ли, вот в чем вопрос.

Феликс послал ей запрос дружить в фейсбуке, назвавшись своим настоящим именем; она приняла его в друзья.

Феликс начал издалека. Она его помнит? — спросил он в личном сообщении. Да, пришел лаконичный ответ. Никаких восклицательных знаков. Никаких проявлений радости. Есть ли у нее время на театральный проект? Смотря что за проект, написала она в ответ. Феликс догадывался, о чем она думала: однажды он очень сильно ее подвел, а теперь вдруг врывается в ее жизнь как ни в чем не бывало и ждет, что она будет прыгать от счастья?

Как оказалось, она работает на полставки бариста в кофейне «Горацио» в Мейкшавеге.

Наверное, надеется перехватить что-то на фестивале, рассудил Феликс. Они договорились о встрече, и он заехал за ней в «Горацио». Он не боялся, что его могут узнать знакомые из прошлой жизни: он изменился за эти годы, отрастил белую бороду, кустистые брови, — да и от старой команды почти никого не осталось. Он проверял на сайте фестиваля.

Анна-Мария по-прежнему выглядела очень молодо, отметил он с облегчением. Даже, кажется, похудела еще сильнее. Волосы убраны в высокий пучок, как у танцовщиц. В каждом ухе — по две золотые сережки. Узкие джинсы, белая рубашка. Видимо, это была униформа бариста в «Горацио».

Он отвел ее в шумный бар за углом. «Каштан и бесенок», где на вывеске изображен не чертенок, а какой-то красноглазый тролль с улыбкой, как у взбесившегося бульдозера. Как только они уселись в кабинке, Феликс заказал им по кружке местного крафтового пива.

— Хочешь что-нибудь перекусить? — спросил он. Время близилось к обеду. — Я угощаю.

— Гамбургер и картофель фри, — сказала Анна-Мария, внимательно глядя на него огромными, озорными глазами.

Феликс вспомнил первое правило голодающего актера: никогда не отказывайся от дармового угощения. Сколько тарелок с виноградом и сыром прикончил он сам в свое время по разным гримеркам!

— Давненько вас не было, — сказала она. — Вы тогда исчезли… Как будто пропали без вести. Никто не знал, где вы и что с вами стало.

— Меня уволили, — сказал он. — Тони постарался.

— Да, ходили такие слухи, — сказала она. — Кто-то даже всерьез опасался, что он вас зарезал. А труп закопал где-то за городом.

— Почти так и было. По всем ощущениям.

— Вы даже не попрощались, — укоризненно проговорила она. — Ни с кем из нас.

— Я знаю. Прошу прощения. Я не смог, — сказал он. — На то были причины.

Она чуть смягчилась и улыбнулась ему:

— Представляю, как вам было тяжко.

— Больше всего я жалел, что мне не удалось поработать с тобой в «Буре». Ты бы сыграла блестяще, я знаю.

— Да, наверное, — сказала она. — Я тоже жалела об этой роли. — Она закатала рукава рубашки выше локтя. В баре было жарко. Теперь Феликс

увидел татуировку в виде пчелы у нее на руке. — Так что вы хотели?

— Лучше поздно, чем никогда, — сказал он. — Хочу предложить тебе роль Миранды. В «Буре».

— Охренеть не встать, — сказала она. — Вы не шутите?

— Ни в коем случае, — ответил он. — Хотя сразу скажу: ситуация странная.

— Все ситуации странные, — сказала она. — Кстати, я до сих пор помню слова. Я так усердно трудилась над этой ролью, что разбуди меня посреди ночи, и я выдам все реплики без запинки. Где будет постановка?

Феликс помедлил, сделал глубокий вдох.

— Во Флетчерской мужской исправительной колонии, — сказал он. — Я там преподаю. Театрально-литературный курс. Для… э… заключенных. Некоторые из них — на удивление хорошие актеры.

Анна-Мария отпила большой глоток пива.

— Так, давайте еще раз, — сказала она. — Вы хотите, чтобы я сыграла Миранду в тюремной постановке с участием осужденных преступников?

— Никто из них не захотел играть молодую девчонку, — сказал он. — Думаю, ты сама понимаешь почему.

— Да уж, — жестко проговорила она. — И я их не виню. Быть девчонкой — такой отстой, уж поверьте мне на слово.

— Тебе будут рады, — сказал он. — В нашем маленьком театре. Они все в восторге от такой перспективы.

— Надо думать, — сказала она.

— Нет, правда. Они отнесутся к тебе с уважением.

— Сплошные белые и пушистые, тонкие и деликатные Фердинанды, да?

— Там есть охрана, — сказал Феликс. — Целый штат надзирателей с электрошокерами, дубинками и так далее. — Он сделал паузу. — Но они не понадобятся. Правда. — Он опять сделал паузу. — Тебе заплатят. — Еще одна пауза, потом — его последний довод: — Такого театрального опыта ты не получишь больше нигде. Это я гарантирую.

— Больше никто не согласился, да? — спросила она, и Феликс понял, что он почти у цели.

— Ты первая, к кому я обратился, — честно ответил он.

— Хотя я уже старовата для этой роли, — сказала она. — Уже не та, что двенадцать лет назад.

— Ты идеально подходишь на эту роль, — ска-

зал он. — Ты молода и свежа.

— Как куча свежего говна, — сказала она. Феликс растерянно моргнул. Ее сквернословие всегда немного его пугало. Трудно привыкнуть к тому, что от такой нежной девушки исходит такая площадная брань. — Потому что я выгляжу как подросток, — сказала она. — Без сисек.

Глупо было бы отрицать очевидное.

— Значение сисек сильно преувеличено, — сказал Феликс. Музыка для ушей женщин с маленькой грудью. Всегда. Вот и Анна-Мария оттаяла, улыбнулась.

— Просперо играете сами? — спросила она. — Не какой-нибудь грабитель банков, наряженный в мантию старого чародея? Потому что я до сих пор помню ваши монологи. Это было потрясающе. Если их испоганят, я не переживу.

— Да, Просперо играю я, — сказал он. — Колдовство в каталажке: для меня это вызов. Если сравнить с игрой на обычной сцене, то последняя будет как увеселительная прогулка. А можно еще посмотреть и с такой точки зрения: может быть, это мой последний шанс поставить «Бурю».

Она вдруг улыбнулась ему искренне и открыто.

— Блин, вы все такой же маньяк, как рань-

ше, — сказала она. — Но гениальный маньяк! Вдохновенный. Кто еще мог бы затеять такое безумство?! Хорошо, я согласна. — Она протянула руку для рукопожатия, но Феликс еще не закончил.

— Всего два условия, — сказал он. — Во-первых, там я для всех «мистер Герц». Никто не знает о фестивале… что я когда-то… Это долгая история, я как-нибудь расскажу. Но «Феликс Филлипс» под строгим запретом. Иначе могут возникнуть вопросы. И могут быть проблемы.

— С каких пор вы боитесь проблем? — спросила она. — Вы?!

— Это будут плохие проблемы. Во-вторых, у нас не ругаются матом. И вообще не ругаются. Я запрещаю. Можно ругаться только бранными словами из пьесы, которая у нас в работе.

Она на секунду задумалась.

— Ладно, думаю, я с этим справлюсь, — сказала она. — Ну что, чудовище? Целуй Евангелие! По рукам!

На этот раз они пожали друг другу руки. Феликс поморщился от ее крепкого рукопожатия. Она сдавила его ладонь как в тисках. Его Просперо повелит Фердинанду держаться подальше от этой девушки не только ради соблюдения при-

личий: забывшийся Фердинанд рискует остаться калекой.

— Мне нравится твоя пчела, — сказал он. — Татуировка. Она что-то значит?

Она опустила глаза и проговорила, глядя в стол:

— У меня был роман с Ариэлем. С актером в вашей постановке. Было весело, хоть и недолго, и в итоге он разбил мне сердце. Пчела была нашей шуткой.

— Шуткой? Какой шуткой? — Феликс тут же пожалел о том, что спросил. Он не хотел знать ответ. К счастью, им как раз принесли заказанный гамбургер, и Анна-Мария вгрызлась в него своими мелкими белыми зубками, едва не застонав от удовольствия. Феликс смотрел, как она ест, и пытался вспомнить, когда он сам в последний раз был настолько голодным.

16. Невидимый для посторонних глаз

Пятница, 11 января 2013

В пятницу Феликс начинает занятие с самого интересного.

— У меня есть новости об актрисе, — говорит он. — Которая, как я сказал, сыграет Миранду в нашей постановке. — Он умолкает, держит паузу. Пусть они погадают, хорошие у него новости или плохие.

Они настороженно ждут продолжения. В аудитории полная тишина. Все затаили дыхание.

— Это была непростая задача, — говорит Феликс. — Не каждая женщина согласится участвовать в таком мероприятии. — Еле заметные кивки. — У нее были сомнения. Мне пришлось потрудиться, чтобы ее убедить. — Он все еще тянет время, наращивая напряжение. — Я думал, что ничего не получится. Но все-таки…

— Да! — говорит 8Рукк. — У вас получилось! Епт… то есть, черт побери, круто!

— Да. Мне все-таки удалось ее уговорить.

— Разрази меня чума! — говорит Маракас.

— Благодарю, — говорит Феликс. Он разре-

шает себе улыбнуться, склоняется в шутливом полупоклоне. Здесь он изображает старомодного, учтивого джентльмена преклонных лет, и его церемонные манеры воспринимаются учениками как должное. — Ее зовут Анна-Мария Гринленд, — продолжает он. — Она не только актриса, но и танцовщица. В том числе акробатических танцев. Я принес клип с ее танцем, чтобы вам показать.

Он вставляет в компьютер флешку с записью клипа, скачанного с ютьюба.

— Погасите, пожалуйста, свет.

На экране — Анна-Мария в пору своего танцевального расцвета. На ней черный короткий топ с завязками на шее и зеленые атласные шорты. Она как бы швыряет своего грациозного партнера на землю, потом по-осминожьи обвивает его руками и ногами и делает удушающий захват. Он вырывается, подбрасывает ее в воздух и крутит так, что ее голова едва не касается пола. Она проскальзывает у него между ног, отталкивается от земли, снова взвивается в воздух, ловит партнера за локоть и выворачивает ему руку под болезненным прямым углом. На ее жилистых, крепких руках явственно проступают мышцы.

— Ого! — говорит чей-то голос. — Что за… что

за чума?

— Такая любого разделает в фарш!

— У нее татуха, заешь меня жаба!

— Прирожденный черт!

— А почему у нее пчела?

— Дань романтической любви, — говорит Феликс. — Наверное.

Ему тут же становится стыдно за себя: такому пресыщенному цинизму нет места в зачарованном мире, в который он их попросит поверить уже совсем скоро.

Анна-Мария делает пируэт, сужает круги вокруг своего партнера, который катается по земле. Потом она делает сальто назад, приземляется на ноги. На сцену выходит второй танцор, бросается к Анне-Марии, поднимает ее и закидывает себе на плечо. Ее ноги болтаются в воздухе. Головокружительный кувырок — и она вновь на земле. На миг принимает боксерскую стойку, а затем убегает. Оба партнера ее догоняют. Она замирает на месте, поднимает ногу, резко выбрасывает ее вперед, как будто бьет пяткой. Оба танцора падают наземь грациозным дуэтом. Анна-Мария подпрыгивает высоко-высоко. На немыслимую высоту.

Затемнение.

Аудитория медленно выдыхает.

— Дайте свет, — говорит Феликс. Включаются лампы: теперь Феликс видит их потрясенные лица с широко раскрытыми глазами. — Это лишь единичный пример многих талантов нашей Миранды. Анна-Мария присоединится к нам через две недели, когда мы распределим роли и начнем общую читку сценария.

— У нее что, черный пояс? — спрашивает Костыль.

— Черт, она… просто чума! — это высказался Маракас.

— Такая вдарит тебе по яйцам, так они в горле встанут, — говорит Змеиный Глаз. — Зуб даю, лесбиянка, разрази меня оспа. Есть лишь один способ узнать!

Никто не смеется.

— Какая-то тощая, — говорит Жучила Фил. — Кожа да кости. Явное расстройство пищевого поведения.

— Я тоже люблю помясистее, — говорит Маракас.

— Надо брать что дают, — говорит Крампус, меланхоличный меннонит. — Нищие не выбирают.

— Да, жабье племя, — говорит Костыль. — По мне, так шикарная телка!

— Она очень талантливая исполнительница, — говорит Феликс. Он доволен, что они уже практикуются в употреблении шекспировских бранных слов. — Нам повезло, что она согласилась с нами работать. Однако на вашем месте я бы не стал с ней шутить. Вы сами видите почему.

— Пришибет одним пальцем и не заметит, вот скотство, — горестно произносит Чудо-Мальчик.

— А теперь, — говорит Феликс, — давайте поговорим об Ариэле. Кто-нибудь хочет сыграть эту роль?

— Без мазы, приятель, — раздается голос с задней парты. — Я не буду играть фею, и точка. Как я уже говорил. — Это Змеиный Глаз, человек, имеющий четкое мнение.

Он выразил общее настроение. Никто не поднял руку, все сидят с суровыми, замкнутыми лицами. Феликс слышит их мысли: как с Мирандой, так и с Ариэлем. Слишком слабый. Слишком воздушный. Слишком педиковатый. Это даже не обсуждается.

— Вы пригласили актрису на роль Миранды, так? Так пригласите актера и на эту роль, — говорит Мачете.

Приглушенные «да», тихий смех.

Феликс мог бы спросить, почему они думают,

что Ариэль — фея, но он и так знает ответ. Летает по воздуху, пьет цветочный нектар, весь из себя хрупкий и утонченный. Выглядит как фея, ведет себя как фея, стало быть, фея и есть. Да еще эта песенка, где Ариэль сообщает, что он сосет цветочный нектар, словно пчелка. Забудь о ней сразу: ни один уважающий себя мужик с хотя бы каким-то понятием о самосохранении никогда этого не споет, даже для роли. Ариэль не просто женоподобный фей, он еще и сосет. Потом не отмоешься, как ни старайся. Будешь сосать во всех смыслах.

Бесполезно им объяснять, что Ариэль — не фея, а воплощение воздушной стихии: дух воздуха. И что во времена Шекспира у слова «сосать» не было никаких унизительных смыслов, только в нынешнее время унизительный смысл присутствует.

— Давайте все-таки поговорим об Ариэле, — предлагает Феликс, что означает, что говорить будет он, потому что больше никто в этой комнате не рискнет заговорить о столь щекотливом предмете. — Может быть, он нам видится феей лишь потому, что мы мыслим недостаточно *широко*. — Он делает паузу, чтобы они прониклись услышанным. Широко мыслить? Это как?! —

Итак, прежде чем навешивать ярлыки, давайте вспомним его основные качества. Что это за существо? Во-первых, он может становиться невидимым. Во-вторых, он умеет летать. В-третьих, у него есть суперспособности, особенно в том, что касается грома и молнии, огня и ветра. В-четвертых, он музыкален. В-пятых… и это самое главное… — Феликс вновь делает паузу. — В-пятых, *он не человек*. — Он обводит взглядом класс.

— А вдруг он вообще ненастоящий? — говорит Рыжий Койот. — Ну, типа, глюк. Может быть, этот Просперо разговаривает сам с собой? Может быть, он потребляет какие-то кактусы или грибочки и у него едет крыша? Может быть, он вообще с прибабахом?

— Или ему снится сон, — говорит Мачете.

— Может быть, их лодка тонет, ну, в которую их посадили. И вся пьеса разыгрывается у него в голове, пока он идет на дно. — Один из новичков: ЗакраЛось.

Бублик:

— Я видел фильм с похожей историей.

— Или он общается с воображаемым другом, — говорит Маракас. — У моего сына был воображаемый друг.

— Его больше никто не видит, — говорит Ко-

стыль.

— Его видят, когда он предстает в облике гарпии, — говорит Гнутый Грифель.

— И его слышат, — говорит Контакт.

— Ладно, уговорили, — хмурится Рыжий Койот. — Хотя, может быть, этот Просперо был, типа, чревовещатель.

— Допустим, что Ариэль настоящий, — говорит Феликс. Он доволен: по крайней мере, они участвуют в обсуждении. — Допустим, вы никогда не слышали об этой пьесе и знаете об Ариэле только то, что я сейчас перечислил. Что это за существо, как по-вашему?

Гул голосов.

— Типа, супергерой, — говорит Костыль. — Фантастическая четверка. Вроде как Супермен. Но криптонит у Просперо, и старый хрыч контролирует ситуацию.

— Инопланетянин, — говорит Маракас. — У него сломался космический корабль, пришлось экстренно сесть на Землю. Взлететь не получится, он здесь застрял. Но мечтает вернуться домой, на родную планету. Как в «Инопланетянине», помните этот фильм? Тогда все логично, да?

— Делает все, что приказывает Просперо, чтобы тот его отпустил. — На этот раз голос подал

8Рукк. — Чтобы заслужить свободу.

— И вернуться к своему народу, — говорит Рыжий Койот.

Одобрительный гул голосов. И вправду логично! Инопланетянин! Гораздо лучше, чем фей.

— Как вы себе представляете его костюм? — спрашивает Феликс. — Как он выглядит? — Он не стал говорить о традиционном образе этого персонажа: птичьи перья, стрекозиный наряд, ангельское личико, крылья бабочки. Он также не упомянул, что последние два столетия Ариэля играют исключительно женщины.

— Ну, он, типа, зеленый, — говорит Маракас. — С зеленой кожей. И большими выпученными глазами без зрачков, как у инопланетян.

— Это деревья зеленые. Лучше пусть будет синим, — предлагает Костыль. — Он же дух воздуха. Летает в небе, а небо синее.

— Не может есть человеческую еду. Только цветочки и листики, — говорит Рыжий Койот. — Дары природы. Типа, он веган.

Все согласно кивают: при таком положении дел можно высосать хоть весь нектар, не роняя достоинства, потому что инопланетянам свойственны всякие странности, в том числе и диковатые пищевые предпочтения.

— Хорошо, — говорит Феликс. — Теперь вопрос: каковы его обязанности в пьесе?

Тишина. Недоуменное бормотание.

— Что значит «обязанности»? — спрашивает Гнутый Грифель. — Как вы написали в своих комментариях, он хороший слуга. Делает все, что ему говорят. В отличие от Калибана, плохого слуги.

— Да, да, — говорит Феликс. — Но состоялась бы пьеса без той работы, которую Ариэль выполняет по поручению Просперо? Без громов и молний? Без самой бури? Ариэль совершает самое важное действо во всей пьесе, потому что без этой бури не было бы и пьесы. Стало быть, он ключевая фигура в сюжете. Но он действует скрытно, за кадром. Никто, кроме Просперо, не знает, что это Ариэль вызывает бурю, играет музыку, поет песни и создает иллюзии. Сейчас, в наше время, его назвали бы мастером по спецэффектам. — Феликс вновь обводит взглядом класс, пытаясь установить зрительный контакт. — В каком-то смысле он эксперт по компьютерной графике. Он создает трехмерную виртуальную реальность.

Робкие, неуверенные улыбки.

— Круто, — говорит 8Рукк. — Чертовски круто.

— Таким образом, в нашей постановке Ариэль будет не только персонажем на сцене, но

и ответственным за спецэффекты, — говорит Феликс. — Молнии, звук, компьютерное моделирование. Вот это все. И Ариэлю нужна команда поддержки, как команда духов и нечисти, которой он руководит в пьесе.

Лица учеников озаряются светом: им нравится возиться с компьютерами, когда выдается такая редкая возможность.

— Чудовищно круто! — говорит Мачете.

— Кто-нибудь хочет в команду Ариэля? — спрашивает Феликс. — Есть желающие?

Все поднимают руки, все до единого. Теперь, когда они осознали все перспективы, каждому хочется быть в команде Ариэля.

17. Этот остров полон звуков

В тот же день

Солнце садится; его свет — бледно-желтый, холодный. На самом верху внутреннего ограждения сидят две вороны, несут свою вахту. Даже и не надейтесь, друзья, думает Феликс. Я единственный, кто сегодня выходит наружу, и я еще жив. Он садится в промерзшую машину. Мотор заводится с третьего раза.

Наружные ворота распахиваются перед ним, открытые чьей-то невидимой рукой. Благодарю вас, духи рощ, озер, ручьев и гор, мысленно обращается к ним Феликс, вас, духи крепких стен, колючей проволоки и электрошокеров, вы слабы сами по себе, но мне вы помогали. Он едет вниз по холму, ворота за ним закрываются с глухим металлическим лязгом. Уже смеркается. У него за спиной зажигаются прожекторы на вышках.

Он едет по шоссе, потом сворачивает на узкую заснеженную дорогу, ведущую к его одинокой берлоге. Его руки крепко сжимают руль, но ему кажется, будто он управляет машиной одной силой мысли. Он разрешает себе почувствовать

облегчение: первые и самые трудные препятствия уже преодолены, первые цели достигнуты. Он заполучил свою Миранду. Ариэля преобразили и приняли. Все остальные персонажи уже проступают в тумане, их лица еще неотчетливы, но все вернее обретают черты. Пока что его чары действуют.

Машина резко останавливается у въезда на подъездную дорожку. К счастью, въезд не завален новой порцией утрамбованного снега. Феликс закрывает машину и идет по дорожке к своей хибарке. Снег скрипит под ногами. С поля слева от дома доносится хрусткий, морозный шепот: это шелестят на ветру стебли засохшей сорной травы, покрытые корочкой льда. Звенят, словно закоченевшие колокольчики.

В доме темно, свет в окне не горит. Забывшись, Феликс едва не постучал, но кто бы ему ответил? Его вдруг пробирает озноб, как боль при известии о невосполнимой утрате. Он открывает дверь.

Пусто. Никого нет. В доме холодно; он оставил в печке горячие угли, когда уезжал во Флетчер, но выключил электрический обогреватель. Нельзя оставлять его без присмотра, хотя Миранда, конечно, за ним проследила бы, правда?

Старый дурак, говорит он себе. Ее здесь нет.

Никогда не было. Это просто фантазии. Попытки выдать желаемое за действительное. Хватит обманывать себя. Смирись с очевидным.

Он не может смириться.

Он разводит огонь в печи, включает обогреватель. Дом нагреется быстро. На ужин Феликс решил съесть вареное яйцо и пару несладких печений. Выпить чаю. Он не так чтобы голоден. После ударной дозы адреналина в первую учебную неделю наступило вполне ожидаемое расслабление, ври, и все. Однако он чувствует гнетущую слабость *внутри*, уныние, неуверенность, надлом воли.

В последнее время месть казалась такой достижимой и близкой. Всего-то и нужно было дождаться, пока Тони с Сэлом приедут во Флетчерскую исправительную колонию с официальным министерским визитом, а потом устроить все так, чтобы они пошли смотреть фильм не в кабинет начальника тюрьмы, а в закрытое «театральное» крыло, где их будет ждать Феликс, поначалу невидимый. Фильм с записью пьесы пойдет в двух вариантах. Первый будет показан на всех экранах во всех помещениях и камерах. Второй — специально для Тони и Сэла — вдруг превратится в интерактивный театр с живыми

актерами под управлением Феликса. Создание иллюзий с использованием двойников — один из старейших театральных приемов.

Но сейчас его гложут сомнения. Почему он уверен, что у него все получится? Речь не о самой пьесе; завершенный спектакль уже будет записан на видео. Речь о *другой* пьесе, о феерической импровизации, которую он задумал для своих высокопоставленных врагов — как все это организовать? Тут нужны знания техники, которых у него нет. Но даже если решить все технические проблемы, не слишком ли опрометчиво он полагает, что сможет реализовать этот безумный план? Это очень рискованно. Одна ошибка, одно неверное движение — и все пойдет прахом. Актеры могут увлечься, особенно в присутствии министра юстиции, проводящего жесткую политику борьбы с преступностью. Кто-то может не устоять перед таким искушением. Кто-то может пострадать.

— Никто не пострадает, — говорит он себе. Но сам понимает, что гарантии нет. У него в подчинении нет сонма стихийных духов, послушных каждому его слову. У него нет настоящей магии. У него нет оружия.

Лучше отречься. Отказаться от планов воз-

мездия, оставить надежды на возрождение. Попрощаться со своим прежним «я». Тихонько уйти в темноту и забвение. Если подумать, чего он добился в жизни, кроме нескольких ярких часов на сцене, кроме нескольких мимолетных триумфов, совершенно неважных для мира, в котором живет большинство людей? С чего он решил, что у Вселенной есть какие-то особые планы на его счет?

Миранда не любит, когда он впадает в уныние. Она беспокоится за него. Наверное, поэтому она и решила остаться невидимой. Впрочем, она всегда остается невидимой. Почти невидимой. Ведь она там, в другой комнате? Он явственно слышит, как она напевает себе под нос. Или это шумит холодильник?

В спальне пахнет лекарствами, как будто здесь долго лежал больной. Инвалид. Нет, Миранды здесь нет. Только ее фотография в серебряной рамке: маленькая девочка на качелях, застывшая во времени. Видимая, но не живая.

Он включает лампу на тумбочке у кровати, открывает дверцу большого шкафа. Вот его волшебная мантия; она дожидалась его целых двенадцать лет. Неужели она все-таки отправится на помойку? Многочисленные глаза смотрят

на него из сумрака: блестящие, настороженные, живые.

— Не сейчас, — говорит он своим волшебным животным. — Не сейчас. Час еще не настал.

Их час станет и его часом. Его часом возмездия. Должен быть способ устроить все так, чтобы добиться желаемого. Его рано списывать со счетов. Он еще кое на что годен.

Он возвращается в гостиную.

— Милая, — говорит он вслух; и вот она, в уголке. Хорошо, что она во всем белом: светится в полумраке. Он ощущает какую-то сердитую, нервозную энергию, исходящую от нее. Она уловила его беспокойство, и сама тоже разволновалась.

— Никто не пострадал, — говорит он. — И не пострадает, клянусь. Я все свершу, заботясь о тебе.

Но в чем заключается эта забота? Да, он всегда ее оберегал, но не перестарался ли в своем стремлении ее защищать? Наверное, он многого ей недодал. И уж точно не дал ей того, что другие девочки ее возраста воспринимают как должное. Знать бы еще, что именно. Безусловно, одежду. Красивую, модную одежду, а не то непонятное тряпье, в котором она ходит сейчас. Похоже, она сооружает себе импровизированные наряды из марли и старых простыней. А должна красовать-

ся в шелках и бархате, в мини-юбках и грубых высоких ботинках, которые, как он заметил, нравятся современным молоденьким девушкам. У нее должен быть свой айфон в чехле пастельных тонов. Она должна красить ногти синим, серебряным или зеленым лаком, встречаться с подружками, слушать музыку в крошечных розовых наушниках. Ходить на вечеринки.

Он был не самым хорошим отцом. Как ему загладить свою вину? Удивительно, что она не капризничает, не хандрит, сидя здесь взаперти, не общаясь ни с кем, кроме ее пожилого, потрепанного жизнью отца; с другой стороны, она не знает, как много она потеряла. И он сумел многому ее научить. У большинства девочек ее возраста нет возможности научиться тому, что умеет и знает его Миранда.

— Чем ты занималась весь день? — интересуется он. — Не хочешь сыграть в шахматы?

Неохотно — неужели действительно нехотя? — она подходит к кухонному столу, на котором разложена шахматная доска.

Черными или белыми? — спрашивает она.

18. Этот остров – мой

Понедельник, 14 января 2013

К утру понедельника к Феликсу вернулась уверенность в своих силах. Пусть все идет своим чередом, как обычно на его курсе во Флетчере. На этой неделе они обсудят главных персонажей, чтобы актеры поняли для себя, как лучше сыграть их на сцене. Теперь, когда разрешились проблемы с Мирандой и Ариэлем, никаких сложностей быть не должно. Разве что с Калибаном. Калибан неизбежно поднимет вопросы не самого приятного свойства.

Что касается его тайного предприятия, тут нужно крепко держаться за нить. И твердо идти за ней в непроглядную тьму. Какую бы форму ни приняли его действия, все будет зависеть от точного расчета времени. Это его последний шанс. Его единственный шанс. Отомстить за себя, вернуть себе доброе имя, утереть носы обидчикам. Если он не воспользуется этим случаем, удача точно от него отвернется, она его и так не очень балует своим присутствием.

Нельзя идти на попятный, нельзя сомневаться.

Нужно поддерживать стимул. Все зависит от его воли.

— Как успехи, мистер Герц? — спрашивает Дилан, когда Феликс проходит через контрольно-пропускной пункт.

— Пока все отлично, — жизнерадостно отвечает Феликс.

— Кто играет феечку? — интересуется Мэдисон.

— Это не феечка, — отвечает Феликс.

— Да ладно!

— Поверьте мне на слово, — говорит Феликс. — Кстати, на следующей неделе я приглашаю сюда актрису. Это очень известная актриса. Анна-Мария Гринленд. Она будет играть Миранду, женскую роль в пьесе.

— Да, мы уже слышали, — говорит Мэдисон. Сарафанное радио во Флетчерской колонии работает круглосуточно семь дней в неделю; или отлично налажена система наблюдения и разведки. Как бы там ни было, слухи распространяются, как эпидемия. — Мы уже в предвкушении, — улыбается он.

— Ей оформили пропуск? — спрашивает Дилан.

— Конечно, — говорит Феликс нарочито уверен-

ным голосом. Эстель все устроила. Ей пришлось потрудиться, были высказаны некоторые возражения, — но Эстель знает, за какие ниточки надо тянуть и чье самолюбие надо уважить. — Я надеюсь, что все сотрудники… я надеюсь, вы ей окажете теплый прием.

— Ей надо будет носить охранный пейджер, — говорит Дилан. — Актриса не актриса, но правила едины для всех. Мы ей покажем, как им пользоваться. На случай проблем. — Их любопытство зашкаливает: им хочется расспросить Феликса об актрисе, но не хочется выдавать свой нетерпеливый восторг. Все-таки надо держать лицо. Может быть, бросить им косточку, думает Феликс, и сказать, что на ютьюбе в свободном доступе выложен видеоклип танцевального номера, в котором Анна-Мария превращает своих двух партнеров в условный фарш? Нет, решает он, лучше не надо.

— Проблем не будет, — говорит он, — но спасибо за вашу заботу.

— Не за что, мистер Герц, — говорит Дилан.

— Мы работаем для вас, — добавляет Мэдисон.

— Вы всегда можете на нас положиться. Хорошего дня, мистер Герц, — пожелал Дилан. — К черту!

— К черту! — произносит Мэдисон и поднимает

вверх два больших пальца.

— Все действие пьесы происходит на острове, — говорит Феликс, стоя у доски в аудитории. — Но что это за остров? Волшебный сам по себе? Этого мы не знаем. Каждый, кто оказался на острове, видит в нем что-то свое. Кого-то остров страшит, кто-то хочет им властвовать. Кто-то хочет скорее его покинуть. Первой на остров высадилась мать Калибана, злая ведьма Сикоракса. Она умирает до начала действия пьесы, но не раньше, чем у нее рождается сын. Калибан, как мы знаем, родился на острове. Он здесь вырос, и он единственный, кто по-настоящему любит остров. Когда Калибан был ребенком, Просперо относился к нему по-доброму, но потом Калибану ударили в голову гормоны, он не совладал с собой, и Просперо пришлось заключить его в скале. После этого Калибан начинает бояться Просперо и покорных ему духов, которые его истязают. Но острова он не боится. И остров в ответ иногда услаждает его дивной музыкой.

Он пишет на доске: КАЛИБАН.

— Еще один обитатель острова пробыл там столько же, сколько Сикоракса, но это не человек. Ариэль — дух воздуха. Что он думает об острове? Мы не знаем. Он создает здесь иллюзии, но лишь

по приказу Просперо.

Он пишет: АРИЭЛЬ.

— Потом на остров прибывает Просперо, законный герцог миланский, и его трехлетняя дочь Миранда, которых бросили в море на прогнившем челне по приказу Антонио, коварного брата Просперо, захватившего миланский престол. Им повезло, что они высадились на остров, потому что иначе они утонули бы или погибли от голода. Но им приходится жить в пещере, и, кроме дикаря Калибана, на острове нет других людей, поэтому Просперо стремится как можно скорее покинуть остров и вместе с Мирандой вернуться в Милан. Он хочет вернуть себе герцогство, хочет, чтобы его дочь вышла замуж за человека, достойного ее положения, но, оставаясь на острове, он ничего не добьется. Сама Миранда нейтральна в этом вопросе. Она не знает другой жизни, кроме жизни на острове. Ей здесь было неплохо, пока перед ней не открылись другие возможности.

ПРОСПЕРО И МИРАНДА — пишет он.

— Проходит двенадцать лет, и волны выносят на остров еще нескольких человек. В результате бури, инсценированной Просперо и Ариэлем. Буря была лишь иллюзией, но убедительной. Они искренне убеждены, что спаслись после кораб-

лекрушения. Для Алонзо, короля Неаполя, остров — место утраты и скорби. Он уверен, что его сын Фердинанд утонул. Для Себастьяна, брата Алонзо, и Антонио, брата Просперо, остров — место для реализации коварных планов. Им выпал случай убить Алонзо и его советника Гонзало, после чего Себастьян унаследует неаполитанский престол — при этом он совершенно не представляет, как вернуться в Неаполь. Эти двое считают, что остров — пустынный клочок земли безо всякого очарования.

Гонзало, старому честному советнику, остров видится изобильной и плодородной землей. Он рассуждает о том, как бы он все устроил, будь он здесь королем. Это была бы идеальная республика, где все граждане будут равны, добродетельны и невинны, и никому не пришлось бы работать, в поте лица добывая свой хлеб. Остальные над ним потешаются. Все четверо рассуждают о власти. Кто должен править, каким будет это правление. Как заполучить власть и как ею распорядиться.

Феликс пишет: АЛОНЗО, ГОНЗАЛО, АНТОНИО, СЕБАСТЬЯН, — и проводит под ними черту.

— Следующий персонаж отличается от всех остальных. Фердинанд, сын Алонзо. Его выбросило на берег в другой части острова, и он уверен,

что его отец утонул. Пока он оплакивает потерю, Ариэль увлекает его чарующей музыкой. Поначалу Фердинанд думает, что остров волшебный; потом видит Миранду и принимает ее за богиню. Узнав, что она просто девушка и не замужем, он влюбляется с первого взгляда и предлагает ей стать его женой. Для него остров — место чудес, а потом и романтической любви.

Феликс пишет: ФЕРДИНАНД, — и проводит еще одну черту.

— Дальше идут Стефано и Тринкуло, — говорит он. — Оба пьяницы и шуты. Как Антонио и Себастьян, они видят остров местом для захвата власти. Без зазрения совести они собираются эксплуатировать доверчивого Калибана, заставив его служить им; они даже подумывают о том, чтобы показывать его на базаре за деньги или продать его в рабство, когда вернутся домой. Также они не гнушаются воровством, убийством и изнасилованием. Пусть даже чисто теоретически. Убейте Просперо, говорит им Калибан, и получите весь остров с Мирандой в придачу. Их тоже волнует вопрос, кто и как будет править; в пьесе они выступают комическими двойниками Антонио и Себастьяна. Или можно сказать, что Антонио и Себастьян — те же шуты, только

лучше одетые.

СТЕФАНО И ТРИНКУЛО, пишет он.

Потом делает паузу, обводит взглядом класс: враждебности нет, но нет и воодушевления. Они ждут, наблюдают за ним.

— Возможно, остров и вправду волшебный, — говорит он. — Возможно, он действует как колдовское зеркало: каждый видит в нем отражение своей внутренней сущности. Возможно, он выявляет, что человек представляет собою на самом деле. Может быть, это такое место, где каждый должен чему-нибудь научиться. Но чему должны научиться все эти люди? И можно ли утверждать, что они усвоили свой урок?

Феликс проводит под списком двойную черту.

— Итак, — говорит он. — Вот все главные действующие лица. Запишите их в столбик в том же порядке. Всех, кроме Просперо с Мирандой. Просперо сыграю я сам, и вы уже знаете, кто будет играть Миранду. Рядом с именем каждого персонажа поставьте число от ноля до десяти. Десять означает, что вы хотите сыграть этого персонажа больше всех остальных; ноль означает, что персонаж вас нисколько не интересует. Примерьте на себя каждую из ролей. Подумайте, хорошо ли у вас получится ее сыграть и насколько вы будете

убедительны в этой роли. Например, Фердинанд должен быть достаточно молодым человеком, а Гонзало достаточно пожилым. Перед тем как окончательно распределить роли, я послушаю, как вы читаете монологи и диалоги. После читки кто-то из вас наверняка передумает и захочет взять какого-то другого персонажа. В этом случае можете переписать номера в своем списке.

Феликс умолкает, и класс приступает к работе. Карандаши усердно скрипят по бумаге.

Может быть, остров и вправду волшебный? — спрашивает себя Феликс. Рассказывая им про остров, он не упомянул одну вещь: остров — это театр. Просперо — режиссер-постановщик. Он ставит пьесу, внутри которой содержится еще одна пьеса. Если его колдовство осуществится и постановка пройдет успешно, его заветное желание сбудется. Но если пьеса провалится…

— Она не провалится, — говорит Феликс.

Кто-то из учеников на миг отрывается от работы. Феликс чувствует на себе недоуменные взгляды. Он сказал это вслух? Он разговаривает сам с собой?

Осторожнее, говорит он себе, а то как бы они не решили, что ты под кайфом.

19. Отвратительное чудовище

Вторник, 15 января 2013

Во вторник утром Феликс подсчитывает голоса. Из двадцати человек в его театрально-литературной группе лишь один хочет сыграть благородного Гонзало. К счастью, это Гнутый Грифель, бухгалтер-растратчик. Феликс вносит его в список действующих лиц и исполнителей.

Король Алонзо и его брат Себастьян. На них желающих нет. Никто не поставил им выше двойки, хотя все-таки обошлось без нолей.

Антонио, злой брат Просперо, более популярен: пять человек поставили ему девятки.

Стефано и Тринкуло: по две десятки каждый. Стало быть, четверо видят себя шутами.

Восемь человек хотят сыграть Фердинанда, причем шестеро из восьми явно себя переоценивают. Роль романтического героя подходит им как корове седло. Но двоим другим она может вполне подойти.

Ариэль: двенадцать человек. Похоже, многие интересуются спецэффектами и космическими пришельцами.

И Калибан — ошеломительные пятнадцать.

В среду ему предстоит сделать нелегкий выбор, думает Феликс. Он начнет с Калибана. Калибан втайне поэт. Когда они обговорят эту сторону его личности, число желающих наверняка поубавится. С Калибаном не все так просто, скажет им Феликс. За его уродливой внешностью скрывается нечто большее.

Морально готовясь к предстоящей тяжелой задаче, Феликс решил принять ванну. Это целое дело. Сначала надо нагреть воду. В кастрюле на печке и в электрическом чайнике. Потом налить кипяток в жестяное корыто и разбавить его холодной водой, накачанной ручным насосом. Затем надо раздеться и забраться в корыто. Зимой в доме прохладно, из-под двери сквозит, а сегодня еще ледяной дождь бьет в окно. Старое вытертое полотенце тоже не добавляет уюта. Давно пора купить новое. Что ему мешает? Его чувство стиля, вот что. Новое банное полотенце не подходит к его аскетичной, монашеской обстановке.

Как приличествует скромной девице, Миранда никогда не присутствует при его омовении. Куда она пропадает? Куда-то подальше отсюда. Умная девочка. Чтобы взрослая дочь уважала стареющего отца, ей не следует видеть его голые тощие

ноги и увядшую, сморщенную плоть.

Как Просперо с Мирандой мылись на острове? Феликс размышляет над этим вопросом, усердно намыливая подмышки. Вряд ли у них была ванна. Откуда бы ей взяться на острове? Возможно, там был водопад. Но всякий раз, моясь под водопадом, Миранда должна была опасаться, что на нее может накинуться похотливый Калибан. Вероятно, в такие минуты Просперо запирал Калибана в скале. От греха подальше.

Это все хорошо, но как же тогда сам Просперо? Мог ли он творить чары без своих магических книг, без волшебного жезла и колдовской мантии? Вряд ли он мылся под водопадом, облаченный в волшебную мантию, с книгой и жезлом в руках. Получается, он не мылся вообще. Страшно даже представить, как он смердел после двенадцати лет без душа!

Но Феликс забыл: Ариэль стоял бы на страже. Ариэль в образе гарпии — и целая гвардия духов, послушных Просперо. В тексте не упоминается, что Ариэль мог быть банщиком при Просперо, но, скорее всего, так и было.

Подобные упущения и недомолвки вообще свойственны театру, размышляет Феликс. В пьесах никто не моется и даже не думает о мытье,

никто не ест, не ходит в туалет. За исключением Беккета, разумеется. В Беккете можно не сомневаться. Редис, морковь, мочеиспускание, вонючие ноги: все это есть, и в избытке. Человеческое тело в апофеозе его приземленной, презренной бренности.

Феликс выбирается из корыта и встает мокрыми босыми ногами на холодный дощатый пол. Хватает полотенце, поспешно вытирается. Надевает фланелевую пижаму. Наполняет грелку горячей водой. Зубы — в стакан с кипяченой водой, туда же — шипучую таблетку. Витаминное драже. Чашка горячего какао перед сном. Ему не хочется выходить в туалет в метель, поэтому он справляет нужду в стеклянную банку, припасенную специально для таких случаев, и выливает мочу в раковину. На острове в «Буре» никогда не было снега; Просперо не нуждался в стеклянной банке.

А теперь пора спать.

Когда он ложится и выключает свет, Миранда материализуется в темноте.

— Спокойной ночи, — говорит он ей. Она сейчас провела рукой в воздухе над его головой, словно легонько погладила его по лбу? Да, так и было.

В среду утром на улице ясно и солнечно. Феликс

съел на завтрак вареное яйцо и теперь едет во Флетчерскую исправительную колонию мимо заснеженных полей и сверкающих деревьев, покрытых коркой льда. За рулем он тихонько насвистывает. *Бан-бан, Ка… Калибан!* Отличная сцена для музыкального номера. Он скажет в классе, что речитатив Калибана — один из первых образчиков рэпа, и отчасти так оно и есть.

— У нас проблемы, — говорит он, стоя у доски. — На роль Калибана претендуют пятнадцать человек. Это нужно обсудить. — Он берет маркер. — Кто такой Калибан? Что он собой представляет?

Совершенно пустые взгляды.

Феликс решает зайти с другой стороны:

— Мы все согласились, что Ариэль не человек, а скорее пришелец из космоса. А что Калибан? Его мать была человеком, это мы знаем точно. Но сам Калибан… человек или нет?

— Человек, — говорит Контакт.

— Человек, однозначно, — говорит Чудо-Мальчик и обводит взглядом класс, ища поддержки. — Как он мечтает залезть на Миранду!

Одобрительный смех, выкрики «Да».

Уже кое-что, думает Феликс. Прогресс налицо.

— Давайте навскидку, — говорит он, — каким

одним словом лучше всего описать Калибана? Первое, что придет в голову.

— Чудовище, — говорит Маракас. — Почти все называют его чудовищем.

— Негодяй.

— Тупица.

— Урод.

— Вонючий. Они говорили, от него несет тухлой рыбой.

— Дикарь. Может быть, людоед.

— Ком земли, — говорит Жучила Фил.

— Раб, — говорит Рыжий Койот. — Презренный раб, — добавляет он.

— Ведьмино отродье, — говорит 8Рукк, хакер с темной стороны. — Это самое лучшее.

Феликс записывает все слова на доске.

— Не сказать, чтобы очень приятный парень, — говорит он. — Так почему вы хотите его сыграть?

Улыбки в ответ.

— Он крутой, как чума.

— Мы его понимаем.

— Его все шпыняют, но он не дает им себя сломать. И всегда говорит то, что думает. — Это высказался Костыль.

— Он не прощает обиды, — говорит Мачете. — Если кто-то его опускает, он хочет им отплатить,

черт их всех задери.

Феликс проводит черту под списком на доске.

— Все остальные только и делают, что обзывают его нехорошими словами, — говорит он. — Но человек — это не совокупность всего, что о нем говорят другие. Он гораздо сложнее. — Ученики согласно кивают. Им нравится ход его мыслей. — Давайте попробуем разобраться. Что есть в Калибане такого, что незаметно на первый взгляд?

Феликс делает паузу и, как водится, сам же себе отвечает:

— Во-первых, он любит музыку. Он поет и танцует. — МУЗЫКАЛЬНЫЙ, пишет он на доске. — В этом они с Ариэлем похожи.

— Но не по-фейски, — говорит Мачете. — Никаких буквиц и лютиков.

Феликс делает вид, что не слышит.

— Он знает остров. Знает, где что растет. Знает, где найти еду. — ХОРОШО ЗНАЕТ ОСТРОВ, пишет он на доске. — Именно он произносит самую поэтичную речь об острове во всей пьесе. Когда рассказывает о своих снах. — РОМАНТИК, пишет он. — Он считает, что Просперо украл у него остров, принадлежащий ему по праву рождения, и хочет вернуть свою собственность. — ЖАЖДЕТ

МЕСТИ, пишет он.

— В каком-то смысле он прав, — говорит Змеиный Глаз.

— Значит, он как Просперо, — говорит 8Рукк. — Тоже жаждет мести. И хочет быть самым главным. Типа, все дерьмо, он король.

— Минус балл, — говорит Чудо-Мальчик. — Ты сказал «дерьмо».

— Я не ругался, — говорит 8Рукк. — Просто иллюстрировал мысль.

— Я пытаюсь сказать, — перебивает их Феликс, — что Калибан — трудная роль. Вам нужно подумать. Играть его будет непросто. Придется как следует потрудиться. — Он делает паузу, чтобы дать им время осмыслить услышанное. Кто-то сосредоточенно хмурится, кто-то тихонько хмыкает. Возможно, кое-кто из пятнадцати претендентов на роль Калибана уже передумал.

— И да, Калибан в чем-то похож на Просперо, — продолжает Феликс. — Только Просперо не хочет быть королем на острове. Наоборот, он мечтает как можно скорее оттуда уехать. Но Калибан думает, что он должен быть здесь королем, и хочет населить остров своими маленькими подобиями. Поэтому он и пытается изнасиловать Миранду. Но у него ничего не выходит, и тогда он подбивает

Стефано и Тринкуло убить Просперо.

— Неплохой план, — говорит Костыль. Одобрительный гул голосов.

— Хорошо, вам не нравится Просперо, — говорит Феликс. — И на то есть причины. Об этом мы еще поговорим. А сейчас у вас будет письменное задание. В первый день, когда мы обсуждали главные темы пьесы, я упомянул тюрьмы. — ТЮРЬМЫ, пишет он на доске в самом верху. — Я хочу, чтобы вы перечитали пьесу и нашли все тюрьмы, о которых там говорится. Включая тюрьмы из предыстории — из тех событий, которые происходили еще до начала пьесы. Что это за тюрьмы? Кто в них заключен? Кто тюремщик? Кто кого посадил в тюрьму и кто за кем надзирает?

УЗНИК. ТЮРЬМА. ТЮРЕМЩИК, пишет он на доске.

— Я сам насчитал семь. Может быть, вы найдете больше. — На самом деле их девять, но пусть его ученики превзойдут своего учителя.

— А если место одно, например остров, но речь идет о двух разных его частях, это считается за две тюрьмы? — уточняет Гнутый Грифель. — Или все-таки за одну?

— Давайте будем считать за одну тюрьму

каждый единичный пример лишения свободы, — говорит Феликс.

— Единичный пример лишения свободы? — переспрашивает Костыль. — Я так и скажу, когда выйду на свободу, у меня был чумовой четырехлетний *единичный пример лишения свободы*, обсоси его пчела.

Смех в классе.

— Хорошо, что не лишения *жизни*, — говорит Маракас.

— Единичный пример безжалостного мордобития.

— Единичный паршивый пример.

— Все правильно, — говорит Феликс. — Вы меня понимаете.

Они частенько подтрунивают над ним, когда он использует лексикон социальных работников.

— А что считать тюрьмой? — спрашивает 8Рукк. — Сосна, в которую заперли Ариэля, считается?

— Скажем так: тюрьмой будет считаться всякая ситуация или место, в котором ты оказался против собственной воли, не хочешь там находиться и не можешь оттуда выбраться, — говорит Феликс. — Стало быть, да, сосна считается.

— Паршиво, — говорит Контакт. — Отбывать

одиночное заключение в тухлой сосне!

— Не то слово, паршиво, — говорит 8Рукк.

— В дубе было бы хуже, — говорит Рыжий Койот. — У него древесина тверже.

— А кто найдет больше всех тюрем, ему будет приз? Победителю выдадут лишнюю сигаретку? — спрашивает Костыль.

III. Вот все актеры

20. Второе задание: узники и тюремщики

Сводные результаты учебной группы

Узник	*Тюрьма*	*Тюремщик*
Сикоракса	Остров	Правительство Алжира
Ариэль	Сосна	Сикоракса
Просперо и Миранда	Полусгнивший челнок	Антонио и Алонзо
Просперо и Миранда	Остров	Антонио и Алонзо
Калибан	Скала	Просперо
Фердинанд	Чары, оковы	Просперо
Антонио, Алонзо и Себастьян	Остров, чары, безумие	Просперо
Стефано и Тринкуло	Зловонное болото	Ариэль и духи-псы по приказу Просперо

21. Злая нечисть

Среда, 16 января 2013

Большими печатными буквами, красным маркером, Феликс переписывает на доску сводные результаты учебной группы.

— Вы хорошо поработали, — говорит он. — Вы нашли восемь… — Он делает паузу. — Восемь единичных примеров лишения свободы. — Пусть проникнутся фразой, думает он. И они проникаются: на этот раз никаких насмешливых замечаний. — Но есть еще и девятая тюрьма.

Озадаченные взгляды.

— Да ладно! — говорит 8Рукк, скептически щурясь.

Феликс ждет. Наблюдает, как они размышляют, подсчитывают.

— Вы нам скажете? — наконец спрашивает Маракас.

— Когда отыграем спектакль, — говорит Феликс. — Когда кончится наша забава. Если только кто-то не догадается раньше. — Вряд ли они догадаются, думает он. Но стопроцентной гарантии нет. Он ошибался и раньше. — Давайте погово-

рим о тюремщиках. Трое персонажей лишились свободы не по воле Просперо: Сикоракса, ее сослали на остров по приказу правителя Алжира; Ариэль, заключенный в сосне Сикораксой; и сам Просперо, изгнанный из Милана собственным братом Антонио при поддержке Алонзо. Сперва его бросили в море в прогнившем челне, а потом он оказался на острове. Четверо, если считать Миранду, но ей было три года, и другой жизни она не знала. Она выросла на острове и не считала его тюрьмой. И есть еще семеро персонажей, которые лишились свободы по воле Просперо. Похоже, он главный тюремщик в пьесе.

— И к тому же рабовладелец, — говорит Рыжий Койот.

— Он заставляет себе прислуживать. И не только Калибана. Ариэля тоже, — говорит 8Рукк. — Грозится запереть его в дубе, если тот будет ему перечить. Пожизненное одиночное заключение. Это бесчеловечно.

— Он заграбастал себе весь остров, — добавляет Рыжий Койот. — Паршивый белый захватчик. Странно, что он еще не учредил корпорацию «Просперо Лимитед». Нашел бы там нефть, стал бы ее продавать, обзавелся бы пулеметом, чтобы никто не смел сунуться к нему на остров.

— Ты прямо дьявольский коммунист, — говорит Змеиный Глаз.

— Умри, конопатая жаба, — говорит Рыжий Койот.

— Без наездов, ребята, — говорит Костыль. — Мы одна команда.

Приходится призывать их к порядку.

— Я знаю, что вам неприятен Просперо, — говорит Феликс. — И особенно из-за его отношения к Калибану. — Он обводит взглядом класс. Хмурые лица. Стиснутые зубы. Недвусмысленная враждебность к Просперо. — Но какие у него варианты?

— Варианты! — говорит Мачете. — Да нас не долбят… нас не волнуют его варианты, чума их разрази!

Все согласно кивают.

— Давайте дадим ему шанс и хотя бы послушаем про варианты, — говорит Гнутый Грифель. Ему нравится изображать из себя рассудительного человека.

— Посмотрим с такой точки зрения, — говорит Феликс. — Допустим, корабль с королем Алонзо, Антонио, Фердинандом и Гонзало не прошел вблизи острова. Просперо очень повезло, что их корабль оказался поблизости на обратном

пути со свадьбы дочери Алонзо. Как говорит сам Просперо, это был счастливый случай. Добрая Фортуна, его владычица, привела к нему его врагов. Но допустим, что этого не случилось. Корабль не появился. Просперо застрял на острове. Он заперт здесь, как в ловушке. С ним юная дочь и молодой, сильный мужчина, который пытается овладеть ею против ее воли. Хотя Просперо отнесся по-доброму к Калибану, когда тот был ребенком, повзрослевший Калибан восстал против него. Оружия на острове нет. Ни холодного, ни огнестрельного. В рукопашной схватке Калибан запросто прикончил бы Просперо. На самом деле он замышляет убийство и подговаривает на это Стефано и Тринкуло. У Просперо есть право на самозащиту, вы согласны?

Хмурые лица. Невнятное бормотание.

— Давайте проголосуем, — говорит Феликс. — Кто «за»?

Большинство рук пусть и нехотя, но поднимается. Рыжий Койот воздержался.

— Рыжий Койот? — обращается к нему Феликс. — Он не должен ни в чем ограничивать Калибана, даже с риском для собственной жизни?

— Он и не должен был там находиться вообще-

то, — говорит Рыжий Койот. — Это не его остров.

— Разве он там оказался по собственной воле? — говорит Феликс. — Он не захватчик. Он изгнанник, случайно попавший на остров. Его туда вынесли волны.

— Все равно он паршивый рабовладелец, — говорит Рыжий Койот.

— Он мог бы все время держать Калибана на цепи, — говорит Феликс. — Он мог бы его убить.

— Он сам говорит, Калибан ему необходим, чтобы делать всю черную работу, — говорит Рыжий Койот. — Приносить дрова, мыть посуду и все такое. И с Ариэлем все точно так же. Он принуждает его работать. Не отпускает его на свободу.

— Согласен, — говорит Феликс. — Но у него все-таки есть право на самозащиту, как и у каждого человека. И единственный способ себя защитить — это прибегнуть к магии, а магия действует лишь при условии, что Ариэль выполняет его поручения. Если ваше единственное оружие — держать Ариэля на колдовской привязи… на *временной* колдовской привязи… на месте Просперо вы поступили бы точно так же. Разве нет?

На этот раз все согласны, даже Рыжий Койот.

— Хорошо, — говорит Чудо-Мальчик, — но зачем было так изощряться над остальными? Сцена

с гарпией, сумасшествие. Он мог бы их просто убить и забрать их корабль. Оставил бы Калибана на острове и уплыл бы к себе в Милан. Для чего столько сложностей?

Потому что без сложностей не было бы и пьесы, думает Феликс. Или это была бы совершенно другая пьеса. Но если он хочет, чтобы персонажи оставались для них настоящими, этот трюк не прокатит.

— Я уверен, что он об этом задумывался, — говорит Феликс. — Наверняка ему очень хотелось вышибить им всем мозги. Да и кому бы не захотелось? После всего, что они с ним сотворили. — Все согласно кивают. — Но если он их убьет, может быть, он и вернет себе герцогство, но поскольку Антонио заключил союз с королем Алонзо, Милан перешел под управление Неаполя, и у того, кто унаследует неаполитанский престол, неизбежно возникнут вопросы. Вряд ли неаполитанцам понравится, что их король и его единственный сын бесследно исчезли при загадочных обстоятельствах, да и матросы молчать не будут. Новый король Неаполя либо снова отправит Просперо в изгнание, либо просто его убьет и назначит правителем Милана своего человека. Если Просперо окажет сопротивление, Неаполь пойдет на

Милан войной. Неаполь сильнее, армия у него больше. Вряд ли Милан устоит. Но у Просперо есть план получше.

— Фердинанд женится на Миранде, — говорит Гнутый Грифель. — Она становится королевой Неаполя, что скрепляет союз Неаполя и Милана. Мир на почетных условиях. Называется династический брак, — поясняет он остальным.

— Все правильно, — говорит Феликс. — Но Просперо не тиран: он не хочет принуждать дочь к замужеству в угоду своим политическим интересам, как это было с дочерью Алонзо. Он хочет, чтобы Миранда была счастлива в браке. Он хочет, чтобы юная пара — Фердинанд и Миранда — искренне полюбили друг друга. И он призывает свое волшебство, чтобы это устроить. По крайней мере, чтобы подтолкнуть их в нужном направлении.

Ученики молча кивают. Они одобряют такой подход.

— Я бы тоже не стал принуждать свою дочь, — говорит Костыль. — Отдать замуж насильно! Да чтобы меня жабы заели!

Феликс улыбается.

— Также Просперо нужно создать ситуацию, при которой Алонзо будет согласен на этот

брак, — говорит он. — В обычных условиях он был бы категорически против, потому что Неаполь — королевство, а Милан — всего лишь герцогство. Безусловно, Алонзо хотел, чтобы его сын Фердинанд женился на принцессе из большого, богатого королевства. Таким образом Неаполь укрепил бы свою власть. И Фердинанду пришлось бы жениться на той, кого одобрил бы его отец. Скорее всего, Алонзо сам выбрал бы сыну будущую жену.

— Такой был закон в те времена, — говорит Гнутый Грифель. — И ничего не поделаешь.

— Тухлый закон, — говорит ЗакраЛось.

— И Просперо подстраивает все так, чтобы Алонзо подумал, что Фердинанд утонул. А потом такой: *Все хорошо*, — говорит 8Рукк. — *Смотрите! Он жив!* Круто. Все счастливы.

— И король на радостях разрешил бы Фердинанду жениться хоть на лягушке, если тому стукнет в голову такая блажь, — говорит Змеиный Глаз.

— Вот именно, — говорит Феликс. — С одной стороны, мнимая смерть Фердинанда есть наказание для Алонзо. Это месть. Алонзо страдает. С другой стороны, это тонкий расчет.

— Одним выстрелом сразу двух зайцев, — говорит меннонит Крампус.

— Хитро́, — говорит Змеиный Глаз. — Неплохая афера.

— Вернемся к тому, с чего начали. Оправданны ли действия Просперо, если учесть, что вариантов у него немного? Давайте проголосуем еще раз, — говорит Феликс. — Кто «за»?

На этот раз все поднимают руки. Феликс мысленно с облегчением вздыхает. Просперо оправдан, по крайней мере на время.

— Значит, договорились. А теперь переходим к силовикам.

— К силовикам? — переспрашивает Гнутый Грифель.

— Всякая власть опирается на силовые структуры, — говорит Феликс. — Если остров — тюрьма, там должны быть надзиратели. Иначе все узники разбегутся.

Сочувственные кивки.

— В списке действующих лиц нет никаких надзирателей, — говорит Гнутый Грифель и открывает брошюру с текстом на нужной странице, чтобы свериться еще раз.

— В списке нет, в пьесе есть, — говорит Феликс. — Они мучают Калибана, когда он огрызается на Просперо и гонятся за Стефано и Тринкуло в образе призрачных псов.

— А разве это не Ариэль? — говорит 8Рукк. — Я думал, это он.

— Давайте сверимся с текстом. Ариэль ими командует, — говорит Феликс. — *Толпы духов. Злая нечисть.* Вот они, надзиратели. Кстати, у вас сокращенный текст. А в полной версии они отмечены в действующих лицах. Другие духи, покорные Просперо. Обычно их играют актеры, не занятые в данный момент на сцене. Надеваете маску и — оп! — превращаетесь в нечисть. Поэтому каждый из вас сыграет две роли: свою основную роль и роль злого духа. Они исполняют приказы Просперо, истязают его врагов и помогают ему осуществить месть. Они выполняют всю грязную работенку.

О да. Он уже видит, как это будет: Тони и Сэл в окружении злой нечисти. Гонимые, терзаемые, изрешеченные, как пчелиные соты. Воющие от ужаса. *Слышишь, как ревут?* — думает он про себя. *Пусть травят их жестоко. Час настал: / Мои враги — в моей отныне власти*[6]. Он обводит взглядом класс, доброжелательно улыбаясь.

— Круть, — говорит 8Рукк. — Я понял. Злая нечисть рулит.

---

[6] Примечания: 6
Диалог Ариэля и Просперо в IV акте пьесы «Буря».

22. Действующие лица и исполнители

Четверг, 17 января 2013

Анна-Мария еще не встречалась с классом. Она учила свою роль сама, вернее, освежала в памяти. Ее первое посещение Флетчерской исправительной колонии было назначено на пятницу, когда Феликс объявит о распределении ролей. Но сначала он пригласил ее пообедать. Ему хотелось ее подготовить, дать представление о том, с чем ей придется столкнуться. Например, кто будет ее Фердинандом? У нее есть право знать. Знать заранее.

Феликс сварил на завтрак яйцо и теперь ест его в одиночестве, тысячный раз перебирая в уме распределенные роли, Миранда снова скрылась в каком-то своем тайном месте и, как все девочки ее возраста, не торопится раскрывать свой секрет.

Это был непростой выбор. Сами актеры вполне недвусмысленно заявили о своих предпочтениях, но многолетний опыт подсказывал Феликсу, что предпочтения актеров можно не принимать во внимание. Какой прирожденный Ромео не меч-

тает сыграть Яго, и наоборот?

Как выбирать исполнителей: в соответствии с характером персонажа или вразрез? Уродцы в ролях, предполагающих красоту? Калибан в образе красавца мужчины? Дать им роли, которые заставят раскрыться их глубинный внутренний потенциал, или эти глубины лучше не трогать? Бросить вызов почтеннейшей публике, показав ей знакомые персонажи в неожиданном и, возможно, шокирующем обличье?

В прошлой жизни, когда Феликс работал на фестивале, он был известен как человек откровенно эпатажный. Теперь, уже задним числом, он соглашался, что иногда перебарщивал с оригинальностью. Сказать по правде, он перебарщивал *постоянно*; это был его фирменный стиль — доводить все до крайностей на грани скандала. А то и за гранью. Но сейчас не тот случай. Он даст им роли, которые им по силам: все-таки он режиссер, в первую очередь режиссер. Пьеса — прежде всего. Его дело — помочь актерам, чтобы они помогли ему осуществить постановку.

Он составил предварительный список действующих лиц и исполнителей. Прежде всего — для себя, но и для Анны-Марии тоже. Он покажет их только ей и никому больше. Эти сведения не

должны пойти дальше, он будет особо на этом настаивать. После его проникновенной речи на первом занятии — *Мне неинтересно, почему вы здесь оказались и в каких преступлениях вас обвиняют* — актерам вряд ли будет приятно узнать, что их преступления учтены и расписаны так подробно.

Он перечитывает свои записи:

Действующие лица и исполнители

ПРОСПЕРО, ЗАКОННЫЙ ГЕРЦОГ МИЛАНСКИЙ: мистер Герц, режиссер и продюсер.

МИРАНДА, ЕГО ДОЧЬ: Анна-Мария Гринленд, актриса, танцовщица, хореограф.

АРИЭЛЬ: 8Рукк. Худощавый, невысокого роста. Из семьи уроженцев Индии. Около двадцати трех. Очень умный. Прекрасно разбирается в компьютерах. Обширные познания в технической области. *Осужден*: взлом компьютерных систем, хищение персональных данных, имперсонация, подлог. Считает себя благородным разбойником: этакий вели-

кодушный Робин Гуд против злого короля Джона (собирательный образ капиталистов). Сообщники выдали его властям, когда он отказался взломать базу данных фонда помощи беженцам. Играл графа Риверса в «Ричарде III».

КАЛИБАН: Костыль. Около тридцати. Смешанное происхождение: ирландское и африканское. Рыжие волосы, веснушки. Крепкого телосложения, посещает тренажерный зал. Ветеран, воевал в Афганистане. Министерство по делам ветеранов отказалось оплачивать ему лечение посттравматического расстройства. *Осужден*: кража со взломом, разбойное нападение. Также был связан с незаконной торговлей наркотиками и спиртными напитками. Проходил курс лечения от наркозависимости, однако программа была закрыта. Играл Брута, вторую ведьму, Кларенса. Прекрасный актер, но обидчивый и раздражительный.

ФЕРДИНАНД, СЫН АЛОНЗО: Чудо-Мальчик. Выглядит на двадцать пять, возможно, старше. Скандинавское имя. Хорош

собой. Обаятельный, аккуратный, располагает к себе; умеет казаться искренним и внушать доверие. *Осужден*: мошенничество; продавал фальшивые полисы страхования жизни доверчивым пенсионерам. Особенно эффективно работал с мигрантами. Играл Макдуфа и лорда Гастингса в «Ричарде III».

АЛОНЗО, КОРОЛЬ НЕАПОЛИТАНСКИЙ: Крампус. Около сорока пяти. Из меннонитов. Длинное лошадиное лицо. Член меннонитской банды, перевозившей наркотики из Мексики в Канаду (через США) в сельскохозяйственном оборудовании. Под прикрытием кротости и благочестия. Депрессивная личность. Играл Банко в «Макбете», Брута в «ЮЦ».

СЕБАСТЬЯН, БРАТ АЛОНЗО: Жучила Фил. Из семьи вьетнамских беженцев; родители отказывали себе во всем, чтобы он выучился на врача. Около сорока. Считает, что осужден несправедливо. *Осужден*: непреднамеренное убийство в связи с гибелью трех студентов, умерших от передозировки сильнодействующим

обезболивающим препаратом, который он им выписывал неоднократно. Говорит, они умоляли его им помочь. Легко поддается влиянию. Играл Бекингема в «Ричарде III».

АДРИАН И ФРАНСИСКО, ВЕЛЬМОЖИ. *Примечание: Многие режиссеры убирают этих персонажей и раздают часть их реплик Гонзало или Себастьяну. Хороший план. Так и поступим.*

ГОНЗАЛО,
СТАРЫЙ ЧЕСТНЫЙ СОВЕТНИК ПРИ ДВОРЕ АЛОНЗО: Гнутый Грифель. Грузный, лысеющий. За пятьдесят. Из белых англосаксонских протестантов. Бухгалтер. *Осужден*: растрата казенных средств. Умный, интеллигентный, со склонностью к философии. Считает, что осужден несправедливо. Пользуется уважением у остальных. Они думают, что на свободе он сможет помочь им «обмануть систему». Играл Кассия в «Юлии Цезаре», Дункана в «Макбете».

АНТОНИО, УЗУРПАТОР МИЛАНСКОГО ПРЕСТОЛА, БРАТ ПРОСПЕРО: Змеиный

Глаз. Итальянского происхождения. Следит за собой, посещает тренажерный зал. Страдает косоглазием. Около тридцати пяти. Имеет диплом юриста, оказавшийся поддельным. *Осужден*: мошенничество с недвижимостью; подделывал документы и продавал собственность, ему не принадлежащую. Также управлял мелкой финансовой пирамидой. Убедителен, но только с теми, кого легко убедить. Держится так, словно ему все должны. Считает, что все вокруг – доверчивые дураки, а значит, заслуживают, чтобы их обдирали как липку. Играл Макбета и Ричарда III. Отменный злодей.

СТЕФАНО, ПЬЯНИЦА-ДВОРЕЦКИЙ: Рыжий Койот. Чуть за двадцать. Из коренных канадских индейцев. *Осужден*: незаконная торговля спиртными напитками, сбыт наркотиков. Не считает себя нарушителем закона, поскольку в самой правовой системе царит беззаконие. Играл Марка Антония в «Юлии Цезаре». Играл первую ведьму в «Макбете».

ТРИНКУЛО, ШУТ: Бублик. Наполовину

китайского происхождения. Круглолицый, бледный. Взял такой псевдоним, потому что, как сам говорит, у него в голове – пустота вроде дырки от бублика. Косит под дурачка, однако вовсе не глуп. Мастерский вор-карманник. *Осужден*: руководил бандой магазинных воров. Утверждает, что его к этому принудили. Прорицатель в «Юлии Цезаре», привратник в «Макбете». Прирожденный клоун.

РАССКАЗЧИК: У нас всегда есть рассказчик для изложения краткого содержания каждой сцены, чтобы зрители могли следить за сюжетом. Думаю, на эту роль подойдет Мачете. Уроженец Нью-Мексико. *Осужден*: разбойное нападение. Состоял в банде, занимавшейся грабежами. Легкий характер, хороший голос. Играл лорда Грея в «Ричарде III».

БОЦМАН: Маракас. Афроканадец. Музыкальный талант. Да, я в курсе насчет стереотипов. Хороший танцор. Не настолько хорош, как представляется ему самому, но неплох. *Осужден*: наркотики, вымогательство, разбойное нападение,

связь с преступными группировками. Из него вышел бы превосходный Калибан, но он нужен мне в ином качестве.

ИРИДА, ЦЕРЕРА, ЮНОНА: *Проблема*, написал Феликс. *Никто не согласится играть богинь. Впрочем, Просперо называет их марионетками. Возможно, используем марионеток? Или кукол с оцифрованными голосами? На видео должно получиться.*

Распределение ролей — это только полдела. Нужны еще техники по спецэффектам, суфлеры, дублеры. Бутафоры и костюмеры. Нужен фотограф для рекламных афиш; никакой рекламы, конечно, не будет, но ребятам нравится позировать в костюмах и гриме. Они уже решили, что поменяют некоторые музыкальные номера, кое-что уберут, что-то добавят. Значит, потребуются певцы и танцоры. Скорее всего, исполнители рэпа и брейка. Анна-Мария поможет им с хореографией.

Феликс уже набросал предварительный список, хотя все еще может перемениться, когда он увидит их в деле и поймет, кто на что способен.

Техническое обеспечение и массовка:

СПЕЦЭФФЕКТЫ: 8Рукк, главный техник; Чудо-Мальчик, Мачете, Маракас, Контакт.

РЕКВИЗИТ И КОСТЮМЫ: Задание каждому из актеров основного состава, с учетом предложений команды поддержки.

ФОТОПОРТРЕТЫ АКТЕРОВ: Чудо-Мальчик. Наметанный глаз на внешний шик.

ЗВУКОРЕЖИССЕРЫ: Костыль, Рыжий Койот, Бледнолицый Ли, Тефтель. 8Рукк займется звукомонтажом.

МУЗЫКАНТЫ: Костыль, Мачете, Маракас, Рыжий Койот, Полковник Гибель.

ХОР И ТАНЦОРЫ: Маракас, Костыль, Бублик, ЗакраЛось, Тефтель и незанятые члены труппы, по мере необходимости.

ХОРЕОГРАФИЯ: Анна-Мария Гринленд, Костыль, Маракас.

ГЛАВНЫЕ ДУХИ: Тефтель, Полковник Гибель, ЗакраЛось. *Осуждены*: умышлен-

ный поджог; вооруженное ограбление; хранение наркотиков. Начинающие актеры, которым есть чему поучиться у ветеранов. Двое из них работали вышибалами.

ПРОЧИЕ ДУХИ: Незанятые члены труппы, по мере необходимости.

Толпы духов. Злая нечисть, думает Феликс. Самое грозное оружие. Ядро его секретного проекта, костяк отмщения. Все зависит от нечисти. Как они будут одеты? Черные лыжные маски? Или они слишком похожи на балаклавы грабителей и террористов? Ну и пусть, думает он, так даже лучше: страх хорошо мотивирует. Хорошо — не то слово.

23. Чудесная Миранда

В тот же день

Феликс встречается с Анной-Марией в «Каштане и бесенке» в Мейкшавеге. Она уже не такая худющая, но все равно стройная. Жилистая. Вся напряженная, как натянутая струна. Полна энергии. Огромные глаза, открытое, сияющее лицо. Она как будто помолодела на десять лет. Она пришла в простой белой рубашке. По сложившейся театральной традиции Миранда всегда носит белое. В крайнем случае — бежевое.

Прекрасно, думает Феликс. Она вживается в роль. Еще немного, и она будет все время ходить босиком, даже зимой.

— Пиво? — спрашивает он. — Гамбургер и картофель фри?

— Думаю, я возьму салат с клюквой и грецким орехом. И зеленый чай, — говорит она. — Я почти не ем мяса.

Да, теперь это модно, думает Феликс: молодые девчонки почти не едят мяса. Его Миранда точно такая же. Они пьют коктейли с миндальным молоком. Едят киноа, семена льна. Свежие ягоды.

Тыкву и кабачки.

— Не переигрывай, — говорит он.

— В смысле?

— С чистотой и невинностью, — говорит он. — Салат из клюквы, и все такое.

Она смеется.

— Хорошо, я возьму пиво. И картофель фри к салату.

Себе Феликс заказывает гамбургер. Он давно не ел мяса. Интересно, думает он, была ли на острове белковая пища? Точно, рыба. Вот почему Калибан воняет рыбой! Он не только выкапывал коренья, разрывая землю длинными ногтями, но и ловил рыбу. *Нарву тебе ягод и рыбы наловлю*[7]. Почему Феликс раньше об этом не думал?

— Как продвигается роль? — интересуется он.

— Я помню все реплики, — отвечает она. — Они у меня в голове. Ждали своего часа. *Во тьме былого, в пропасти времен*. Моя соседка, с которой мы вместе снимаем комнату, слушает, как я читаю. Я помню все назубок.

— Я уже предвкушаю работу над нашей сценой, — говорит Феликс. — Которая *во тьме былого*. Да и над всей постановкой. Ты затмишь

---

[7] Примечания: 7

Отрывок из речи Калибана во II акте пьесы «Буря».

всех!

Она улыбается скорбной улыбкой.

— Да уж. Мой звездный час. Взлет театральной карьеры: сыграть Миранду в компании уголовников. Вы так говорите, как будто это настоящий спектакль.

— Он настоящий, — говорит Феликс. — Даже больше чем настоящий. Ты сама убедишься.

Еду приносят достаточно быстро, словно по волшебству. Разговор прерывается. Феликс и Анна-Мария едят, глядя каждый в свою тарелку. Когда Феликс чувствует, что настал подходящий момент, он говорит:

— Я составил список действующих лиц и исполнителей. Пока предварительный. Наверняка что-то еще поменяется. Хочу показать этот список тебе, чтобы ты знала заранее, с кем тебе предстоит работать. Я там добавил несколько комментариев. Специально для тебя.

Он передает ей листочки, скрепленные скрепкой. Она внимательно их изучает.

— Вы указали здесь их преступления, — говорит она с укоризной. — Я понимаю, зачем. Но разве это справедливо? Вы бы не стали так делать в обычной труппе. Вы говорили, что мы должны приходить в театр голыми. Без предубеждений

касательно друг друга.

— Обычные актеры прописаны в Википедии, — говорит он. — Их преступления — плохие отзывы. Достояние широкой общественности. Тем более это не преступления. Это статьи, по которым они осуждены. Они не преступники, а осужденные. Это разные вещи. Мы не знаем, что они сделали на самом деле и справедливо ли их осудили.

— Ладно, уговорили. Все честно. — Анна-Мария ведет пальцем по списку. — Разбойное нападение, растрата, мошенничество. Очень мило. Хорошо, что они не серийные убийцы, не насильники и не растлители малолетних.

— Убийц и насильников содержат в другом отделении, — говорит Феликс. — С особо строгим режимом. Для их собственной безопасности. Мои ребята этого не одобряют.

— Хорошо, — говорит Анна-Мария. — Значит, Калибан не будет пытаться меня изнасиловать на самом деле?

— И не надейся, — говорит Феликс. — Может, он бы и рад, но остальные ему не дадут. Один из них был бухгалтером, — он указывает на Гонзало. — А это твой Фердинанд.

— Мило, — говорит Миранда. — Чудо-Мальчик. Он сам выбрал себе псевдоним?

— Вряд ли, — говорит Феликс. — Но у него подходящее лицо. Как с рекламы лосьона после бритья пятидесятых годов. Честное слово.

Этой *рекламой пятидесятых годов* он выдал свой древний возраст, но Анна-Мария не стала над ним подшучивать.

— Значит, мошенник. Обкрадывал стариков, — говорит она. — Приятного мало.

— Никто не пострадал, — говорит Феликс в защиту своего актера. — Лично не пострадал. Он продавал старикам полисы страхования жизни, и у него получалось прекрасно. Они бы и не узнали, пока не умерли.

— Как вы сказали? — усмехается Анна-Мария.

— Ну, хорошо. Все раскрылось бы после смерти застрахованных лиц, но поскольку никто из пострадавших пока не умер, значит, никто и не пострадал. Насколько я знаю, его бывшая девушка, которую он бросил, сдала его полиции.

— И сколько их было? Брошенных девушек? — Она уже заявляет свои права собственности: на ненастоящего актера, играющего Фердинанда, на копию несуществующего обожателя.

— «Много женщин раньше мне нравились, — цитирует Феликс. — Но вы, Миранда, несравненны, бесподобны и сотканы из лучших совер-

шенств», помнишь?

— Еще бы! — Она снова смеется. На репетициях он попросит ее повторить этот смех, превратить ее самоиронию в смех радости и восторга.

— Он приятный собеседник и умеет расположить к себе, — говорит Феликс. — Некоторые из обманутых им стариков присутствовали на суде. Они просили о том, чтобы ему смягчили приговор. Просили дать ему второй шанс. Они его полюбили; относились к нему как к сыну. Если кто-то и сможет убедительно произнести эти цветистые любовные речи, так это он. Чудо-Мальчик.

— Вы пытаетесь мне на что-то намекнуть? — говорит Анна-Мария.

— Предупрежден — значит вооружен, — ответил Феликс. — Этот парень даже статую королевы Виктории уговорит снять панталоны. Вдруг он захочет, чтобы ты стала его подругой, ждала его из заключения, приносила ему передачи… кто знает? С ним лучше не связываться. Возможно, он уже женат. И даже на нескольких женщинах, — добавляет он для пущего эффекта.

— Вы думаете, что я сразу в него влюблюсь? — говорит Анна-Мария. — Думаете, я бросаюсь на первого встречного? — Она сидит, стиснув зубы.

— Ни в коем случае, — говорит Феликс. — Упаси боже. Но когда войдешь в роль, нужно быть начеку. Актеров, бывает, заносит. Даже таких крепких орешков, как ты.

— Вы сами уже вошли в роль, — улыбается Анна-Мария. — В образ чрезмерно заботливого отца, опекающего свою ненаглядную дочь. Но вы же знаете, как бывает с молоденькими девицами… как только на горизонте появится молодой, рьяный жеребец, обожаемый папенька сразу забыт. Виновата не я, виноваты хреновы гормоны.

— Я понял. Давай заключим перемирие, — говорит Феликс. — Ты отлично справляешься, только не надо ругаться матом. У нас никто не ругается, не забывай. И особенно Миранда.

— Хорошо, я попробую, — говорит Анна-Мария и продолжает просматривать список. — Смотрю, у вас будут песни и пляски.

— Весь восемнадцатый век «Бурю» ставили только на оперной сцене, — говорит Феликс. — Я представил ее как мюзикл. Так им будет понятнее. Мы поменяли некоторые музыкальные номера. У ребят были проблемы с феями, с песней о пчелке, сосущей нектар, и так далее.

— Ясно, — улыбается Анна-Мария.

— Я подумал, может быть, ты поможешь им

с хореографией? Дашь им несколько дельных советов?

— Может быть, — говорит она. — Как я понимаю, это совсем не балет. Мы посмотрим, что они могут и что из них можно выжать. — Феликс улыбается: ему нравится это «мы». — А что вы решили с сосущей пчелкой? Это будет решающий аргумент.

— Пока ничего не решили, — говорит Феликс. — Потом разберемся. Я разрешаю им переписывать реплики. В других постановках мы тоже так делали. Если речь персонажей кажется им слишком сложной, ее можно осовременить. Используя… э… нынешний разговорный вокабуляр.

— Разговорный вокабуляр, — повторяет за ним Анна-Мария. — В смысле, голимый сленг. Как же так, о мудрец?

— Это литературная часть курса, — говорит он, словно оправдываясь. — Письменные задания. К тому же если судить по дошедшим до нас текстам, актеры в шекспировских труппах наверняка где-то импровизировали.

— Вы всегда раздвигали границы, — говорит Анна-Мария. — А что с Иридой, Церерой и Юноной? Маскарад в сцене помолвки. Вообще странная сцена. Минимум действия. Одна сплош-

ная говорильня. Скучновато, на самом деле. Я вижу, вы думали о куклах.

— Никто не захочет играть богинь. Потом можно будет смонтировать…

— О каких именно куклах?

— Я надеялся, ты мне подскажешь, — говорит Феликс. — Я в этом полный профан. Взрослые куклы.

— В смысле, с сиськами?

— Ну, точно не пупсы и не животные. Есть какие-то соображения?

Его Миранда не продвинулась дальше плюшевых медвежат: куклы для Феликса — больная тема.

— Диснеевские принцессы, — сказала Анна-Мария тоном, не терпящим возражений. — Подойдут идеально.

— Диснеевские принцессы? Это какие?

— Ну как же. Белоснежка, Золушка, Спящая красавица, Жасмин из «Аладдина» в широких восточных штанах, Ариэль из «Русалочки», Покахонтас с кожаной бахромой… У меня в свое время был полный набор. Кроме Мериды из «Храброй сердцем». Она тогда еще не вышла.

Для Феликса это китайская грамота. Кто такая Мерида из «Храброй сердцем»?

— Ариэль не пойдет, — говорит он. — У нас уже есть Ариэль.

— Хорошо, я подумаю. Будет шикарно! Кому не захочется, чтобы на их помолвку пришли три диснеевские принцессы и одарили их благословением? И вдобавок еще и осыпали блестящими конфетти, — добавляет она с лукавой улыбкой. О пристрастии Феликса к блесткам знали все.

— Я непременно прислушаюсь к вашим советам. — Феликс галантно склоняет голову. — Мисс Само Совершенство.

— Лучше не тратьте свою обходительность на меня, — смеется она. — Приберегите ее для поклонников.

Но он получил что хотел: теперь они с ней союзники.

Но так ли это на самом деле? Может быть, ее глаза распахнуты так широко вовсе не от невинного простодушия. Может быть, это страх. На мгновение он видит Просперо глазами Миранды — ошеломленной Миранды, которая вдруг поняла, что ее обожаемый папенька — законченный маньяк и притом параноик. Он думает, что она спит, пока он беседует с кем-то невидимым. Но она слышит, как он обращается к пустоте, и ее это пугает. Он говорит, что повелевает толпою духов,

вызывает бури, вырывает с корнем деревья, поднимает мертвецов из могил, но что все это значит в реальной жизни? Старик явно тронулся головой. Бедная девочка застряла на острове посреди океана в компании сексуально озабоченного урода, который хочет ее изнасиловать, и пожилого отца, потерявшего разум. Неудивительно, что она бросается в объятия первого встречного парня, нормального с виду. *Забери меня отсюда!* — вот что она говорит Фердинанду на самом деле. Разве нет?

Нет, Феликс, нет, твердо говорит он себе. Просперо не сумасшедший. Ариэль существует. Его видит и слышит не только Просперо, другие тоже. Магия действует по-настоящему. Вот из этого и исходи. Доверься пьесе.

Но можно ли ей доверять?

24. Дойдем мы до сегодняшнего дня

Пятница, 18 января 2013

В салоне печати в Уилмоте Феликс делает копии своего сокращенного списка — только действующие лица и имена исполнителей, без комментариев и описаний, — чтобы раздать их актерам. Потом едет в Мейкшавег и забирает Анну-Марию от дома, который она снимает вместе с еще тремя девушками. Он отдает ей пропуск во Флетчерскую колонию, добытый Эстель обходными путями, и она едет следом за ним на своей машине, серебристом стареньком «Форде». Они проезжают ворота и заруливают на стоянку.

Анна-Мария выходит из машины, осторожно ступая на лед. Феликс раздумывает, надо ли подать ей руку? Нет, лучше не надо, а то можно нарваться на очередное язвительное замечание. Она смотрит на сетчатое ограждение с колючей проволокой наверху, на вышки с прожекторами.

— Мрачное место, — говорит она.

— Да, это тюрьма, — отвечает он. — Хотя «не из

решетки или стен темница состоит»[8]. Но они создают ощущение запертой клетки.

— Это из какой пьесы? — спрашивает Анна-Мария.

— Не из пьесы, — говорит он. — Из стихотворения. Человек, который его написал, сам сидел в тюрьме. Выбрал не ту партию в политическом конфликте. В «Буре» говорится: «Ведь мысль свободна», — но, к сожалению, только в песне, исполняемой тремя глупцами.

— Как все беспросветно, — говорит Анна-Мария. — У вас нет настроения? Зима вас доконала? Холодные долгие ночи навевают тоску?

— Нам туда, — говорит Феликс. — К главному входу. Осторожней. Здесь скользко.

— Это Анна-Мария Гринленд, — говорит он Мэдисону и Дилану на проходной. — Знаменитая актриса, — врет он не краснея. — Мисс Гринленд любезно согласилась поучаствовать в нашей любительской постановке. Она поможет нам со спектаклем. У нее есть пропуск.

— Очень приятно, — говорит Дилан Анне-Марии. — Если вдруг будут проблемы, зовите нас.

— Спасибо, — резко отвечает Анна-Мария, явно

---

[8] Примечания: 8
Из стихотворения Ричарда Лавлейса «К Алтее из тюрьмы».

давая понять, что она в состоянии сама о себе позаботиться.

— Вот ваш охранный пейджер, — говорит ей Мэдисон. — Надо просто нажать на кнопку. Позвольте, я прикреплю…

— Я поняла, — говорит Анна-Мария. — Я сама прикреплю.

— Положите, пожалуйста, сумку на ленту и пройдите под рамкой. Что у вас в сумке? Что-то острое?

— Вязальные спицы, — говорит Анна-Мария.

Феликс ошеломлен. В его представлении вязание и Анна-Мария — вещи несовместимые. Но Дилан и Мэдисон снисходительно улыбаются: женские штучки.

— Прошу прощения, мэм, но спицы придется оставить здесь, — говорит Дилан.

— О господи, — говорит Анна-Мария. — Я что, завяжу кого-нибудь до смерти?

— Эти спицы могут быть использованы против вас, — терпеливо объясняет Мэдисон. — Любой острый предмет. Вы не поверите, мэм. Это опасные люди. Ваша сумка будет здесь в целости и сохранности. Заберете ее на обратном пути.

— Хорошо, — говорит Анна-Мария. — Только не трогайте пряжу.

Они улыбаются ее словам или, может быть, улыбаются ей самой. Вполне очевидно, она им нравится. Почему бы и нет? — думает Феликс. Несмотря на ее резкий тон, она для них — лучик света в потемках. Хоть какое-то разнообразие в череде монотонных будней.

Феликс ведет ее по коридору, объясняя назначение пустых помещений.

— Мы их используем для постановки. Плюс еще две демонстрационные камеры. Это у нас съемочные павильоны. Гримерные, комнаты для репетиций, — говорит он.

— Хорошо, — отвечает она. — Мне нужна комната для репетиций. Для танцевальных номеров.

Актеры уже сидят в классе. Феликс представляет им Анну-Марию. Она сняла пальто еще в коридоре: одета скромно, консервативно. Белая блузка, черные брюки, черная вязаная кофта. Светлые волосы собраны в пучок на затылке; в каждом ухе — по одной сережке. Она уклончиво улыбается в направлении дальней стены и садится за парту в первом ряду, на которую ей указал Феликс. Прямая спина, голова чуть приподнята, плечи расправлены. Осанка профессиональной танцовщицы.

— Мисс Гринленд пока просто посидит на заня-

тии, — говорит Феликс. — Познакомится с вами. Она присоединится к нам позже, когда мы начнем репетировать.

Мертвая тишина. Мужчины, сидящие с обеих сторон, стараются не таращиться на нее слишком явно: их глаза скошены вбок. Сидящие сзади смотрят как завороженные, хотя им видна только ее спина. Будь начеку, говорит себе Феликс. Присматривай за ней. Не думай, что ты их знаешь. Вспомни себя в этом возрасте. Сейчас ты уже затухающий уголек, но ты не всегда был таким.

— Переходим к распределению ролей, — говорит он как ни в чем не бывало. Как будто это обычный урок. — Я режиссер, и последнее слово за мной. Может быть, вы получите не те роли, какие хотите, но такова жизнь. Никаких возражений не принимается. Никакого давления, никаких уговоров. Театр не республика. Это монархия.

— Кажется, вы говорили, что мы команда, — угрюмо произносит ЗакраЛось.

— Да, вы команда, — говорит Феликс. — Но я режиссер, а режиссер — царь и бог. Мое решение окончательное и обжалованию не подлежит. Опытные актеры об этом знают, да?

Ветераны молча кивают.

Феликс раздает списки действующих лиц и исполнителей.

Сдержанный ропот.

— Вы хотите, чтобы я сыграл пьяного индейца, — говорит Рыжий Койот, которому досталась роль Стефано.

— Нет, — говорит Феликс. — Я хочу, чтобы вы сыграли пьяного белого человека.

— Ура! Я шут, — говорит Бублик. — Как раз для меня!

— Фердинанд, — говорит Чудо-Мальчик. — Я согласен. — Он улыбается в спину Анны-Марии, демонстрируя идеальные белоснежные зубы.

— А я не согласен, — говорит меннонит Крампус. — Не хочу быть королем. Он только ноет и стонет. Я хочу быть Калибаном.

— Я знаю, что многие хотели сыграть Калибана, — говорит Феликс. — Но место только одно.

— Калибан должен быть из коренных народов, — говорит Рыжий Койот. — Это же ясно. У него отобрали родную землю.

— Еще чего! — говорит Маракас. — Он африканец. Алжир у нас где? В Северной Африке, так? У него мать из Алжира. Посмотри на карте, безмозглый волдырь.

— Значит, он мусульманин? Как-то оно криво-

боко выходит. — ЗакраЛось, еще один претендент на Калибана.

— Но уж точно не тухлая, провонявшая рыбой белая шваль, — говорит Мачете, свирепо уставившись на Костыля. — Пусть даже белая наполовину.

— Все, роль забита, — говорит Костыль. — Вы слышали, что он сказал, наглые горлодеры. Так что сосите все.

— Минус балл, ты ругнулся, — говорит Маракас.

— «Сосать» не ругательство, — отвечает Костыль. — Просто обидное слово. Все это знают, и чтоб вас оспа схватила за горло!

Анна-Мария смеется.

— Следующее задание: подробный разбор каждой сцены. Что происходит, как это сыграть, какова главная мысль? — Феликс подошел к делу со всей ответственностью и включил в каждую команду как минимум одного опытного актера, чтобы они наставляли новеньких. По крайней мере, так это виделось ему самому.

Актеры расходятся по разным комнатам. Анна-Мария встает, потягивается, отводит ногу назад и сгибает ее в колене под прямым углом.

— Кажется, они не такие уж плохие, — говорит

она.

— Разве я говорил, что они плохие? — отвечает Феликс.

— Прямо так не говорили, но… — Наверное, она вспоминает, за что их осудили.

— Ты не передумала с нами работать? — спрашивает Феликс.

— Конечно нет, — говорит она, но ее голос звучит неуверенно. — Что мне сейчас делать? Где мой любезный Фердинанд? Нам не пора репетировать любовь-морковь?

— Он уже бьет копытом, но сегодня мы не репетируем, — говорит Феликс. — Им нужно вжиться в роль, кое-что для себя прояснить. Войти в образ. Потом мы поставим все сцены отдельно. Не по порядку. Мы их снимаем на видео и монтируем фильм. Съемки начнутся, когда они будут готовы. И когда у нас будут костюмы, декорации и все прочее. Но мы с тобой можем пройти нашу сцену — акт первый, сцена вторая — прямо сейчас, если хочешь.

И вот Миранда рыдает и умоляет, Просперо ее утешает и ободряет, а потом рассказывает историю своего изгнания. Как только он переходит к фрагменту о предательстве брата Антонио, в дверях появляется 8Рукк.

— С кем мне репетировать? — говорит он. — Фердинанд тренируется сидеть с удрученным лицом на берегу, и тут я должен войти и увлечь его музыкой, но мы еще не подобрали музыку. В любом случае моя первая речь — в сцене с вами, мистер Герц.

— Да, мой Ариэль, — говорит Феликс. — Я хотел обсудить с вами некоторые технические вопросы. Мы пока сделаем перерыв, — говорит он Анне-Марии. — Можешь пока посмотреть, чем заняты ребята.

— Что-то готовим, да? — она улыбается 8Рукку. — Замышляем иллюзии? Вы осторожнее со старым волшебником. Он вас зачарует по самые уши.

— Поздно, — 8Рукк с улыбается ей в ответ. — Уже зачаровал.

Феликс ждет, пока Анна-Мария не выйдет за дверь.

— Вы хорошо разбираетесь в электронных системах слежения? — спрашивает он, понизив голос.

8Рукк улыбается.

— Нет системы, которую я не сумею взломать, — говорит он. — Если будут нужные инструменты. Вы что-то задумали?

— Я хочу видеть, оставаясь невидимым, — говорит Феликс. — Во всех комнатах в нашем крыле. И в коридоре.

— Мистер Герц и все секретные службы планеты, — говорит 8Рукк. — Я составлю вам список, что надо купить. Принесете мне все, что нужно, — и считайте, что дело сделано.

— Если у вас все получится, как я задумал, — говорит Феликс, — я сумею добиться, чтобы вас освободили досрочно.

— Правда? — говорит 8Рукк. — Я уже подал прошение. Но это дело не быстрое. Как вы все провернете?

— Знакомства и связи, — говорит Феликс загадочно.

Высокопоставленные враги, думает про себя.

25. Злой братец Антонио

Среда, 6 февраля 2013

Время летит, и его остается все меньше и меньше. Всего пять недель до часа «Ч», когда ненавидимые им сановники войдут в его царство, и его план — пока только зародыш — расцветет пышным цветом. Предвкушение обостряет ум Феликса, зажигает его глаза, создает напряжение в мышцах. Полная боевая готовность.

Тони с Сэлом все ближе и ближе. Они посещают банкеты и гала-концерты, раздают интервью, словно швыряют розы в толпу, устраивают себе фотосессии, где бы ни оказались. Он следит за ними в Сети, как паук за бабочками, рыщет в поисках информации об этих двоих. Не подозревая о соглядатае, они беззаботно идут по жизни и даже не вспоминают о Феликсе Филлипсе — о жалком изгнаннике, жертве несправедливости, что ждет в засаде и готовит отмщение. Да, прошло много лет, но месть — это блюдо, которое подают холодным, напоминает себе Феликс.

Он считает дни, считает оставшиеся часы. Они приезжают во Флетчерскую исправительную

колонию в середине марта. Приезжают на представление.

Но представление еще не готово. По сути, они еще даже не приступили. Феликс горит нетерпением — горит в прямом смысле слова. Что нужно сделать, чтобы ускорить процесс: отснять все сцены, смонтировать фильм, отшлифовать эпизоды? Чтобы успеть к назначенному сроку.

Злая нечисть сговорилась против него. Два мелких духа отказались участвовать в постановке, хотя одного Феликс все-таки уговорил остаться. Еще один дух загремел в лазарет с какой-то загадочной раной, предположительно нанесенной пилочкой для ногтей. Старые разборки, объяснил Костыль. «Никак не связано с нашим спектаклем». На репетициях были трения с переходом на личности. Пару раз доходило до драки, когда Феликса не было рядом. Все могло развалиться в любой момент; с другой стороны, то же самое он говорил о любой другой пьесе, которую ставил.

Они успели отснять только несколько черновых сцен: все очень сыро. Феликс заказал синтезатор в пункте проката, но его все никак не доставят. А как им записывать музыку без синтезатора? — вопрошают актеры, и вполне справедливо. Они хотят, чтобы им дали доступ в

интернет. Чтобы скачивать музыку. Но это уже чересчур: даже Эстель тут бессильна. Руководство высказывает обычные возражения. Заключенные наверняка злоупотребят доверием, будут смотреть порно и строить планы побега. И бесполезно их убеждать, что заключенные настолько увлечены постановкой, что им сейчас не до побега: никто не поверит. К тому же Феликс может ошибаться. Он старается изо всех сил. Скачивает музыку дома, приносит в класс на флешке, но нет, нет… его просили найти совершенно другую версию, говорят актеры и закатывают глаза. Он что, не в курсе, что «Манкис» — полный отстой?

Куда ни глянь — сплошное разочарование. У Чудо-Мальчика с Анной-Марией вышла заминка. Первая репетиция прошла превосходно, а на второй наступила тоска: Чудо-Мальчик как будто сдулся. Просто тупо начитывал текст. Без души.

— Что случилось? — спросил Феликс у Анны-Марии, когда они пили кофе в четверг.

— Он сделал мне предложение, — сказала Анна-Мария.

— Так и положено по сценарию, — сказал Феликс, сохраняя нейтралитет.

— Нет, в смысле, сделал мне предложение по-настоящему, — сказала Анна-Мария. — Сказал,

что влюбился с первого взгляда. Я сказала, что это лишь пьеса. Не настоящая жизнь.

— И что потом? — спросил Феликс. Она вертела ложку в руке: он знал, что это еще не все.

— Он полез обниматься. Попытался поцеловать в губы.

— И?

— Я не хотела его покалечить, — сказала Анна-Мария.

— Но все равно покалечила?

— Только временно, — сказала она. — Скорее ранила его чувства, чем все остальное. Он немного покорчился на полу, но потом очень быстро поднялся на ноги. Я извинилась.

Что объясняет отсутствие пыла и страсти, подумал Феликс.

— Я с ним поговорю, — сказал он.

— Не надо, — сказала она. — Он еще больше зажмется.

Даже его Ариэль, 8Рукк, дает сбой. На их второй репетиции акта первого сцены второй он выдал в самом начале речи: «Привет, могучий властелин! Привет, мудец!» — и смущенно захихикал над своей оговоркой по Фрейду.

Они потешаются у него за спиной, втихаря обзывают его и Просперо оскорбительными име-

нами, изгаляются над пьесой как могут — это нормально, — но уж 8Рукк мог бы быть посерьезнее. Ему не следует забывать, кто он такой. Помимо собственно роли у Ариэля есть еще много забот — он тайный помощник Просперо, посвященный во все секреты, — легкомыслие здесь неуместно. 8Рукку надо бы образумиться.

Неужели на этом этапе всегда возникают такие сложности? — спрашивает себя Феликс. Да, всегда. Нет, не всегда. В этот раз все сложнее. Очень многое поставлено на карту.

Еще четырнадцать занятий, и наступит великий день. А они еще даже не определились с костюмами и недоучили роли. Постоянно сбиваются, мямлят, глотают слова.

— Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали, — напоминает он им. — Четче! Артикулируйте четче! У вас каша во рту! В парус бриг впряг бриз близ берега! Давайте еще раз!

Если бы это была постановка в профессиональном театре, как в старые добрые времена, Феликс уже орал бы на них благим матом, обзывал бы их бездарями и недоумками, требовал, чтобы они выкладывались по полной, входили в образ, доводили эмоции до предела — и за пределы, — шли к идеалу через боль и кровь. Но у него особенный

контингент. У каждого — уязвимое эго. Кое-кто посещает психолога, курсы управления гневом, и если он будет на них орать, то подаст нехороший пример. Многие склонны к депрессии. Стоит чуть подтолкнуть, и они сразу сломаются. Бросят все к черту, даже исполнители главных ролей. Просто откажутся выступать. Такое уже случалось.

— Вы талантливые ребята, — говорит он им. Они пожимают плечами. Пассивное сопротивление. — Вы способны на большее! — Что ему делать? Угрожать им тюрьмой? Ничего не получится. Они уже в тюрьме. У него нет никаких рычагов давления.

Где взять энергию? Как зажечь искру, которая разожжет эту кучу сырой древесины? Что я делаю не так? — изводит себя Феликс.

Он настоял на нормальном кофе, на молотом кофе, а не растворимой бурде. Феликс сам покупает кофе в зернах, просит, чтобы его смололи прямо в магазине, и приносит на занятия, не забывая делиться с Диланом и Мэдисоном. Сегодня, во время первого перерыва на кофе, к нему подходит Змеиный Глаз. Анна-Мария маячит у него за спиной, изображая команду поддержки. Она одета в свой обычный танцевальный костюм для репетиций: вязаные гетры, бирюзовые

спортивные штаны, черная футболка с длинными рукавами. Феликс замечает, что на ней не простые туфли, а с металлическими набойками. Значит, будет степ.

— Мы тут придумали одну штуку, — говорит Змеиный Глаз. — Моя команда. Команда Антонио.

— Я слушаю, — говорит Феликс.

— Помните сцену, в которой вы… то есть Просперо рассказывает историю, как они оказались на острове? Рассказывает Миранде. Как его брат…

— Акт первый, сцена вторая, — говорит Феликс.

— Да, она.

— И что с ней? — спрашивает Феликс.

— Она слишком длинная, — отвечает Змеиный Глаз. — И занудная. Даже Миранде становится скучно, и она чуть не засыпает.

Он прав, думает Феликс. Эта сцена была испытанием для всех актеров, игравших Просперо: как отыграть сцену вторую из первого акта, чтобы зрители не заснули на скорбной истории Просперо. Сцена слишком статична.

— Но зрители должны знать, что случилось с Просперо, — говорит он. — Иначе они не поймут

сюжет. Чтобы понять, почему он жаждет мести, они должны знать, от чего он пострадал.

— Да, это понятно, — говорит Змеиный Глаз. — Но мы подумали, пусть это будет воспоминание.

— Это и есть воспоминание, — говорит Феликс.

— Да, но вы сами нам говорите: больше действия, больше энергии.

— Да, — говорит Феликс. — И?

— Так вот, можно сделать воспоминание, но рассказывать будет Антонио. Мы подготовились. Мы репетировали.

Ха. Он меня отодвигает, думает Феликс. Буквально отпихивает локтем. Хочет больше внимания к своей роли. Вполне в духе Антонио. Но ведь он их к тому и призывает? Вживайтесь в роль. Переосмысливайте. Перефразируйте, если нужно.

— Отлично. Давайте посмотрим, — говорит он.

— Ребята выступят на подпевках, — говорит Змеиный Глаз. — Команда Антонио. Мы назвали наш номер «Злой братец Антонио».

— Хорошо, — говорит Феликс. — Показывайте, что у вас.

— Не забывайте считать, — говорит Анна-Мария, когда они занимают позиции. Змеиный Глаз впереди. Его дублеры — у него за спиной: Жучила Фил, ЗакраЛось и — невероятно! — меннонит

Крампус. Если Анне-Марии удастся выжать из Крампуса хоть что-то похожее на танец, это будет настоящее чудо.

— Я весь внимание, — говорит Феликс.

— На счет «три», — говорит Анна-Мария. Она считает: *Раз-два-три*, — хлопает в ладоши, и представление начинается.

Змеиный Глаз входит в образ Антонио: самодовольный, надменный, безжалостный. Он весь раздувается, потирает руки, смотрит, прищурив свой кривой левый глаз, ухмыляется перекошенным ртом. Будь у него усы, он бы их подкрутил. Стоит с важным видом, замышляет братоубийство. Его команда задает ритм: они топают, хлопают, щелкают пальцами, сопровождая все это дыхательными звуками.

У них хорошо получается. Намного лучше, чем ожидал Феликс. За это надо благодарить Анну-Марию? Или они сами учились по музыкальным клипам? Возможно, и то и другое. *Топ-топ хлоп, топ-топ хлоп, хлоп-хлоп топ-топ щелк* — дублеры держат ритм. Вступает Змеиный Глаз:

Я герцог миланский – и всем лежать.
Я здесь босс, и меня следует уважать.
Было так не всегда.

Я был просто Антонио, да.
Вечно младшенький, вечно второй,
И никто никогда не считался со мной.
Как меня это бесило – не передать.
Но я улыбался. Я решил подождать.

Это Просперо, мой братец,
Вот кто был босс настоящий.

Он был герцог, был герцог, был герцог миланский.
Ооо-ха! Ооо-ха! Топ хлоп, хлоп топ, щелк-щелк топ.

Но он был дурак. С дурака мало спроса.
Не видел, что происходит у него под носом.
Сидит, носом в книги уткнется,
Его позовешь – даже не обернется.
Погрязает в своем учении,
А дела государственные в небрежении.
Я ему говорю: «Брат, ты проснись,
Ты тут, типа, герцог, вот и займись
Своими герцогскими делами,
Не сиди взаперти целыми днями.

Оденься приличней. Затей, что ли, войну.

Кто тут у нас главный босс, не пойму?»

Но он завис в своих книгах, типа, он крутой маг,

Палкой волшебной махал, как дурак.

И пока он свои заклинания пыхтел,

Я тихой сапой взял, что хотел.

Он сам виноват – сам толкнул меня на преступление.

Как устоять перед таким искушением?

Если тебе твое герцогство до фонаря,

Так отдай его брату. А брат – это я.

И пусть прослыву я коварным и злым,

Зато весь Милан будет моим.

Ооо-ха! Ооо-ха! Топ хлоп, хлоп топ, щелк-щелк топ.

И я пошел к королю. К королю неаполитанскому.

Он хотел контролировать герцогство

наше миланское.
В общем, мы договорились:
Я с его помощью престол получаю –
И правлю потом под его началом.
И вот мы схватили
Моего бро,
Про-спе-ро.
Стражникам заплатили,
чтобы они не ввязывались в это дело,
чтобы не защищали Просперо.

Мы его посадили в гнилую лодчонку
Вместе с его драгоценной девчонкой.
И отправили в море, не моргнув глазом.
От обоих избавились разом.
Народу сказали, их герцог что-то закис
И поехал развлечься в морской круиз.
А когда не вернулся – о горе! –
Все решили, что он утоп в море.

Ооо-ха! Ооо-ха! Топ хлоп, хлоп топ, щелк-щелк топ.

Все! Нет больше Просперо.

Сгинул в пучине. А мне что за дело?

Кто-то скажет: «Какая жалость!»

А я скажу: «Зато герцогство мне досталось.

Теперь все пойдет по моей указке.

Я герцог, я герцог, я герцог миланский».

Да!

Он герцог, он герцог, он герцог миланский.

Топ-топ топ, топ-топ топ, топ-топ топ-топ топ!

Хлоп хлоп. Ха!

На финальном «Ха!» они все смотрят на Феликса. Он знает этот взгляд. *Люби меня, не отвергай меня, скажи, что я самый лучший!*

— Как вам? — спрашивает Змеиный Глаз. Он уже вышел из образа надменного аристократа. Он тяжело дышит.

— Что-то в этом есть, — говорит Феликс, который с радостью придушил бы Змеиного Глаза. Он украл у него целую сцену! Но Феликс держит себя в руках: это их представление, говорит он себе.

— Что-то есть?! Да ладно! Шикарный номер! —

говорит Анна-Мария, наблюдавшая за выступлением из дальнего угла. — Кратко и по существу. То, что надо!

— И подтанцовка на высоте, — говорит Феликс.

— Я для того и нужна, — улыбается Анна-Мария. — Приношу пользу. Оказываю посильную помощь. Таскать бревна, ставить хореографию, все, что угодно.

— Спасибо, — говорит Феликс.

— Ревнуете, мистер Герц? — лукаво шепчет Анна-Мария. Она видит его насквозь. — Увели из-под носа целую сцену, да?

— Не язви, — шепчет он в ответ.

— А еще мы подумали, — говорит Змеиный Глаз, — что, когда он рассказывает Миранде про лодку… прогнившую лодку, в которую их посадили… можно ее показать на видео, и когда он произносит… в смысле, вы произносите… когда они переходят к той части, когда Миранда ему говорит, что была для него обузой, трехлетний ребенок в дырявой лодке посреди океана, и он говорит, что она была ангелом, который его спас? Херувимом. Вот эта часть.

— Да, я помню, — говорит Феликс. Его сердце сжимается в тугой комок.

— У кого-то из наших ребят есть детишки, — говорит Змеиный Глаз. — И есть их фотографии. Тут разрешается иметь фотографии семьи, ну, у кого она есть. Можно снять лодку на видео… взять, типа, игрушечный кораблик. Как он качается на волнах. Темно, дует ветер, море бушует. Дело происходит ночью, и на небе вдруг появляются фотографии их детишек. Парни именно так и чувствуют. Дети, как ангелы, которые их спасают. Помогают пережить трудные времена.

Разве мог Феликс им отказать?

— Давайте попробуем, — говорит он.

— 8Рукк говорит, он легко вставит фотки, — продолжает Змеиный Глаз. — В смысле, в видео. Говорит, можно сделать, чтобы они мерцали, как звезды. Одна за другой.

— Хорошая мысль, — говорит Феликс. В горле встает комок. На глаза наворачиваются слезы. Старый сентиментальный дурак!

Осторожнее, говорит он себе. Не раскисай. У Просперо всегда все под контролем. Более или менее.

Змеиный Глаз хочет что-то добавить: он смущенно переминается с ноги на ногу. Давай, выкладывай, думает про себя Феликс. Стреляй с двух стволов. Добей меня.

— Мы подумали, может быть, вы захотите внести что-то свое, мистер Герц, — застенчиво произносит Змеиный Глаз. — Если у вас есть фотография, которая вам особенно дорога. Можно тоже поставить ее на небо. Вроде как камео от режиссера. Ребята не против. Наоборот.

Его потерянная Миранда, трехлетний ангел, на качелях, на фоне синего неба, в серебряной рамке. Заливается радостным смехом. *Была ты херувимом, что спас меня*.

— Нет, — Феликс почти кричит. — Нет, у меня нет ничего подходящего! Но все равно спасибо. Прошу прощения.

Конечно, они не специально. Они не хотели его задеть. Они не могут ничего знать. О нем, о его больной совести, о самобичевании, о неизбывной печали.

Спотыкаясь, хватая ртом воздух, он идет в демонстрационную камеру пятидесятых и тяжело оседает на нижнюю койку. Колючее серое одеяло. Руки сложены на коленях, голова склонилась на грудь. Затерянный в море, брошенный на волю волн. В полусгнившем челне, с которого сбежали даже крысы.

26. При помощи особого механизма

Суббота, 9 февраля 2013

Настроение меняется. Все постепенно налаживается. Когда с головой уходишь в заботы, это всегда помогает.

В субботу Феликс едет в Торонто за костюмами и реквизитом. Он едет на поезде, оставляет машину на привокзальной стоянке в Мейкшавеге. Ему страшно представить, сколько в Торонто будет машин. Страшно представить все мытарства, связанные с поиском места, где припарковаться. Он отвык от городских толп.

Актеры составили общий список, что нужно купить. Феликс им ничего не обещал, но сказал, что постарается найти все. Анна-Мария добавила в список три куклы: трех диснеевских принцесс. Сказала, что их можно было бы заказать в интернет-магазине, но она и так превысила лимит по кредитной карте.

Сойдя с поезда на Центральном вокзале, Феликс отправляется на поиски. Анна-Мария составила ему карту, на которой отметила несколько магазинов, где можно купить то, что нужно.

Первым делом он едет в магазин игрушек в паре станций метро от вокзала. Его уже не пугают такие магазины: Миранда вышла из возраста детских игрушек. Он проходит мимо витрины, туда и обратно: внутри только пластик, только картон. Конечно, он сможет туда зайти.

Феликс делает глубокий вдох и входит внутрь. В это царство неисполнившихся желаний, в мир несбывшихся надежд. Такой красочный, яркий, недостижимый. Сердце сжимается в тугой комок, но он заставляет себя держаться.

Он идет в отдел пляжных игрушек. Глаза разбегаются. Феликс не знает, куда смотреть. Он стоит в полной растерянности. К нему подходит молоденькая продавщица.

— Я могу вам помочь? — спрашивает она.

— Да, пожалуйста, — говорит Феликс. — Мне нужно две лодки. Одну маленькую, вроде шлюпки. Вторую — побольше. Может быть, с мачтой и парусом.

Нет, ему не нужны модели кораблей. Нужно что-то, что будет держаться на воде. Игрушки для ванны или…

— А, — улыбается девушка. — Для внуков?

— Не совсем, — говорит Феликс. — Скорее для племянниц.

Вместе они выбирают лодки. На маленькую можно налепить заплаты. Большая будет отлично смотреться в буре.

— Что-нибудь еще? — спрашивает продавщица. — Возможно, вас заинтересуют плавательные средства для малышей? Нарукавники. Мы как раз получили модель в виде бабочек. Девочкам нравится. И лапшу тоже очень хорошо берут. Плавательную лапшу, — добавляет она, поймав его непонимающий взгляд.

— А у вас есть… э… диснеевские принцессы?

— О да, — говорит продавщица со смехом. — Несть им числа. — Наверное, она окончила исторический факультет. Кто еще скажет *несть им числа*? — Пойдемте, я вам покажу.

Кажется, она находит его забавным. Это хорошо, говорит он себе. Смешной старый чудак в данном случае — выигрышное амплуа.

— Вы мне поможете выбрать? — просит он, изображая полную беспомощность. — Мне нужно три куклы.

— Как повезло вашим племянницам! — говорит она, иронически выгнув бровь. — Вам нужны какие-то конкретные принцессы?

Феликс сверяется со своим списком.

— Белоснежка, — читает он. — Жасмин. Пока-

хонтас.

— Ого! — говорит продавщица. — Да вы знающий человек! Хорошо разбираетесь во вкусах девчонок. Наверняка у вас есть и дочки, не только племянницы.

Феликс морщится. Мой ад везде, думает он, и я навеки в нем. Чтоб ей провалиться, Анне-Марии. Надо было взять ее с собой. Пусть бы сама покупала этих чертовых кукол. Расплатившись за все покупки, он просит, чтобы будущих богинь вынули из коробок, завернули в бумагу и сложили в один пакет. Может быть, это для них унизительно, но их апофеоз впереди.

Он выходит из магазина с двумя пакетами и направляется на Янг-стрит, где Анна-Мария нашла магазин карнавальных костюмов, розыгрышей и приколов. В витрине стоит почти полностью голый манекен в туфлях на высоченных каблуках, усыпанной блестками маске и кожаной садомазохистской сбруе. С хлыстом в руке. Внутри все заставлено стеллажами с вампирскими зубами, бэтменовскими плащами и масками зомби. Феликс проходит через все это великолепие, стараясь не выглядеть фетишистом. За прилавком сидит мускулистый молодой человек с пирсингом в ушах и татуировкой-черепом на

предплечье.

— Ищете что-то особенное? — говорит он с хитроватым прищуром. — У нас как раз новое поступление кожи. Крутые штуки. Мы подгоняем прямо по фигуре. Намордники, кандалы. — Он принял Феликса за мазохиста. И это не так далеко от истины, думает Феликс.

— У вас есть черные крылья? — говорит он. — Или любые другие, только не белые.

— Падший ангел, да? — говорит молодой человек. — Да, конечно. Есть темно-синие. Подойдет?

— Темно-синие даже лучше, — говорит Феликс.

Он покупает крылья, баночку синего грима, баночку болотно-зеленого грима, набор для раскраски лица под клоуна, зеленую чешуйчатую шляпу в виде головы Годзиллы с глазами на макушке и козырьком в форме зубастой челюсти, трико под змеиную кожу (два последних предмета — для Калибана) и несколько масок оборотней-волков, вполне подходящих для духов-псов.

В магазине не было круглых воротников, но были короткие бархатные плащи, и Феликс купил четыре штуки — для аристократов. Плюс к тому: несколько «золотых» медальонов на цепочках, драконы и львы. Два дешевых халата с золотыми

блестками, один — с серебряными. Блестящие наряды для привлечения дураков. Две упаковки синего блестящего конфетти, несколько листов переводных татуировок: пауки, скорпионы, змеи — обычный набор.

Крылья неудобно нести в руках. Феликс заходит в магазин сумок, покупает большой чемодан на колесиках, складывает туда крылья, лодки, диснеевских принцесс, маски волков и всю блескучую ерунду. В чемодане еще остается место, и это хорошо. Феликс еще не закончил с покупками.

Следующая остановка — магазин спорттоваров. Ему нужны горнолыжные очки, говорит Феликс молоденькому продавцу, явному стороннику здорового образа жизни. Очки с радужными стеклами.

— Наш хит продаж, — рекомендует продавец. — С плутонитовыми линзами. — Огромные стекла переливаются фиолетово-синим блеском. Напоминают глаза насекомых. — Вы для себя берете? — интересуется продавец, удивленно приподняв бровь. Ему трудно представить Феликса на горных лыжах.

— Нет, — отвечает Феликс. — В подарок племяннику.

— Хороший лыжник?

— Будем надеяться, — говорит Феликс. — И мне нужно пятнадцать черных лыжных масок.

— Пятнадцать?

— Если у вас будет столько. Это для костюмированной вечеринки.

Нашлось только восемь, но Феликс решил, что остальные докупит в Уилмоте, где был большой спортивный магазин. Он взял и пятнадцать пар эластичных черных перчаток. Пока непонятно, сколько «нечисти» ему потребуется в итоге, но пусть лучше будет запас.

В магазинчике на углу, где продавались зонты и сумки, Феликс углядел полупрозрачный женский дождевик цвета морской волны с ярким узором из божьих коровок, пчел и бабочек.

— Мне, пожалуйста, самый большой размер, какой есть, — говорит он продавщице. Это женские размеры, и 8Рукку плащ все равно может быть тесноват. Хотя его можно разрезать сзади и приколоть булавками к рубашке: им нужен только вид спереди.

В хозяйственном магазине Феликс берет синюю занавеску для душа, степлер, бельевую веревку, упаковку пластмассовых прищепок — для сцены, в которой Стефано и Тринкуло воруют одежду, — и зеленый пластиковый таз.

Потом он идет в ближайший магазин канцтоваров и покупает несколько упаковок плотной цветной бумаги, рулон упаковочной крафт-бумаги, штук десять маркеров и наклейки для стен: кактусы, пальмы — для оформления острова. Декорации нужно лишь обозначить: мозг сам довершит иллюзию.

Его последняя остановка — магазин женских купальников.

— Мне нужна купальная шапочка, — говорит он продавщице, элегантной женщине средних лет. — Синяя, если у вас есть.

— Для жены? — улыбается женщина. — Собираетесь в круиз?

Феликса подмывает ответить, что это для осужденного преступника, который играет в тюремном спектакле роль волшебного летающего синего инопланетянина, но ему удается сдержаться.

— Да, — говорит он. — В марте. На Карибское море, — уточняет он.

— Красота, — мечтательно произносит женщина. У каждого своя судьба: кто-то едет в круиз, кто-то обеспечивает отъезжающих купальными принадлежностями.

Феликс рассматривает и отвергает несколько

шапочек: одну с ромашками, вторую — с непромокаемыми бантиками, третью — в розовых розочках на фоне цвета морской волны.

— Она любит самые простые фасоны. Без украшений, — говорит он. Самое лучшее из всего, что ему предлагают: игривая шапочка из резиновой чешуи в виде морских раковин. — У вас есть большие размеры? — спрашивает он. — Мне нужен самый большой. У нее крупная голова и очень пышные волосы, — поясняет он.

— Она, наверное, высокая женщина, — говорит продавщица.

— Величавая, — говорит Феликс.

Он очень надеется, что шапку можно будет растянуть. Ему не хочется, чтобы 8Рукк выглядел смехотворно, в крошечной шапочке, примостившейся на голове, как резиновый гриб.

27. Ведь ты не знаешь, кто ты и откуда

В тот же день

Феликс возвращается в Мейкшавег на поезде и катит свой новый большой чемодан к машине на привокзальной стоянке. Опять пошел снег; когда Феликс приедет домой, ему придется тащить чемодан по свежим сугробам.

Солнце уже садится, окрашивая серые тучи в абрикосовый цвет. Тени деревьев на краю заснеженного поля кажутся синими. Когда-то, не так давно, в это время Миранда еще не вернулась бы с прогулки. Она играла бы посреди белого поля, лепила бы снежных ангелов или подбрасывала в воздух пригоршни снега, искрящегося в лучах заходящего солнца. Феликс смотрит, нет ли следов. Нет, сегодня она не выходила из дома. Он тут же напоминает себе, что она не оставляет следов. Ее походка легка и воздушна.

В доме пахнет землей и золой. Так часто бывает, когда в печи гаснет огонь. Феликс включает обогреватель. Тот тихонько жужжит; разогревается.

— Миранда? — говорит Феликс.

Поначалу ему кажется, что ее нет, и его сердце

словно падает. Но потом видит ее: она сидит за столом, в сгущающейся тьме. Склонилась над шахматной доской, готовая возобновить их урок. Феликс начал учить ее миттельшпилям. Но когда он открывает чемодан, она встает и подходит к нему. Миранде любопытно, что там, ей хочется взглянуть.

Столько сокровищ: золотые ткани, синяя купальная шапочка, игрушечные кораблики! Три диснеевские принцессы, такие нарядные. Они приводят ее в восторг.

Что это? Для чего? — спрашивает она. Где он все это раздобыл? Купальная шапочка? Горнолыжные очки? Что значит «купаться», что значит «лыжи»? Конечно, она не знает, что это такое: она почти ничего не знает о внешнем мире.

— Они нужны для спектакля, — говорит ей Феликс. Потом ему приходится объяснять, что такое спектакль, что такое театр, почему люди на сцене притворяются кем-то другим. Раньше он не рассказывал ей о театре; на самом деле до сегодняшнего дня она совершенно не интересовалась, куда он уходит, когда его не бывает дома, но теперь она слушает очень внимательно.

В понедельник, когда он приезжает домой из Флетчерской колонии, выжатый как лимон —

они шесть часов отыгрывали второй акт, сцену за сценой, — выясняется, что Миранда прочла «Бурю». Феликс ругает себя за то, что не спрятал книжку. Теперь, когда Миранда познакомилась с пьесой, та ее заворожила. Он должен был это предвидеть.

Он не хотел, чтобы она увлеклась театром. В мире искусства все очень непросто, театральная жизнь больно бьет по самолюбию. Слишком много отказов, разочарований, провалов. Чтобы выжить в театре, нужно иметь стальную кожу, железное сердце, несгибаемую силу воли и тигриную хватку, причем для женщины это верно вдвойне. Это жестокая профессия, и особенно — для такой девушки, как Миранда. Она такая чувствительная, такая отзывчивая. Феликс всю жизнь ее оберегал. Она даже не представляет, насколько погаными могут быть люди. Столкнувшись с низменными проявлениями человеческой натуры, она просто не будет знать, как с этим справиться. Ей нужно выбрать себе профессию более человечную. Может быть, она станет врачом. Например, стоматологом. И когда-нибудь выйдет замуж, конечно. За надежного, доброго, любящего человека. Не нужно, чтобы она растрачивала себя в мире иллюзий — исче-

зающих радуг, лопающихся мыльных пузырей, призрачных башен, пронзающих небеса, — как растратил себя он сам.

Но, видимо, театр у нее в крови, потому что она преисполнена решимости. Она настойчиво просит дать ей место в спектакле. Больше того: она хочет играть Миранду. Она чувствует, что создана для этой роли, говорит она Феликсу. Она счастлива от одной только мысли об этом! Ей не терпится познакомиться с человеком, который будет играть Фердинанда. Она знает, что они будут отлично смотреться вместе.

— Ты не будешь играть Миранду, — говорит ей Феликс как можно тверже. — Это невозможно.

Впервые в жизни он ей отказал. Как сказать ей, что ее не увидит никто, кроме него самого? Она просто ему не поверит. А если поверит, если ей придется поверить… что с нею будет тогда?

Почему невозможно? — спрашивает она. Почему ей нельзя сыграть Миранду? Он такой черствый! Он просто не понимает! Обращается с нею, как будто она…

— Что, капризуля? — спрашивает он.

Она и вправду надула губки? Стоит, скрестив руки на груди, смотрит исподлобья. Почему? — снова спрашивает она. Почему нет?

— Потому что у меня уже есть актриса на роль Миранды, — говорит он. — Извини.

Она огорчилась, и поэтому он огорчился тоже. Ему плохо, когда он ее обижает; у него болит сердце.

Она исчезает… Где она может быть? На улице, в темноте, под снегопадом? У себя в комнате? Сидит на кровати и дуется на него?

Но у нее нет своей комнаты, напоминает себе Феликс. Нет своей кровати. Она никогда не спит.

28. Ведьмино отродье

Понедельник, 25 февраля 2013

Теперь, когда у них есть костюмы, актеры заметно оживились. Пьеса стала для них реальнее. Они вертятся перед зеркалами во второй камере, официально переименованной в гримерную: разглядывают себя со всех сторон, корчат рожи, репетируют реплики. Делают упражнения на дикцию и артикуляцию, которым их научил Феликс.

Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали, — ему слышно, как они упражняются. *Ар, ар, ар. В парус бриг впряг бриз близ берега. На дворе — трава, на траве — дрова.* Певцы распеваются, «греют глотку», как их научила Анна-Мария: *Бом, бом, бом! Динь, динь, дон! Колокольный перезвон!*

Привезли синтезатор; после некоторых пререканий охрана дает разрешение пронести его внутрь. Его ставят в четвертой камере, превращенной в музыкальный салон. Анна-Мария работает с танцорами. Перед каждым занятием они разминаются: она заставляет их отжиматься и делать растяжку. Проходя по коридору в своем

маленьком царстве, Феликс слышит ее:

— Держите ритм! Раз-два, шаг на *два*! Зажигаем! Зажигаем! Не умирать! От души! Не забываем считать! Двигайте тазом! Да!

8Рукк сосредоточенно возится с кабелями и миниатюрными видеокамерами. Потом устанавливает крошечные микрофоны и динамики, беспроводные: понятно, что стены сверлить нельзя.

В углу классной комнаты Феликс установил ширму. Здесь оборудован пункт наблюдения — с компьютером на столе и двумя стульями. Один — для Феликса, второй — для 8Рукка. Теперь Феликс может заглянуть во все уголки своих владений.

— Гримерка, — говорит 8Рукк, выводя ее на экран. — Музыкальный салон. Демонстрационная камера, первая. Теперь вторая. Каждая комната обозначена своим значком. Вот поток аудио, вот поток видео. Вот кнопка записи.

— Именно то, что мне нужно, — говорит Феликс. — Мой ловкий дух!

— А у вас точно есть разрешение? — спрашивает 8Рукк с некоторым беспокойством. Он не хочет проштрафиться: он подал прошение о досрочном освобождении, и ему не нужны неприятности.

— Вы вне подозрений, — говорит Феликс. — Это

все часть постановки. Я беру всю ответственность на себя. Я объяснил все начальству. Они в курсе того, что мы делаем. — Это правда лишь наполовину, но и половина сойдет. — Если будут вопросы, обращайтесь ко мне.

— Понял, — говорит 8Рукк.

Анна-Мария и Чудо-Мальчик безукоризненно отрепетировали свои сцены. Она восторженна, девственна и непосредственна, он влюблен и трепещет. Он влюблен и трепещет не только на сцене, но Анна-Мария старательно этого не замечает. С самого начала она выбрала роль матери-воспитательницы, направленную на инспирацию сыновней любви, а не страстного вожделения в коллегах-актерах. С этой целью она вполне по-матерински угощает их свежей домашней выпечкой: приносит на занятия целые сумки карамельных коврижек, печенья с шоколадной крошкой, плюшек с корицей и раздает их во время перерывов на кофе. Дилан и Мэдисон тоже всегда получают свою долю вкусностей и каждый раз шутят, что в этих булках наверняка есть какие-то запрещенные вещества. Театральные люди, они такие. Склонны ко всяким нехорошим излишествам. Только и делают, что предаются диким, безумным оргиям, разве

нет? Анна-Мария снисходительно им улыбается, словно умненьким девятилетним мальчишкам.

Поразительно, думает Феликс, такая хрупкая женщина, с виду — почти девчонка, а представляется солидной матроной. Он в ней не ошибся тогда, двенадцать лет назад: она потрясающая актриса.

Также она взяла на себя заботу о богинях. Белоснежка будет Иридой, посланницей богов, решила она; Покахонтас станет Церерой, богиней плодородия; а Жасмин выступит в роли Юноны, покровительницы семейного очага.

— Только надо их переодеть, — сказала она Феликсу, когда он отдал ей кукол, и принялась срывать с них одежду.

— Это понятно, — произнес Феликс, — но где мы возьмем…

— Я брошу клич в нашем вязальном кружке.

— И все-таки я тебя не представляю в вязальном кружке.

Раньше в такие кружки собирались жены миссионеров, набожные старые девы и матроны времен Первой мировой войны, которые рьяно вязали носки для мальчишек в окопах. Но уж никак не прелестные молодые актрисы.

— Оно успокаивает нервы. Вязание. Вам тоже

надо попробовать. У нас в кружке есть мужчины.

— Я пас, — сказал Феликс. — Думаешь, они согласятся? Связать наряды для кукол?

— Думаю, согласятся, — сказала она. — И даже с радостью. Все цвета радуги для Ириды; фрукты, овощи, помидоры, снопы пшеницы для Цереры; павлиньи перья для Юноны.

— Богини в шерстяной пряже? — с сомнением проговорил Феликс. — Они не будут смотреться толстыми?

Он не чурался безвкусицы в своих постановках, но безвкусица безвкусице рознь.

— Думаю, мы сумеем вас удивить, — сказала Анна-Мария. — Они не будут смотреться толстыми. Даю слово.

— Дело в том, — сказал он, — что моя лучшая речь во всей пьесе идет как раз после сцены с богинями. — Забава наша кончена, — он не смог удержаться и продекламировал:

…Актеры,
Как уж тебе сказал я, были духи
И в воздухе растаяли, как пар.
Вот так, как эти легкие виденья,
Так точно пышные дворцы и башни,

Увенчанные тучами, и храмы,
И самый шар земной когда-нибудь
Исчезнут и, как облачко, растают.
Мы сами созданы из сновидений,
И эту нашу маленькую жизнь
Сон окружает…

— Черт, вы все еще на высоте, — сказала Анна-Мария, когда он закончил. — Вот почему я хотела всегда с вами работать. Вы — мастер. Маэстро. Я чуть не расплакалась.

— Спасибо, — произнес Феликс с легким поклоном. — Неплохо, да?

— Неплохо? Блин. — Анна-Мария смахнула слезу.

— Ладно, если без ложной скромности, я великолепен, — усмехнулся Феликс. — Но тебе не кажется, что диснеевские принцессы в вязаных нарядах будут слегка… — Он умолк на мгновение, подбирая слова. — Что они снизят весь пафос речи? Если будут смотреться странно?

— Я посмотрела спектакли в Сети, видела несколько постановок в театре. Богини всегда смотрятся странно, даже когда их играют живые актрисы, — сказала Анна-Мария. — Как их только не представляли! И как проекции на экране, и

как надувные фигуры. В одной постановке они выходили на сцену на ходулях. Но наши богини не будут похожи на диснеевских принцесс. Я разрисую им лица. Краской, светящейся в темноте. Может быть, добавлю блестки. Сделаю лица как маски. И раз уж они вроде как марионетки, которыми управляет Ариэль, можно будет использовать приемы японского театра бунраку и невидимый свет — пусть их водят актеры в черных масках и черных перчатках. У вас они есть. Голоса обработаем в цифре. Электронные, как бы потусторонние.

— Можно попробовать, — сказал Феликс.

Среда, 27 февраля 2013

Две недели до того дня, когда звезды сойдутся и грянет буря. Они уже отсняли самую первую сцену с тонущим кораблем и 8Рукком в купальной шапочке и очках: получилось на удивление хорошо. Свою первую сцену с Ариэлем Феликс думает записать на следующей неделе. 8Рукк был слишком занят технической стороной постановки. Ему нужно дать больше времени, чтобы проработать роль.

Сегодня они снимают Калибана. Крупные планы с репликами. Дальние планы добавятся позже.

Сегодня Костыль впервые полностью облачился в костюм и нахлобучил чешуйчатую шляпу Годзиллы: они убрали глаза и зубы, а козырек разлохматили, чтобы он свисал космами на лицо, покрытое болотно-зеленой краской. На ногах — рейтузы, раскрашенные под змеиную кожу. На руках — временные татуировки со скорпионами и пауками. Получилось не хуже многих костюмов Калибана, которые Феликсу довелось повидать в профессиональном театре, и даже лучше некоторых.

— Вы готовы? — спрашивает Феликс.

— Да, — отвечает Костыль. — Э… мы там добавили кое-что. Анна-Мария нам помогла.

Феликс обращается к Анне-Марии:

— Хороший номер? Нам нельзя терять время, оно и так поджимает. У нас еще много работы.

Он не вправе ворчать. Он сам призывал их к тому, чтобы они сочиняли свои собственные дополнительные материалы.

— Номер на три с половиной минуты, — говорит Анна-Мария. — Я засекала время. И да, это очень хороший номер. Зачем мне вам врать?

— Откуда мне знать? — говорит Феликс.

— Дубль первый, — говорит Бублик. — Ведьмино отродье. Исполняют: Калибан и ведьмины

отродья. Сначала будет кусочек с рассказчиком, его можно снять позже. «А вот Калибан. Из каменной тюрьмы вышел. Пришлось посидеть взаперти — ничего не попишешь. О доле тяжкой скорбя, пусть говорит сам за себя». Типа того.

Феликс кивает.

— Хорошо, — говорит он.

— Не забывайте дышать, — говорит Анна-Мария Костылю. — Дышать диафрагмой. Помните, что я говорила про гнев. Он как топливо — его надо использовать! Сейчас можно и нужно вопить и рычать! Это ваш выход! Раз, два, *три*!

Костыль расправляет плечи, потом сгибается, припадает к земле, потрясает кулаком. Бублик, Маракас, ЗакраЛось и Рыжий Койот встают у него за спиной, хлопают в ладоши и ритмично выпевают «Оу-оу, оу-оу», пока Костыль выпевает свой яростный речитатив.

Меня зовут Калибан, весь в чешуе, когти как у орла,

Несет от меня тухлой рыбой, такие дела –

Он меня называет еще и отродьем,

Ведьминым отродьем.

И паршивым рабом, и безмозглым урод-

цем,

Обижает меня, унижает,

Вечно держать взаперти угрожает,

Чтобы меня усмирить,

Покорить.

Только я ему не покорюсь,

Я еще поборюсь.

Я ведьмино отродье!

Мать моя Сикоракса ведьмой была синеглазой,

Говорили, что та еще стерва, зараза.

А папаша, по слухам, был Дьявол вроде.

Так что я дважды противный и злобный,

И о том не жалею!

Потому что я ведьмино отродье!

Мамаша встала им поперек горла,

Была она слишком упертой и гордой,

Сослали ее на остров, бросили здесь умирать,

И некому было ее спасать.

Она меня родила, а потом умерла,

Значит, это мой остров – такие дела.
Это и были мои безраздельные угодья,
Короля по имени Ведьмино Отродье!

Но потом появился Просперо со своей мелкой сучкой,
Мнил из себя невесть что, будто он самый лучший.
Сначала он был добр и мил,
Я его многому научил.
Показал, где еда,
Где питьевая вода.
Пожалел старикашку, вот да.
Все шло хорошо, а потом он взъярился,
Потому что я, видите ли, отличился.
Взгромоздиться хотел на его девицу,
Все честь по чести, чтобы жениться.
Да и ей оно было бы в радость.
Других мужиков-то на острове не наблюдалось,
Так бы в девках она и осталась.
А мы бы с ней славно зажили,
Остров бы весь заселили

Маленькими Калибанчиками,
Ведьмиными отродьями.

Папаша ее обзывает меня и шпыняет,
Я тружусь и тружусь, а он отдыхает,
В тенечке храпит или книги свои читает.
Как он мне надоел, сил моих больше нет.
Но если я огрызаюсь в ответ,
Он дубасит меня еще пуще,
Вот какой злющий.
Но я не сдаюсь, я еще поборюсь.
Я ведьмино отродье!

Я своего часа дождусь,
За свои унижения отплачу.
Его книгу порву в клочки,
Буду делать с ним, что хочу.
Прикончу старого пердуна,
Мозги ему вышибу – да!
И девчонка его, как бы ни верещала,
все равно станет моей.
И будет еще умолять меня,

Чтобы ей посильнее заправил я.
Потому что я хоть и уродец,
Но зато я ведьмино отродье!

Имейте в виду:
Я ведьмино отродье!

Костыль закончил. Он тяжело дышит.

— Шикарно! — говорит Анна-Мария. Она аплодирует, к ней присоединяются дублеры, а потом и Феликс.

— Да, я все запомнил, — скромно говорит Костыль.

— Не просто запомнили! Пока это лучший прогон из всех, — говорит Анна-Мария. — Потом вы посмотрите запись, а в следующий раз мы отснимем финальный дубль. Сопровождению тоже нужны костюмы. Наверное, такие же шапки-ящеры, чтобы все в одном стиле. — Она обращается к Феликсу: — Такого Калибана вы точно еще не видели!

— Это правда, — говорит Феликс. — Не видел. — Он потрясен и взволнован: Костыль превзошел сам себя ради него. Нет, не ради него: Костыль превзошел сам себя ради Анны-Марии. И ради пьесы, конечно. Костыль превзошел сам себя ради пьесы. — «О чудо! Как род людской хорош!

Прекрасен мир таких людей!» — говорит он.

— «Тебе все это ново», — смеется она. — Бедняга Феликс! Мы испохабили всю вашу пьесу, да?

— Это не моя пьеса, — говорит Феликс. — Это наша пьеса.

Он сам в это верит? Да. Нет. Не совсем.

Да.

29. Сюда! Ко мне!

Суббота, 2 марта 2013

В субботу Феликс просыпается в полдень, словно с жуткого похмелья, что странно: он не пил накануне. Это эмоциональное выгорание, истощение мозга. Слишком много он думает, слишком много работает, слишком сильно волнуется. Слишком большая отдача, слишком сильное напряжение. Он проспал четырнадцать часов, но совершенно не отдохнул.

В своей страшной старой пижаме, пообтрепавшейся за столько лет, он выходит в гостиную. В окно льется холодный свет, отраженный от снега снаружи и поэтому яркий вдвойне. Феликс щурится, отпрянув от луча света, словно вампир. Почему у него нет занавесок? Он не озадачивался занавесками, для чего? Кто к нему будет заглядывать?

Разве только Миранда, когда выходит гулять и поглядывает сквозь стекло, чтобы убедиться, что с ним все хорошо. Кстати, а где Миранда? Утро — не ее время, а особенно полдень, когда солнце в зените. Она меркнет при ярком свете; ей нужны

сумерки, чтобы сиять.

Старый дурак, говорит он себе. Сколько ты будешь цепляться за эту выдумку? Эта иллюзия, словно капельница, что поддерживает в тебе жизнь. Не пора ли выдернуть трубку из вены? Брось свои золотистые блестки, бумажные вырезки, цветные мелки. Прими реальную жизнь: безыскусную, неприглядную, скучную, серую.

Но реальная жизнь вовсе не серая, возражает он сам себе. Она раскрашена во всевозможные цвета, включая и те, которые не различают наши глаза. Вся природа — огонь: все проявляется, все цветет, все бледнеет. Мы, как медленные облака…

Он встряхивается, чешет голову, разгоняя кровь. Пусть прильет к мозгу, ссохшемуся до размеров грецкого ореха. Кофе, вот что ему сейчас нужно! Он кипятит воду в электрическом чайнике, заваривает молотый кофе и выпивает одним глотком, не дожидаясь, пока остынет. Он прямо чувствует, как оживает. Нейроны в мозгу искрятся.

Теперь надо одеться. Джинсы и свитер. На завтрак он делает себе кашу из хлопьев быстрого приготовления, которые наскреб со дна трех коробок. Пора пополнить запасы еды. Нельзя

превращаться в иссохшего отшельника из тех, которых находят спустя несколько месяцев после смерти от голода, потому что они забывали поесть, затерявшись в своих видениях.

Да. Теперь он воскрес. Теперь он готов.

Он включает компьютер, заходит в интернет, вводит в строку поиска имена Тони и Сэла. Вот они оба, они и фрагменты из их речей, в трехстах милях отсюда. С ними их коллега: Сиберт Стэнли, министр по делам ветеранов, бледная немочь, слабовольный подпевала и конъюнктурщик, хотя избиратели ему доверяют, потому что знали его дядю и всегда голосовали за Стэнли.

Уже совсем скоро они будут здесь. Феликс ждет не дождется. Интересно, они узнают его или нет? Поначалу, конечно, нет. Он будет держаться в тени, пока злая нечисть делает свое дело. Как они отреагируют, когда мы заставим их думать, что их жизнь висит на волоске? Будут ли мучиться? Будут ли трястись от страха? Да, они будут мучиться и трястись. Даже не сомневайтесь.

Следующая неделя расписана по минутам: они снимают все сцены с Просперо. Времени мало. Нужно снять все в один дубль. Значит, он должен выступить безупречно уже с первого раза. В себе он уверен — все его реплики намертво впечатаны

в память, — но, как известно, излишняя самоуверенность до добра не доводит. Помимо слов, есть еще мимика, жесты и позы. Сила воздействия, точность. Надо отрепетировать. *Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали. В парус бриг впряг бриз близ берега.*

Он открывает платяной шкаф. Вот его волшебная мантия, ее многочисленные глаза поблескивают в ярком солнечном свете. Феликс вынимает ее из шкафа, стряхивает с нее пыль и тонкую паутинку. Впервые за двенадцать лет он надевает ее на себя.

Как будто опять облачился в сброшенную кожу; как будто это не он надел мантию, а мантия надела его. Приосанившись, он глядит на себя в зеркало. Расправить плечи, поднять диафрагму, расслабить живот, дать простор легким. *Ми-ми-ми, мо-мо-мо, му-му-му. Проницательный. Необузданный. Неукротимый.*

Зловредный дух. Не брызжи слюной.

Теперь: его колдовской жезл. Трость с серебряным набалдашником в виде лисьей головы сама прыгает в руку. Он поднимает жезл над головой. Руку покалывает электричеством. Еще чуть-чуть, и она заискрит.

— Приблизься, мой Ариэль. Ко мне! — произно-

сит он нараспев.

В его голосе слышится фальшь. Где подлинный тембр, где настоящие интонации? С чего он решил, что сможет сыграть эту сложнейшую роль? Просперо слишком противоречив. Титулованный аристократ, скромный отшельник? Мудрый волшебник, старый хрыч, одержимый жаждой мести? Раздражительный и неразумный, добрый и заботливый? Жестокий, умеющий прощать? Слишком подозрительный, слишком доверчивый? Как передать все нюансы, как объять необъятное? Это в принципе невозможно.

Режиссеры, ставившие эту пьесу, пускались на самые разные хитрости. Прибегали к всевозможным уловкам на протяжении столетий. Сокращали монологи, редактировали предложения, пытались втиснуть Просперо в заданные рамки. Перекраивали так и сяк, чтобы он поместился.

Сдаваться нельзя, говорит он себе. Уже ничего не отменишь.

Слишком многое поставлено на карту.

Он повторяет строку. Она должна прозвучать как приказ или как приглашение? Далеко ли находится Ариэль, когда Просперо его призывает? Здесь надо кричать? Или просто возвысить

голос? Феликс так часто представлял себя в этой сцене, что теперь растерялся, не зная, как к ней подступиться. Ему никогда не сравниться со своим собственным грандиозным замыслом.

— Приблизься, мой Ариэль. — Феликс наклоняется вперед, как будто прислушиваясь. — Ко мне!

И вдруг слышит голос Миранды, шепчущий ему в ухо. Еле слышно, но вполне различимо:

Привет, могучий властелин! Привет,
Мудрец! Я здесь готов служить тебе:
Лететь иль плыть, кидаться в пламя, мчаться
На облаке кудрявом. Повели,
И Ариэль – весь твой!

Феликс роняет жезл, словно тот жжет ему руку. Он действительно это слышал? Да, слышал!

Миранда приняла решение: она будет дублировать Ариэля — конечно, Феликс не станет противиться.

Как умно, как тонко! Она выбрала именно ту роль, которая позволит ей незаметно смешаться с актерами на репетициях. Только он сможет видеть ее, время от времени. Только он сможет ее слышать. Для всех остальных она будет незримой, невидимой для посторонних глаз.

— Мой ловкий дух! — восклицает он. Ему хочется ее обнять, но это невозможно. Просперо и Ариэль никогда не притрагиваются друг к другу: разве можно коснуться духа? Прямо сейчас он ее даже не видит. Ему приходится довольствоваться только голосом.

IV. Все это силой магии моей

30. Обещал свое искусство я показать

Понедельник, 4 марта 2013

В понедельник Феликс просыпается рано. Его преследует сон. Что ему снилось? Там была музыка, и кто-то бежал от него под сень деревьев. Он хотел их окликнуть, попросить подождать, но не мог говорить, не мог даже пошевелиться.

СНОВИДЕНИЯ, вот что надо было написать на доске, перечисляя основные темы. *Мой дух как бы во сне и словно связан*. Сколько персонажей «Бури» либо неожиданно засыпают, либо говорят о снах? *Мы сами созданы из сновидений*. Но из чего созданы сновидения? *И нашу маленькую жизнь сон окружает*. Окружает сон. Это в точности перекликается с *самый шар земной*. Шекспир знал, о чем пишет, или же он творил словно во сне? В потоке сознания? В трансе? Зачарованный сам, он зачаровывал нас. Может быть, Ариэль — это Муза? Феликс уже представляет себе совершенно другую «Бурю», в которой…

Уймись, говорит он себе. Не надо нам никаких гениальных новшеств. Ребята и так загружены по самые уши.

Он пьет первый утренний кофе и смотрит в окно. На улице пасмурно. Похоже, там настоящий мороз. Застывшее оконное стекло запотевает от его дыхания. Видимо, надвигается холодный фронт. Ночью шел мокрый снег; возможно, где-то была метель и оборвало провода силовых линий. На дорогах наверняка гололед, надо будет ехать очень осторожно. Даже если дороги расчистили, все равно гнать не стоит.

Сегодня они снимают его первую сцену с Ариэлем из акта первого, уже в костюмах и гриме. Феликс запихивает волшебную мантию в большой зеленый пакет для мусора, туда же кладет свою трость с головой лисицы. Потом одевается к выходу: стеганое пальто, ботинки с флисовой подкладкой, теплые перчатки, красно-белая вязаная шапка с помпоном на макушке. Все удовольствие — два доллара в секонд-хенде в Мейкшавеге, сказала Анна-Мария, когда подарила ему эту шапку, чтобы он не застудил голову.

— Нам нужно прекрасное барахло, что хранится у вас в голове, — сказала она. Грубовато, но от души. Она вообще не любит сантиментов.

— Вы с Чудо-Мальчиком помирились? — спросил он как бы между прочим. — Он тебе больше не докучает?

— Он хочет стать моим другом по переписке, — сказала она. — Писать мне письма, когда мы отыграем спектакль.

— Исключено! — категорически заявил он. — Он узнает твой адрес, а когда выйдет, то наверняка попытается… надеюсь, ты сказала «нет».

— Я сама с ним разберусь, — сказала она.

— Ты даешь ему надежду, — сказал Феликс. — Это нечестно.

— Мы еще не сняли главную любовную сцену, — сказала она. — Вы режиссер. Вы хотите сцену со взрывом чувств или так себе сценку? Потому что если я определенно ему откажу, сцена получится *так себе.*

— Ты страшная женщина. Совершенно безжалостная, — сказал он. — Это безнравственно.

— Не надо читать мне мораль. Я училась у лучших. Все для спектакля, да? Все для пьесы! Вы сами так говорили двенадцать лет назад. Я помню.

Это было тогда, подумал Феликс. Стал бы я говорить так теперь?

— Я с ним поговорю, — сказал Феликс. — Все ему разъясню.

— Вы не мой папа на самом деле, — сказала она. — Я сама с ним разберусь. Все будет хорошо.

Поверьте.

Одеваясь для съемки, она распустила волосы, слегка их растрепала и украсила бумажными цветами. Она сама сшила платье: белое, но как будто изношенное по подолу, с вязаным поясом. Один широкий рукав сползает с плеча. Ноги босые, конечно. Чуть-чуть бронзатора, чуть-чуть румян, самую малость. Свежая, чистая кожа. Полный восторг.

Они отыграли блестяще: она невинная, чистая, с широко распахнутыми глазами. Очарование, как оно есть. Чудо-Мальчик выступил безупречно: благоговейный, почтительный, но изнывающий в пылком томлении. Воплощение романтической страсти. Когда он сказал: «Ответь мне, чудо» — и протянул руку, как будто желая к ней прикоснуться, но так и не прикоснувшись, его взгляд мог бы расплавить сталь. Он был более чем убедителен.

Надеюсь, она его не раздавит, подумал Феликс. Но не забываем, что он аферист. Мошенник, играющий роль актера. Двойная иллюзия. Двойной обман.

Он бросает последний взгляд в зеркало. За эти месяцы он похудел. Вид слегка изможденный, голодный. В глазах — свирепый огонь. Присталь-

ный взгляд ястреба, посаженного в клетку. Для его сцен подойдет идеально. Хищник, бросающийся на добычу. Но беспокойный, встревоженный. Он поворачивается боком к зеркалу, чтобы рассмотреть себя в профиль. Добавить ли толику зловещей жути, капельку Дракулы? Нет, лучше не надо.

Он обматывает шею шарфом и выходит наружу, в морозное утро. Машина заводится с первого раза, словно по волшебству. Это хороший знак. Сейчас он готов видеть добрые знаки повсюду.

Миранда не забыла о своем решении: она намерена участвовать в спектакле. Она провожает Феликса до машины — он ее чувствует, за левым плечом, — но медлит снаружи. Не забирается внутрь. Она боится машин? Может быть, она помнит, как в последний раз ехала в автомобиле в больницу, когда ей было три года, и она буквально сгорала от жара, завернутая в теплое одеяло? Феликс надеется, что нет.

Слишком поздно. Они поехали слишком поздно. Почему он не всполошился раньше, почему не заметил ее горящие щеки, лихорадочное дыхание, сонливость? Потому что его не было рядом. Вернее, он был рядом, но погруженный в собственные планы и мысли. «Цимбелин». Кажется,

он тогда ставил «Цимбелина», и проект захватил его целиком. Стал дороже и ближе, чем жизнь собственного ребенка. Его ошибка. Его вина. Его смертный грех.

Он объясняет ей, что такое автомобиль. Медленно и обстоятельно. Это волшебная летающая машина, говорит он, иногда она превращается в корабль, только он не плывет по морю, а едет по земле на колесах. Он показывает ей колеса. Если машина дымится, это не значит, что она горит. Дым идет от мотора. Мотор — это такое устройство, которое приводит машину в движение. Феликс сам управляет машиной, она его слушается, так что не надо бояться. Она может сесть сзади, у него за спиной. Если ей хочется попасть на спектакль, туда надо ехать в машине. По-другому — никак. Они поедут по земле, но будет казаться, как будто они летят в воздухе.

К счастью, рядом нет никого, кто мог бы услышать, как он разговаривает сам с собой. Кто мог бы увидеть, как он открывает заднюю дверь для кого-то, кого там нет.

Поначалу она опасалась, но потом ей понравилось ехать в машине. Деревья, фермерские дома и амбары проносятся мимо; ей все любопытно. В домах живут люди? Да, люди. Так много людей!

Так много деревьев!

— Тебе нравится, моя птичка? — спрашивает он. Да, ей нравится. Очень нравится. А где будет спектакль?

— Мы уже подъезжаем, — говорит ей Феликс.

Они минуют автозаправку, потом — торговый центр неподалеку от Флетчерской исправительной колонии: такой яркий, нарядный, словно украшенный к празднику! Так много других летающих машин! Они поднимаются на холм, проезжают ворота. Он объясняет, что ограда нужна для того, чтобы люди, живущие внутри, не могли выйти наружу, а люди, живущие снаружи, не могли войти внутрь. Здесь есть охрана, говорит он. Она не спрашивает, для чего, но беспокоится, что охрана ее не пропустит.

— Они тебя не увидят, — говорит он. — «Ступай же невидимкой на корабль».

Ему кажется, это хорошая шутка.

На КПП она проходит вместе с ним через рамку без единого писка. *Мой ловкий дух!* — улыбается он про себя. Она беззвучно смеется. Как приятно, что она рада!

— Как успехи, мистер Герц? — спрашивает Дилан.

— Успехи есть, — говорит Феликс. — Кстати, я

завтра приеду, хотя занятий не будет. Привезу реквизит. Можно будет убрать его в камеру хранения, пока не понадобится?

— Конечно, мистер Герц, — говорит Мэдисон. Феликсу приходится объяснять им назначение каждой вещи, которую он приносит сюда. Разумеется, только явное назначение. О тайном Феликс умалчивает. Например, у охраны возникли вопросы по поводу черных нарядов: штаны, толстовки, лыжные маски, перчатки. Это для кукловодов, сказал им Феликс. Японская техника. В невидимом свете. Он объяснил им, как это работает. Как в кукольном театре бунраку.

— Офигеть, — проговорил Мэдисон с уважением. Они считают Феликса знатоком театральных примочек.

Теперь Дилан спрашивает:

— Что у вас в пакете? Вы ходили охотиться, мистер Герц? На пушной промысел?

— Это мой костюм, — отвечает Феликс. — Волшебная мантия. Волшебный жезл.

— Как в «Гарри Поттере», — говорит Дилан. — Круто.

Он думал, они не пропустят трость, но ее пропустили. Удача Феликсу не изменяет.

Все уже собрались в классной комнате, ждут

указаний. Анна-Мария принесла кукол, одетых в новые вязаные наряды.

— Подойдет? — спрашивает она Феликса.

— Каков ваш вердикт? — спрашивает Феликс у класса. Он поднимает над головой Ириду в радужном одеянии из длинных шерстяных косичек, украшенных бусинами. Ее лицо покрыто оранжевой краской. Головной убор сделан из ватных облаков.

— Чума, прямо радужная нация, — говорит Костыль, и все смеются.

— Как я понял, вам нравится, — говорит Феликс. Следующая — Церера в платье из виноградных листьев и в шишковатой короне из вязаных яблок и груш. Лицо раскрашено зеленым, на лбу — наклейка с пчелой.

— Однажды я видел похожую стриптизершу. — Снова Костыль.

Смех. Выкрики: «Раздевайся!»

— А это Юнона, богиня семейного очага, — говорит Феликс.

Юнона в вязаной форме медицинской сестры, в руке — миниатюрная вязаная бутылочка с кровью. Лоб прорезают хмурые нарисованные морщины, изо рта торчат крошечные клыки. На шее — ожерелье из черепов.

Актерам явно несимпатична Юнона.

— Чтоб меня оспа схватила за горло, вылитая моя жена, — говорит Мачете.

Одобрительный рокот.

— Страшная, как жаба, — говорит Костыль.

— Отъявленная потаскуха, — добавляет Змеиный Глаз.

— Да сосите вы все, — говорит Анна-Мария. — Если не нравится, сами делайте своих гребучих богинь. А кто громче всех выступает, останется без печенья.

Смех в классе.

— Она ругается! — говорит Костыль. — Минус балл! Даже два балла!

— Я не коплю баллы, так что сосите два раза, — говорит Анна-Мария.

Смеются все.

— А что за жабье печенье? — интересуется Маракас. — Его можно сосать?

— Так, давайте работать! — говорит Феликс. — Кукловоды идут репетировать. Калибан и ведьмины отродья, сегодня мы переснимем ваш номер. Потом выберем лучшие ракурсы. Но сначала акт первый, сцена вторая. Моя сцена с Ариэлем. Приступим прямо сейчас.

8Рукк уже облачился в костюм Ариэля. Лицо

раскрашено синим. Он одергивает дождевик, поправляет купальную шапочку, надевает очки и синие резиновые перчатки. Они проходят всю сцену, начиная со слов «Привет, могучий властелин! Привет, мудрец». 8Рукк знает роль назубок, но почему-то нервничает.

— Давайте снимем еще один дубль, — говорит он. — Я слышал странное эхо. Как будто кто-то читал мои реплики вместе со мной. Это очень мешает. Может, фонит микрофон, я не знаю.

У Феликса сжимается сердце: его Миранда, суфлирует.

— Голос мужской или женский?

— Просто голос. Наверное, мой собственный. Я проверю микрофон.

— Да, наверное. Бывает, актеры слышат собственные голоса, словно со стороны, — говорит Феликс. — Когда волнуются. Расслабьтесь, дышите глубже. Конечно, мы снимем еще один дубль.

Миранде он говорит вполголоса:

— Не так громко. И только если он ошибется.

— Что? — переспрашивает 8Рукк. — Хотите, я его отодвину подальше?

— Нет-нет. Прошу прощения, — говорит Феликс. — Это я о своем.

31. Добрая Фортуна, моя владычица

Четверг, 7 марта 2013

Часы тикают неумолимо. Планеты сближаются.

Пальмы и кактусы уже вырезаны из бумаги детскими безопасными ножницами. Пластмассовая лодка и парусный кораблик благополучно ободраны, облиты водой и отправлены в плавание по морю из занавески для душа. Песни спеты, отвергнуты, переписаны и спеты снова. Обмен оскорблениями на тему «ни слуха, ни голоса» состоялся.

Речитативы прочитаны, пляски отплясаны. Не обошлось и без легких травм, поскольку мышцы танцоров долгое время бездействовали. Кризисы доверия преодолены, обиды нанесены, задетые чувства излечены. Феликс то ругал себя за слабоумие, что подвигло его на такое безнадежное предприятие, то поздравлял себя за решимость и проницательность. Он падал духом, потом воспарял, а затем падал снова.

Нормальная жизнь.

Они отсняли почти всю пьесу. Осталось лишь несколько сцен. Потом надо будет смонтировать фильм, добавить спецэффекты и голос за кадром, переснять или переозвучить реплики, которые получились не очень четко. Богини на видео смотрятся потрясающе. Одетые в черное кукловоды вносят дополнительный смысл: сразу ясно, что эти богини всего лишь видения, и делают то, что положено им по сценарию, сочиненному кем-то другим. Маракас сам написал для них музыку, жутковатый, потусторонний свист под флейту и колокольный звон. Момент, когда они исчезают в смятении, 8Рукк оформил как наложение картинок: образы богинь множатся и одновременно замедляются, что создает впечатление, будто они растворяются в воздухе. Получилось шикарно, и Феликс не преминул похвалить 8Рукка за отличную работу.

До часа «Ч» остается меньше недели. Будь это обычная постановка, Феликс уже мог бы расслабиться — времени на доработку у них достаточно, — но поскольку у них необычная постановка, предстоит еще кое-что сделать.

Феликс снова поехал в Торонто на поезде. Ему нужно было добыть костюмы для пьяницы-дворецкого Стефано и шута Тринкуло: первому

— поношенный смокинг, второму — красные кальсоны и шляпу-котелок, обоим — белый грим. Кальсоны нашлись в отделе мужского белья в «Уиннерсе», смокинг Феликс приобрел в «Оксфаме». По дороге он забежал в магазин карнавальных костюмов и прикупил еще несколько шапок Годзиллы для ведьминых отродий.

Покончив с покупками, он встретился с тихим, неприметным очкариком лет сорока, возможно корейского происхождения. Они встретились на вокзале, в уединенном уголке. Это было рискованно — что, если за тем человеком следили? — но в толпе пассажиров они совершенно не выделялись. Контакт очкарика Феликсу дал 8Рукк: он записал голосовое сообщение, которое Феликс вынес наружу на флешке. В сообщении было сказано, что обе стороны могут доверять друг другу как братья.

Деньги перешли из рук в руки, и Феликс получил пакетик таблеток в желатиновых капсулах, пакетик порошка, иглу для подкожных инъекций и очень точные инструкции.

— Только не перестарайтесь с дозой, — сказал очкарик. — Вы же не собираетесь никого убивать или выпаривать им мозги навсегда. Эти капсулы — ядреная штука. Разломите их, высыпьте содер-

жимое в чашку. В имбирном эле оно растворится мгновенно. Крышу рвет сразу, даже с полчашки. Но эффект длится недолго. У вас будет, может быть, минут десять. Этого хватит?

— Посмотрим, — сказал Феликс.

— А это волшебная пыльца фей. Четверть чайной ложки на чайную ложку воды. Не перебарщивайте с виноградом.

— Я буду осторожен, — сказал Феликс. — А какой от него эффект?

— Как вы сами сказали, посмотрим. Но трип будет лютый, — ответил очкарик.

— Но оно им не повредит? — спросил Феликс. — Насовсем?

Он нервничал: что, если его поймают с этими препаратами в кармане? И что это за препараты? Он ведет себя безрассудно. Но ведь и все предприятие — верх безрассудства.

— Если что-то случится, нашей встречи не было, — сказал очкарик тихим, но убедительным голосом.

Сегодня Феликс работает дома. Варит на завтрак яйцо, потом включает компьютер, готовясь отслеживать передвижения Тони и Сэла: как они вкушают яства на предвыборно-агитационных банкетах в маленьких провинциальных город-

ках, раздают обещания, прикарманивают денежные пожертвования, примечают смутьянов и несогласных для последующего увольнения. У него на стене висит карта, где он отмечает красными кнопками все их передвижения. Ему нравится наблюдать, как его враги подходят все ближе и ближе к нему, словно их затянул вихрь, созданный им самим.

Но прежде чем задать поиск, Феликс проверяет почту. У него по-прежнему два почтовых ящика: один на имя Феликса Филлипса, для переписки с налоговой и прочими административными учреждениями, второй по имя Ф. Герца. Этот адрес он сообщил в канцелярии Флетчерской исправительной колонии, чтобы с ним можно было связаться в экстренных случаях — пока что таких случаев не было, — и дал его Эстель, хотя она знала его настоящее имя.

Она держала его в курсе событий. Настоящая звезда, не устает он повторять: его добрая Фортуна. Ей нравятся подобные комплименты, нравится ощущать, что она нужна Феликсу и программе. Она упивается своей ролью невидимого, но незаменимого куратора театрального действа.

Сегодня она прислала ему сообщение: *Нужно*

встретиться как можно скорее. Кое-что произошло. Пообедаем?

С удовольствием, пишет Феликс в ответ.

Они встречаются, как всегда, в «Зените», в Уилмоте. Эстель принарядилась для Феликса даже больше обычного. Но почему он решил, что она наряжается для него? Может быть, она ходит так каждый день. Прическа только что из парикмахерской, идеальный маникюр, серьги в виде миниатюрных дискотечных шаров, дерзко-розового цвета, сверкающие стразами. Элегантный розовый костюм, в тон серьгам. Шейный платок, разрисованный беговыми лошадьми и игральными картами, сколот золотой булавкой в виде рога изобилия. Глаза накрашены, может быть, слишком ярко. Феликс отодвигает ей стул. Она садится.

— Ну что? По мартини? — спрашивает он.

Они взяли в привычку начинать встречи с мартини. Эстель нравится подразумеваемый этим романтический ореол.

— Ох, не надо меня искушать, — кокетливо отвечает она. — Греховодник!

— Мне нравится вас искушать, — отваживается Феликс. Раз уж она взяла игривый тон. — А вам нравится, когда вас искушают. Какие новости?

Она заговорщически наклоняется через стол. В ее духах тонкие цветочные ароматы смешаны со сладкими фруктовыми. Она прикасается к его руке и говорит:

— Не хочу вас огорчать.

— Все так плохо?

— До меня дошли слухи из верных источников, что министр культуры Прайс и министр юстиции О'Нелли намерены закрыть литературную программу во Флетчерской колонии, — говорит она. — Это их совместное решение. Они готовят заявление, в котором скажут, что наша программа — это поблажка преступникам, необоснованная трата денег налогоплательщиков и попустительство либеральным элитам. Преступники должны нести наказание, а не развлекаться в театральном кружке.

— Ясно, — говорит Феликс. — Сурово. Но они все равно приезжают? На нашу премьеру? Как собирались?

— Безусловно, — говорит Эстель. — Потом они скажут, что посетили премьеру, чтобы составить непредвзятое мнение, и, поразмыслив, решили, что оно нам не надо… Тем более этот визит будет полезен для всей системы уголовной юстиции. Все увидят, что им как бы не все равно, что про-

исходит в тюрьмах страны, и… и… Они хотят фотосессию.

— Прекрасно, — говорит Феликс. — Если они приезжают, то все отлично.

— Вы не расстроены? Отменой программы?

На самом деле Феликс ликует. Теперь у него есть безотказный повод, чтобы поднять войска. Послушаем, что скажет нечисть, когда узнает, что их театральную труппу хотят закрыть! Это будет великолепная мотивация.

— Я сама злая как черт, — говорит Эстель. — После стольких трудов!

— Возможно, есть способ спасти программу, — осторожно произносит Феликс. — У меня есть одна мысль. Но мне нужна ваша помощь.

— Вы знаете, что я сделаю все, — отвечает она. — Все, что в моих силах.

— Кто собирается быть на премьере? — спрашивает Феликс. — Помимо двух наших министров. Вы, случайно, не знаете?

— Я надеялась, что вы спросите. — Она открывает сумочку, отливающую серебристым металлическим блеском. — У меня совершенно случайно есть список. По-хорошему, его у меня быть не должно, но кое-кто помнит про старый должок. Услуга за услугу. Заговор молча-

ния! — Она лукаво подмигивает, насколько это возможно при таком слое туши.

Феликс не спрашивает, что за старый должок: пока Эстель на его стороне, все в порядке. Он буквально впивается взглядом в список. Сэл О'Нелли, есть. Тони Прайс, есть. И кто бы вы думали? Старина Лонни Гордон, бессменный председатель совета директоров Мейкшавегского театрального фестиваля, но теперь он еще управляет консалтинговой компанией и возглавляет местный комитет по привлечению финансов.

— Смотрю, Сиберт Стэнли тоже хочет приехать, — говорит Феликс. — С чего бы вдруг?

— Ходят слухи… на самом деле не просто слухи… что он метит в лидеры партии. Будет продвигать свою кандидатуру на съезде в июне. У него благонадежное происхождение и много денег.

— Сэл тоже метит в партийные лидеры, — говорит Феликс. — Всегда был честолюбивым. Мы с ним вместе учились в школе. Он уже тогда был изрядным мерзавцем. Стало быть, у них конкуренция?

— Конкуренция — еще мягко сказано, — говорит Эстель. — Хотя в определенных кругах Сиберта за глаза называют «вялым членом». Считается, что у него нет яиц, прошу прощения. — Она хихи-

кает, упиваясь своей испорченностью. — С другой стороны, Сэл О'Нелли нажил немало врагов. Как о нем говорят, он использует людей, а когда они больше ему не нужны, без зазрения сбрасывает их под поезд.

— Я заметил, — говорит Феликс.

— Но у многих из тех, кого он расплющил, есть влиятельные друзья. Их возмущает подобный подход. Так что шансы примерно равны. Я бы сказала, что эти двое идут корпус в корпус.

— А наш славный Тони? — спрашивает Феликс. — Кого он поддерживает?

Конечно, Тони не упустит свой шанс. Он бросится всем своим весом на тонущего кандидата и утянет его на дно, а другого за волосы вытащит на берег. А потом стребует награду с того, кто выплывет.

— Пока непонятно, — говорит Эстель. — Он основательно вылизал башмаки им обоим. По моим сведениям.

— Да, язык у него смазан, — говорит Феликс. Он ведет пальцем по списку. — Кто такой Фредерик О'Нелли? Родственник министра?

— Сын Сэла, — говорит Эстель. — Нерадивый сыночек. Окончил аспирантуру в Национальной театральной школе, сейчас стажируется в Мейк-

шавеге. Сэл попросил Лонни пристроить его на фестиваль, потому что хоть господин министр и не одобряет, но не может отказать сыну. Молодой человек бредит театром, не мыслит жизни без театра. Удивительно, если учесть, что его папа далек от искусства. Сэлу все это — как кость поперек горла.

— Он считает, что может играть? — говорит Феликс. — Этот мальчишка?

Черт знает что! Заносчивый мелкий засранец из золотой молодежи думает, что сумеет пробраться в театр, пользуясь связями и покровительством папеньки. Загадай желание, и Голубая фея превратит тебя в настоящего актера. Скорее всего, у него театральный талант как у вареной свеклы.

— Он не играет, — говорит Эстель. — Он хочет стать режиссером. Он очень настаивал, чтобы его взяли на премьеру. Он видел ваши предыдущие постановки. Я знаю, что эти записи не предназначены для широкого просмотра, но я их ему показала… втихаря… Он считает, что ваши спектакли — я цитирую — гениальны. Он говорит, что ваша программа очень оригинальная, передовая. Что это блестящий пример театра для людей.

Феликс решает, что парень, похоже, не такой

безнадежный.

— Но он не знает, что я — это я? — спрашивает он. — Он не знает, что я… Феликс Филлипс? — Он чуть было не сказал *тот самый* Феликс Филлипс, но вовремя сообразил, что, наверное, уже не котируется как *тот самый*.

Эстель улыбается.

— Я молчала как рыба. Все эти годы. Я сохранила ваш секрет и даже добавила вам маскировки. Насколько им известно — нашим высоким гостям, — вы чудаковатый учитель на пенсии, потрепанный жизнью старый неудачник по имени мистер Герц. Я позаботилась, чтобы эта история разошлась по министерству, и у них не возникло и тени сомнения, потому что кто, кроме старого неудачника на пенсии, стал бы возиться с театральными постановками в исправительной колонии? Может, еще по мартини?

— Непременно! И закажем жареных кальмаров, — говорит Феликс. — Гулять так гулять! — Сколько он уже выпил? Феликс чувствует себя превосходно: присутствие сына Сэла вносит в их предприятие весьма интересный оттенок. Во всяком случае, Феликс на это надеется. — Вы самая лучшая, — говорит он Эстель. Как получилось, что они держатся за руки? Он пьян? — Лучшая в

мире госпожа Удача.

— Я всегда с вами, — говорит она. — Образно говоря, вы тот парень, с которым я сюда пришла. Помните, в Мейкшавеге, лет пятнадцать назад? Прекрасная постановка «Парней и куколок».

— Это было еще до меня, — говорит Феликс, — но я когда-то играл в «Парнях и куколках». По молодости.

— Вы до сих пор молоды, — выдыхает она. — Молоды сердцем.

— Но вы моложе, — говорит он. — Моложе, чем весна. — Да, он пьян. — Госпожа Удача может быть милой дамой.

Они чокаются.

— Весьма милой дамой, — говорит она, — если со мной подружиться. — Она отпивает мартини. Не глоточек, а целый глоток. — Я не знаю, что вы задумали, но вид у вас хитрый. Если речь о спасении нашей программы, я вас полностью поддержу. И если нужно, прикрою.

32. Феликс обращается к нечисти

Среда, 13 марта 2013

День настал. Сегодня все решится. Феликс стоит на краю утеса. Буря грянет уже совсем скоро. Но сперва — речь перед битвой.

В гримерной он поправляет волшебную мантию. Она мало походит на то, что он задумал тогда, двенадцать лет назад, но спрей с золотой краской возвращает плюшевых зверей к жизни. Он берет трость с головой лисицы в левую руку, затем перекладывает в правую. Смотрится в зеркало: очень неплохо. *Величественный и властный*, вот два прилагательных, что приходят на ум. При условии, что зритель доброжелателен. Феликс приглаживает бороду, слегка разлохмачивает шевелюру, еще раз поправляет мантию, смотрит на свои зубы: они крепко стоят на месте.

— Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали, — говорит он своему отражению.

Проходя по коридору, он заглядывает во вторую гримерную, чтобы убедиться, что виноград уже стоит на столе. Перед тем как поехать во Флетчер, он все утро впрыскивал загадочное вещество в

каждую виноградину с помощью шприца. Виноград пропустили через проходную без единого слова: в конце концов, в нем нет ничего металлического. Таблетки с волшебной пыльцой фей он пронес в пузырьке из-под обезболивающего. Феликс сует руку в карман, просто чтобы лишний раз убедиться. Да, все в порядке.

Актеры уже собрались в классе. Анна-Мария в костюме Миранды: простое белое платье с широкими рукавами, сползающими с плеч, босые ноги, в волосах — бумажные маргаритки и розы. Маракас, Мачете, Бублик, Костыль и Рыжий Койот нарядились матросами. Их черные лыжные маски закатаны наподобие вязаных шапочек. Они одеты во все черное, как и все остальные в классе.

8Рукк сидит за ширмой, скрывающей стол с компьютером, микрофоном и двумя парами наушников: для него самого и для Феликса.

В классе чувствуется напряжение, знакомое Феликсу по стольким премьерным дням. Танцоры, ждущие за кулисами. Их ноги замерли в полушаге. Прыгуны в воду на краю трамплина. Уже согнули колени, уже подняли руки. Футболисты на поле за секунду до свистка к началу матча. Феликс ободряюще улыбается.

— Ну вот, — говорит он. — Мы все готовы. — Раздаются тихие аплодисменты. — Хочу вам напомнить, — продолжает он, — что сюда едут политиканы, которые хотят закрыть нашу литературно-театральную студию.

Тихие возгласы недовольства.

— Беда, — говорит Гнутый Грифель.

— Да, — говорит Феликс. — Они считают, что это напрасная трата времени. Что *вы* — напрасная трата времени. Им наплевать на наше образование. Они хотят, чтобы вы прозябали в невежестве. Им неинтересен мир воображения, они не понимают целительной силы искусства. Хуже всего: они думают, что *Шекспир* — это напрасная трата времени. Они думают, ему нечему нас научить.

— Совсем беда, — говорит Жучила Фил. Тайные указания Феликса, которые он отрабатывал с ними всю последнюю неделю, встревожили Фила. Он пытался возражать — законно ли то, что они затевают? — но большинство поддержало Феликса, и Филу пришлось согласиться. Однако Феликс не поставил его среди главной нечисти: у него могут сдать нервы, и тогда чары будут разрушены.

— Но вместе мы их остановим, — говорит Феликс. — Мы добьемся справедливости. То, что мы

сделаем с ними сегодня… мы дадим им причины задуматься и передумать. Мы им покажем, что театр — это мощный инструмент просвещения. Да?

Одобрительный шепот, кивки.

— Все верно, дружище, — говорит Костыль. — Чтоб их оспа схватила за горло! Пусть покроются волдырями!

Маракас говорит:

— Они, разрази их чума, дважды подумают, когда мы их прихватим за это самое.

— Да уж, прихватим, — говорит Рыжий Койот. — Эти тухлые крысы даже не поймут, что их прихлопнуло.

— Спасибо, — говорит Феликс. — Ладно, готовимся. Сначала матросы провожают их в зал, они садятся, вы предлагаете им напитки. В синих стаканчиках и зеленых. Не перепутайте цвета! Зеленые — О'Нелли-старшему и Лонни Гордону. Синие — Тони Прайсу и Сиберту Стэнли. Попкорн для всех. Запомните!

— И чаша с башней будет чашей с ядом, — говорит Гнутый Грифель. Никто не узнает цитату.

— Прозрачные стаканчики — для всех нас и для Фредди, — продолжает Феликс. — У всех есть черные перчатки? Отлично. Беспроводные на-

ушники? Хорошо. Старайтесь, чтобы их не было видно. Как только экран потемнеет, вставляйте наушники в уши, натягивайте маски, надевайте перчатки. Вы станете практически невидимками. Ориентируйтесь по разметке на полу, ее будет видно, когда 8Рукк включит невидимый свет. Бублик, мы рассчитываем на вас. Надо снять их охранные пейджеры.

— Не бойся: остров полон ловких рук, — говорит Бублик.

— Все будет именно так, как было на репетициях, — говорит Феликс. — Мы с 8Рукком засядем за ширмой. Слушайте наши указания. Нам будет вас слышно, так что если возникнут какие-то сложности, мы пришлем подкрепление. Пароль для вызова помощи: «Прековарное чудовище». Все ясно?

Они молча кивают.

— Надеюсь, никто не пострадает, — говорит Гнутый Грифель. Он не одобряет такой подход: насилие не его метод.

— Никто не пострадает, — говорит Феликс. — Если только они не будут сопротивляться. А они не будут сопротивляться. Но Маракас, Костыль и Рыжий Койот проследят, чтобы они не трепыхались. И придержат их, если нужно. Можно

держать, но не бить. Без чрезмерного применения силы, даже если очень захочется. Это понятно?

— Понятно, — говорит Маракас.

— Есть много способов, — говорит Рыжий Койот.

— Теперь: павильоны, — говорит Феликс. — Через полчаса гримерная превратится в пещеру Просперо. Демонстрационная камера пятидесятых станет участком, где Фердинанд собирает дрова, стало быть, младшего О'Нелли отводим туда. Анна-Мария за ним присмотрит: она знает, что делать.

— Вы уверены, что это этично? — говорит Анна-Мария. — Я знаю, у вас есть старые счеты со старшим О'Нелли, но его сын ничего вам не сделал.

— Мы уже обсудили этот вопрос, — говорит Феликс. — С ним ничего не случится. Не забывайте, что отчасти и его отец тоже испортил вам театральную карьеру двенадцать лет назад. Пальмы уже на месте, так?

— На месте, — говорит Чудо-Мальчик. — И пальмы, и русалка. — Он сидит хмурый: его не радует мысль о том, что Анна-Мария уединится с другим мужчиной.

— Вторая демонстрационная камера, которая

из девяностых, станет местом для отдыха Алонзо и Гонзало… прошу прощения, О'Нелли и Лонни Гордона, — говорит Феликс. — Там у нас кактусы. Важно не перепутать. Каждого следует поместить в отведенные им павильоны. Пока наши гости будут сидеть в зале, Мачете налепит на двери наклейки: пальму и кактус.

— Ясно, — говорит Маракас.

— Прекрасно. Самое главное — расчет времени. Злая нечисть, мы полагаемся на вас: без нечисти пьеса не состоится.

— И нам все сойдет с рук? — говорит Бублик. — А как же охрана?

— Они ничего не узнают, — говорит Феликс. — Штука в том, что высокие гости войдут в наше крыло без охраны. Один мой друг — очень влиятельный друг — все устроил. Пока мы будем развлекать политиканов в нашем интерактивном театре, все остальные будут смотреть наш фильм как обычно. Если кто-то услышит крики, — а их никто не услышит, — они решат, что это кричат по сценарию.

— Гениально,ептыть, — говорит Костыль. Никто не возмущается, что он ругнулся.

— Я бы не справился без Ариэля, — говорит Феликс. — Без 8Рукка. Он был… он был велико-

лепен. Как и все вы. — Он смотрит на часы. — Ну что же, пора начинать. Занавес поднимается. Ни пуха ни пера.

— К черту, к черту, к черту, — говорят они друг другу и стукаются кулаками. — К черту, брат. К черту, дружище.

— «Буря», акт первый, сцена первая, — говорит Феликс. — С самого начала.

33. Час настал

В тот же день

Группа гостей позирует фотографу у парадного входа во Флетчерскую исправительную колонию. Два потенциальных лидера партии — грудь колесом, улыбки во все тридцать два зуба — незаметно подталкивают друг друга, стремясь занять самое видное место на снимке. Остальные расположились вокруг.

Достопочтенный Сэл О'Нелли, министр юстиции; достопочтенный Энтони Прайс, министр культуры; достопочтенный Сиберт Стэнли, министр по делам ветеранов; и мистер Лонни Гордон, президент фирмы «Гордон Стратеджи», председатель совета директоров Мейкшавегского театрального фестиваля. В сопровождении Фредерика О'Нелли, сына министра О'Нелли.

Сэл с годами обрюзг и раздался; Тони, как всегда, элегантен, одет с иголочки. Волосы слегка поредели, но почти незаметно. Сиберт Стэнли всегда был похож на тюленя — маленькая голова, ушей практически нет, крошечные глазки, грушевидное тело, — и таковым и остался. Мо-

лодой человек, Фредди О'Нелли, достаточно привлекательный — темные волосы, белозубая улыбка, — но держится в стороне. Как будто ему не нравится компания, в которой он оказался, пусть даже в эту компанию входит его отец.

По бокам от центральной группы высокопоставленных гостей теснятся «другие официальные лица» из правительственных приспешников и администрация колонии в полном составе. Последние, вполне вероятно, наложили в штаны. Нечасто случается, чтобы их почтили визитом министры. На самом деле сегодня впервые.

Эстель на заднем плане, в тени. Она не любит выделяться на подобных мероприятиях, объяснила она Феликсу, но обещала обеспечить ему прикрытие: отвлекать внимание, успокаивать начальника колонии и сотрудников администрации, если они перенервничают. Они с Феликсом сверят часы, и она позаботится о том, чтобы два фильма включились одновременно.

— Считайте, что я здесь, чтобы всех умаслить, — сказала она. — Я буду следить, чтобы все шло как по маслу.

— Как мне вас отблагодарить? — сказал Феликс.

— Обсудим позже, — улыбнулась она.

Открывается дверь. Гости заходят внутрь. Дверь закрывается.

Феликс садится перед компьютером, спрятанным за ширмой.

— Переключитесь на микрофон Маракаса, — говорит он и надевает наушники.

Гул голосов. Высокопоставленные гости поочередно проходят через рамку на проходной. Правила едины для всех. Никаких исключений, вежливо объясняют Дилан и Мэдисон. Правильно, звучит голос Сэла О'Нелли. Вижу, что вы хорошо исполняете свои обязанности, ха-ха.

Все пребывают в приподнятом настроении. Феликс знает от Эстель, что они приехали во Флетчер прямиком с предвыборного банкета, где их, по всей видимости, хорошо принимали, и можно не сомневаться, что достопочтенные министры хлопнули по паре бокалов вина или даже чего покрепче. Теперь надо заехать в тюрягу к отбросам общества, выполнить свой общественный долг — и скорей по домам. Чем быстрее, тем лучше, потому что погода портится. Похоже, грядет снегопад. Может быть, даже метель. Помощники наших высокопоставленных особ уже наверняка нервно поглядывают на часы.

Сэл расслаблен и благодушен. Они согласились

на этот балаган в основном потому, что Фредди очень хотел приехать, а он, Сэл, убежден, что солнце светит из задницы Фредди, хотя предпочел бы видеть сына уважаемым адвокатом, а не лицедеем. Ладно, чем бы дитя ни тешилось. Побалуем мальчика. Но когда они вернутся в Оттаву, Сэл объявит о закрытии этой так называемой Литературной программы по повышению грамотности, что бы это ни значило. Тюрьмы предназначаются для наказания осужденных преступников, а вовсе не для того, чтобы за счет государства давать им бесплатное образование, тем более что они по природе своей не способны учиться. Как там говорится? Природа или воспитание, как-то так. Кажется, это из какой-то пьесы? Сэл отмечает в уме, что надо будет спросить у Тони. Он раньше был связан с театром.

Или лучше спросить у Фредди. Мальчик, конечно, расстроится, когда Сэл поставит ему условие: либо юридический факультет, либо мальчик лишается ежемесячного содержания, потому что хватит играть в игрушки. Пора начинать взрослую жизнь. Может быть, это сурово, но Сэл хочет для сына только самого лучшего. В театре мальчик растратит себя впустую, искусство — вообще тупиковый путь, который под чутким

руководством Тони и вовсе зарастет бурьяном, как прекрасно известно Сэлу.

— Мобильные телефоны надо оставить на вахте, — говорит Дилан Сэлу. — Сэр. Прошу прощения. Мы за ними присмотрим. Заберете их на обратном пути.

— Да, конечно, — говорит Сэл, — но я министр… — Он видит, как на него смотрит Фредди, и умолкает на полуслове. Сыну не нравится, когда Сэл использует свое служебное положение; хотя какой прок от служебного положения, если его не использовать? И все-таки он отдает телефон охраннику.

Мысли Тони заняты совершенно другим. Вот он, в компании двух кандидатов в партийные лидеры, Сэла и Сиберта, и оба хотят заручиться его поддержкой. Сэл считает, что Тони ему что-то должен, поскольку он помогал Тони с карьерой. Когда он вытеснил Феликса Филлипса, это было лишь первым шагом. С тех пор Тони унесся ввысь, словно шарик, надутый гелием. От жизни в театре к театру жизни, можно сказать и так, и Сэл был его лестницей в небо. Но зачем нужна лестница, когда ты уже наверху? Если ты не собираешься спускаться, то просто отпихиваешь ее ногой. Безусловно, для Тони было бы лучше поддержать

кандидата, которому он ничего не должен; который сам будет должником Тони. Как сбросить Сэла и склонить чашу весов в пользу Сиберта? Что предпринять в долгосрочной перспективе?

Отдав телефон, Сэл выворачивает карманы, выкладывает на стол перочинный нож и пилочку для ногтей.

— Чист, как младенец, — говорит он охранникам. Происходит взаимный обмен улыбками. Ему на ремень прикрепляют охранный пейджер: не то что бы он вам понадобится, говорит Дилан, но никаких исключений, все посетители должны быть обеспечены охранным устройством. Сэр.

Тони проходит через рамку, подняв руки вверх. Он откровенно дурачится, но вполне вежливо. Сиберт предельно серьезен. Проходит с каменным лицом через рамку и приглаживает волосы на своей крошечной голове. Лонни задумчив и печален, как будто его удручает сам факт, что в мире есть КПП, службы охраны и тюрьмы. Фредди явно робеет: он попал в незнакомый мир, о котором не то чтобы не знал, но не слишком задумывался.

Как только достопочтенные гости проходят через КПП, из-за угла коридора, как по команде, появляется группа людей, одетых… кем же?

Пиратами?

— Приветствую вас, благородные господа, — говорит тот, кто идет впереди. — Приветствую вас на борту славного корабля под названием «Буря». Я здешний Боцман, а это мои матросы. Мы отвезем вас по морю на пустынный остров. Не беспокойтесь, если услышите странные звуки. Это все по сценарию. У нас не обычный театр, а интерактивный. Экспериментальный. Мы вас заранее предупреждаем. — Он склоняется в легком поклоне. — Прошу за мной.

— Ведите, — говорит Сэл. Может быть, это будет даже забавно. Он помнит о том, кто эти люди: осужденные преступники, — но начальник колонии и охранники стоят рядом и улыбаются.

Начальник колонии говорит:

— Встретимся по окончании фильма. Приятного вам просмотра. Мы тоже будем смотреть, наверху.

— Надеюсь, вы хорошо проведете время, — говорит Эстель, как ее там. Ее дед был сенатором, Сэл ее видел на многих светских мероприятиях, она председательствует в каком-то общественном комитете или вроде того. Сейчас она улыбается и машет рукой, как будто провожает их в плавание. Значит, все хорошо, и Сэл идет следом за

Боцманом по коридору.

Тони и Сиберт отстают от него лишь на пару шагов. Лонни с Фредди идут следом за ними. Шествие замыкают трое матросов, которые разбрасывают на ходу — что это? — синее блестящее конфетти.

— Это капли воды, — поясняет Боцман. — На море шторм, да?

— Ага, понятно, — говорит Сэл. Что за шалости в тюрьме? Этих людей поместили сюда отбывать наказание, а они тут вовсю развлекаются.

Дверь у них за спиной закрывается и запирается с легким щелчком. Разумеется, думает Сэл. Охранные системы работают безотказно. Он чувствует себя в безопасности.

Вдалеке гремит гром.

— Господа, прошу сюда, — говорит Боцман.

— Отлично, Маракас, — шепчет Феликс в микрофон и снова смотрит на часы.

На стене в комнате, куда их привели, висит большой плоский телевизор. Матросы, одетые в черное, встречают гостей и провожают их на места, показывая жестами и поклонами, куда нужно сесть. Четверо матросов разносят напитки в зеленых и синих пластиковых стаканчиках. К напиткам прилагаются маленькие пакетики

попкорна. Очень уютно, почти по-домашнему. Трое министров и Лонни садятся в первом ряду; матросы молча рассаживаются у них за спиной.

Феликс смотрит на экран и видит Бублика в середине второго ряда. Сидит, улыбается с отсутствующим видом. Его ловкие пальцы спрятаны в рукавах, готовые выкрасть охранные пейджеры, как только погаснет свет.

Где все остальные сопровождающие? — думает Сэл. А, точно. Наверху, вместе с начальником колонии и прочими. И эта Эстель… привлекательная женщина. Одевается слишком ярко, но у нее хорошие связи. Надо будет как-нибудь пригласить ее на обед. Сэл откидывается на спинку стула. Он слегка пьян. На банкете их хорошо угостили.

— Ну что, они собираются начинать? — говорит он Тони и смотрит на часы. — Хоть часы не заставили снять, — улыбается он и запускает пальцы в пакетик с попкорном. Очень соленый. Как раз как он любит. Сэл отпивает имбирного эля из зеленого пластикового стаканчика. Ему хочется пить. Неплохо придумано с имбирным элем. Жалко, он безалкогольный.

Фредди сидит в третьем ряду, рядом с Анной-Марией.

— Привет, — говорит он. — Я Фред О'Нелли. А вы, наверное, Миранда? В пьесе?

— Да. Анна-Мария Гринленд, — говорит она.

— Правда? — говорит Фредди. — Та самая Анна-Мария? Вы же… вы танцевали в «Кидд Пивот»?

— Да, — говорит Анна-Мария.

— Потрясающе! Я смотрел ваше видео тысячу раз! Как режиссеру, мне бы хотелось добавить в спектакли больше движения, объединить разные виды зрелищного искусства…

— Вы режиссер? — говорит Анна-Мария. — Круто!

— Ну, не совсем режиссер, — говорит Фредди. — В смысле, у меня еще нет своих собственных, самостоятельных постановок. Я пока только учусь. Но я иду к цели.

— За то, чтобы скорее дойти до цели, — говорит Анна-Мария, приподнимая прозрачный пластиковый стаканчик. Фредди приподнимает свой. Он смотрит прямо в ее голубые глаза и не может отвести взгляд.

— Шикарное платье, — говорит он. — Именно такое, как… — Теперь его взгляд прикован к ее голому плечу.

— Спасибо, — говорит она, слегка приподнимая рукав, но не настолько, чтобы закрыть плечо. — Я

его сшила сама.

Из-за ширмы в углу классной комнаты доносится троекратный резкий стук: это Феликс стучит по полу тростью с серебряной головой лисицы. Указательный палец 8Рукка завис над кнопкой воспроизведения. В свете от компьютерного экрана его худое лицо обретает черты проказливого эльфа.

Феликс тревожно вглядывается в темноту: где его собственная Миранда? Вот она, тускло мерцает за левым плечом 8Рукка.

Час настал, шепчет она ему.

34. Буря

Свет в зале гаснет. Зрители умолкают.

НА БОЛЬШОМ ТЕЛЕЭКРАНЕ: *Надпись готическими буквами желтого цвета на черном фоне:*

БУРЯ
Уильям Шекспир
с участием актеров
Флетчерской исправительной колонии

НА ЭКРАНЕ: *Плакат с надписью от руки. Плакат держит Рассказчик, одетый в короткий бордовый бархатный плащ. В другой руке у него перо.*

НА ПЛАКАТЕ: ВНЕЗАПНАЯ БУРЯ

РАССКАЗЧИК:
Что бы вы хотели посмотреть?
Извольте бурю в море лицезреть:
Ветры гулко завывают, матросы шум на судне поднимают,
Средь пассажиров спор идет, который ни к чему не приведет.

Крики как в страшном сне уже слышны.
Однако здесь все не так, каким представляется.

(Ухмыляется)

Итак, представление начинается.

Взмах пером. Смена кадра: Гром и молния в грозовой туче, нарезка кадров из документального фильма об ураганах. Кадры с бушующим морем. Кадры с дождем. Вой ветра.

Камера дает крупным планом кораблик-игрушку для ванны, покачивающийся на синей пластиковой занавеске для душа с нарисованной на ней рыбкой. Волны создаются движением рук под занавеской.

Далее идет Боцман крупным планом, в черной вязаной шапочке. Из-за кадра на него обрушивается вода. Он вымок до нитки.

БОЦМАН: А ну-ка, парни, взялись, а не то сядем на мель!
Пошевеливайтесь, братцы!
Веселей! Веселей!
За работу!
Убрать паруса!
Живо! Живо!
Сразимся с бурей!

А то все пойдем рыбам на корм!

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Мы все утонем!

БОЦМАН: Прочь отсюда! Не до вас!
Вода, выплеснутая из-за кадра, бьет его прямо в лицо.

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Однако, любезный, не забывай, кто на твоем корабле! Особы королевской крови!

БОЦМАН: Волнам-то все равно!
Дождь идет, ветер ревет,
А вы только путаетесь под ногами
И мешаете нам работать!

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Вы пьяны!

БОЦМАН: Какой дурак!

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Господь, помилуй нас!

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Мы тонем! Тонем!

Крупный план: Ариэль в синей купальной шапочке и горнолыжных очках с зеркально-радужным стеклом. Нижняя часть лица выкрашена синим гримом. На нем дождевик из полупрозрачного полиэтилена, разрисованный пчелами, бабочками и божьими коровками. За его левым плечом стоит

причудливая тень. Он беззвучно смеется, поднимает над головой правую руку в синей резиновой перчатке. Сверкает молния, гремит гром.

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Помолимся!

БОЦМАН: Что вы сказали?

ГОЛОСА ЗА КАДРОМ: Идем ко дну! Мы тонем!
Погибнем вместе с королем!
Прыгайте в воду! Плывите к берегу!

Ариэль запрокидывает голову и раскатисто смеется. В обеих руках, затянутых в синие резиновые перчатки, вспыхивают и гаснут огни мощных фонариков. Экран выключается.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Что такое?
ДРУГОЙ ГОЛОС: Электричество отрубилось.
ЕЩЕ ОДИН ГОЛОС: Наверное, где-то метель. Повредило линию передачи.

Полная темнота. Непонятные звуки снаружи. Крики. Выстрелы.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Что происходит?
ГОЛОС СНАРУЖИ: Заблокировать входы и выходы!
ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Кто здесь главный?

Еще три выстрела.

ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ:

Не двигаться! Всем оставаться на своих местах! Сидеть тихо, не дергаться! Голову не поднимать!

35. Но пышно, чудно превращен

Рука в черной шерстяной перчатке закрывает Фредди глаза, потом ему на голову натягивают капюшон, хватают под локти и поднимают со стула.

— Какого хрена? — кричит он. — Отпустите меня!

— Ты прыгаешь за борт, — говорит голос. — Опустел весь ад, и дьяволы все тут!

— Это бунт. — Голос Тони. — Сохраняйте спокойствие. Не провоцируйте их. Жмите на кнопку на пейджере. Черт…

— На каком пейджере? — Голос Сиберта. — Его нет!

— Погодите! — кричит Фредди. — Отпустите меня! Зачем вы меня сжимаете? Ой! — Его голос удаляется в направлении коридора.

— Фредди! — Крик Сэла. — Что вы делаете? Это мой сын! Я вас убью! Приведите его обратно!

— Заткнись. — Голос из темноты. — Чума их разрази, как воют! Руки за голову! Голову на парту! Быстро!

Дверь открывается, закрывается.

— Его взяли в заложники! — кричит Сэл. —

Фредди!

Звук выстрела.

— Его убили! — воет Сэл.

— Вы идете с нами, — говорит голос. — Вставайте. Быстрее. Вы тоже.

Звуки возни.

— Я ничего не вижу! — Сэл, в панике.

— Вы за это заплатите! — Голос Тони холоден и спокоен.

Рев ветра и волн нарастает, заглушая все голоса. Грохочет гром. Испуганные крики:

— Мы тонем! Господь, помилуй нас! Мы тонем! Тонем!

Фредди скрутили руки за спиной и тащат куда-то в темноту; его ведут двое.

— Вы совершаете большую ошибку, — говорит он. — Давайте поговорим. Мой отец — министр… — Рука зажимает ему рот через капюшон.

— Да, мы знаем, кто твой отец. Министр юстиции. Чтоб его оспа схватила за горло! Черт его задери! Да он, наверное, уже мертв.

— Сдох, как собака.

— Да. Закопали, и делу конец.

Фредди пытается заговорить, но чья-то рука зажимает ему рот.

Звук открывающейся двери. Фредди толкают

внутрь. Чьи-то руки давят ему на плечи, заставляя сесть.

Звук закрывающейся двери. Можно ли снять капюшон? Да, его руки свободны.

Теперь Фредди видит, куда его привели. Тюремная камера, освещенная единственной лампочкой под потолком. Он сидит на койке, застеленной колючим серым одеялом. Стены украшены неумелыми вырезками из бумаги: пальмы, морские раковины, кальмар. В углу — куча пластмассовых деталек конструктора «Лего». Ужасный рисунок с морским берегом с каким-то чудовищем, отдаленно напоминающим русалку. Поза, как у красоток с плакатов. Огромные сиськи, волосы из зеленых водорослей. МОРСКАЯ НИМФА — написано под рисунком.

Что происходит? В тюрьме бунт? Они убили его отца, а его самого взяли в заложники? И держат в камере с бумажными пальмами и «Лего»? Что за бред?

И самое главное: не напрудил ли он в штаны? Все-таки нет. Слава богу. Хорошо, что в камере есть туалет. Он едва успевает сделать свои дела, как из крошечного динамика под потолком рядом с душем раздается музыка. Песня. Поют на два голоса, или на три?

Отец твой спит на дне морском.
Кораллом стали кости в нем.
Два перла там, где взор сиял.
Он не исчез и не пропал,
Но пышно, чудно превращен
В сокровища морские он.
Вот похоронный слышен звон.
Динь-дон, динь-дон.
Спи, спи, спи, терпи,
Пышно, пышно, пышно,
Чудно, чудно, чудно…

Барабаны, звуки флейты. Что за черт? — думает Фредди. Песня из «Бури». Это какая-то странная шутка? Они будут проигрывать эту песню без остановки, пока он не сойдет с ума? Он слышал об этой пытке. Действительно можно повредиться умом. Они пытаются сломить его дух? Но зачем?

Музыка умолкает, открывается дверь. В камеру входит Анна-Мария Гринленд, по-прежнему одетая в это потрясающее белое платье со сползающими рукавами. Она манит Фредди в дальний угол и делает знак, чтобы он наклонил голову.

— Извини, что все так получилось, — шепчет она ему в ухо. — С тобой все в порядке?

— Да, но…

— Тсс! Тут повсюду «жучки», — шепчет она. — Микрофон в лампочке. Делай, что я говорю, и все будет хорошо.

— Что происходит? — спрашивает Фредди. — Это бунт? Где мой отец? Его убили?

— Не знаю, — говорит она. — Тут есть человек… он сумасшедший. Больной на всю голову. Считает себя Просперо. В смысле, на самом деле. Он воспроизводит «Бурю», и теперь ты Фердинанд.

— Ни хрена, — говорит Фредди. — Что за…

— Тсс! Главное, не отходи от сценария. Я принесла текст, твои реплики выделены маркером. Читай их под лампочкой, чтобы он тебя слышал. Иначе он может распсиховаться. Его очень легко рассердить.

— Ты с ним заодно? Почему ты…

— Я просто пытаюсь тебе помочь, — говорит Анна-Мария.

— Кто он, этот псих? — говорит Фредди. — И кстати, спасибо. Надеюсь, у тебя не будет неприятностей.

— Не больше, чем обычно, — говорит Анна-Мария. — Он сумасшедший, и сейчас это самое важное. Не надо его злить. Начни отсюда.

Фредди читает:

Мой дух как бы во сне и точно связан.
Мне смерть отца, бессилие мое,
Друзей погибель и угрозы эти
Легко снести. Когда б я только мог
В окно моей темницы в день хоть раз
Ее увидеть, остальной весь мир
Отдам свободе, а с меня довольно
Такой тюрьмы![9]

— Неплохо, — говорит Анна-Мария. — Может быть, чуть больше чувства. Притворись, будто влюбляешься в меня.

— Может быть, я и вправду влюбляюсь, — говорит Фредди. — Ответь мне, чудо!

— Отлично, — говорит Анна-Мария. — Продолжай в том же духе!

— Нет, я серьезно, — говорит Фредди. — Ты замужем? У тебя кто-то есть?

Анна-Мария тихонько смеется.

— Это ты интересуешься, девственница ли я? По сценарию так и положено, да?

— Я сейчас не по сценарию. Есть или нет?

— Нет, — говорит она, глядя ему прямо в глаза. — На самом деле, нет.

---

[9] Примечания: 9
«Буря», акт 1, сцена 2.

— Значит, ты не возражаешь, если я в тебя влюблюсь?

— Наверное, нет, — говорит Анна-Мария.

— Потому что мне кажется, я уже влюбился. — Он берет ее за руку.

— Осторожнее, — шепчет она, высвобождая руку. — Вернемся к сценарию. — Она подталкивает его ближе к лампочке, стискивает ладони, с обожанием смотрит на Фредди и говорит: — В природе я лучше не видала ничего!

— О глупая! — гремит голос в динамике. — В сравненье с большинством он — Калибан, другие — боги!

— Что я тебе говорила? — шепчет Анна-Мария. — Больной на всю голову! Кстати, ты играешь в шахматы?

36. Мы исходили целый лабиринт

Министра юстиции О'Нелли, министра культуры Прайса, министра по делам ветеранов Стэнли и Лонни Гордона из «Гордон Стратеджи» грубо, без всякого уважения выводят из комнаты, заломив им руки за спину. Не видно ни зги: кругом кромешная тьма, только какие-то белые отметки слабо светятся на полу.

Куда их ведут? Кто их ведет? Непонятно. Одетые в черное фигуры сливаются с темнотой. Свистит ветер, ревут волны, грохочет гром. Кричать бесполезно. Голоса тонут в грохоте бури. Что говорили бы эти четверо, если бы их было слышно? Выкрикивали бы ругательства, умоляли, кляли злую судьбу, грозились бы карами на головы своих обидчиков? Всего понемножку, думает Феликс, слушая рев бури в наушниках.

Процессия заворачивает за угол. Еще один поворот. И еще. Их что, водят по кругу?

Грохот бури становится оглушительным, потом вдруг умолкает.

Слышится звук открываемой двери. Пленников толкают внутрь. Здесь тоже темно, где бы ни было это «здесь». Проходит две-три секунды, и

зажигается верхний свет: теперь видно, что это камера с двумя двухэтажными койками. Стены оклеены силуэтами кактусов, вырезанных из простой упаковочной бумаги.

Пленники переглядываются. Потрясенные, серые лица.

— По крайней мере, мы живы, — говорит Лонни. — И на том спасибо.

— Да уж, — говорит Тони, закатив глаза.

Сиберт Стэнли пробует открыть дверь: дверь заперта. Он приглаживает жидкие волосенки на крошечной голове и смотрит в забранное решеткой окошко, выходящее в коридор.

— Там темно, — говорит он.

— Я слышал выстрел. Они застрелили Фредди, — говорит Сэл и опускается на ближайшую нижнюю койку. Сидит, весь поникший. Совершенно убитый. — Я слышал. Я слышал выстрел. Моя жизнь кончена! — Он обнимает себя за плечи и начинает раскачиваться из стороны в сторону.

— Я уверен, что Фредди жив, — говорит Лонни. — Зачем им его убивать?

— Затем, что это не люди, а звери! Животные! — Голос Сэла срывается на крик. — Их в клетках надо держать! Их надо, на хрен, всех поубивать!

— Вместо того чтобы тратить бюджетные день-

ги на образовательные программы для этих скотов, — говорит Тони холодно и спокойно. — Например.

— Может быть, они стреляли в кого-то другого, — говорит Лонни. — Или просто стреляли. Я думаю, надо надеяться на лучшее. Пока не узнаем наверняка.

— Какое «на лучшее»? — стонет Сэл. — Я потерял Фредди! Моего мальчика! — Он закрывает лицо руками. Слышны приглушенные рыдания.

— И что теперь? — говорит Сиберт Тони вполголоса.

— Пока подождем, — отвечает Тони. — Выбора все равно нет.

— Ему надо взять себя в руки, — говорит Сиберт, кивая на Сэла. — А то как-то неловко. Будем надеяться, компетентные органы уже приняли меры, и нас скоро вызволят. — Он прислоняется спиной к стене и рассматривает свои пальцы.

— Не знаю, кто это затеял, — говорит Тони, меряя шагами камеру. Десять шагов в одну сторону, десять — в другую. — Но если они действительно застрелили этого парня, то полетят головы.

— Выше голову, министр О'Нелли, — говорит Лонни Сэлу. — Могло быть и хуже! Мы живы. Не ранены. Сидим в теплой камере…

— Ну, все. Завелся, — говорит Тони Сиберту вполголоса. — Это надолго. А мы, как обычно, рискуем умереть от скуки.

— Если бы я реформировал пенитенциарную систему, — продолжает Лонни, — я бы дал заключенным больше свободы. Чтобы они выбирали, чем заниматься. Чтобы они самостоятельно принимали решения. Например, выбирали собственное меню. Может быть, даже готовили себе сами. Это может им пригодиться в жизни.

— Мечты, мечты, — говорит Тони. — Они бы подсыпали в суп отраву при первой возможности.

— Я вас очень прошу, — говорит Сэл. — Помолчите. Сейчас не лучшее время для таких разговоров.

— Я просто пытался отвлечь вас от мрачных мыслей, — говорит Лонни, оскорбленный в лучших чувствах.

— Я что-то устал, — говорит Сэл. Язык у него заплетается, голос звучит глухо. Он ложится на койку.

— Странно, — говорит Лонни. — Мне тоже сонно. Прилягу пока отдохну. Все равно делать нечего. — Он ложится на вторую нижнюю койку. И вот они оба уже крепко спят.

— Действительно, странно, — говорит Сиберт. — Я совсем не устал.

— И я тоже, — говорит Тони. Он подходит к спящим, чтобы проверить. — Спят как убитые. В таком случае я спрошу… — Он понижает голос. — Как вам видятся собственные перспективы на выборах? На сегодняшний день?

— Сэл меня опережает с большим отрывом, если судить по результатам опросов, — говорит Сиберт. — Я уже не уверен, что сумею его догнать.

— Как вы знаете, я поддерживаю вас, — говорит Тони.

— Да. Спасибо, — говорит Сиберт. — Я вам очень признателен.

— А если бы Сэл выбыл из выборной гонки, вы были бы лидером, так?

— Да. К чему вы клоните?

— Если кто-то стоит у меня на пути, — говорит Тони, — я просто сталкиваю их с дороги. Собственно, я так и поднялся. Для начала выжил Феликса Филлипса с Мейкшавегского фестиваля. Это был первый серьезный шаг к карьерному росту.

— Я понял, — говорит Сиберт. — Но я не могу убрать Сэла с дороги. На него нет компромата. Никаких рычагов давления. Поверьте, я букваль-

но рыл землю, но ничего на него не нарыл. Во всяком случае, ничего, что можно доказать. А теперь, когда его сына убили во время тюремного бунта… Он выедет на одном только сочувствии избирателей.

— Да, бунт, — говорит Тони. — Вот ключевое слово.

— Что вы пытаетесь мне сказать?

— Что происходит во время бунтов? Люди гибнут. И концов не найдешь.

— Я не понимаю… вы хотите сказать… — Сиберт нервно пощипывает мочку уха.

— Позвольте, я объясню, — говорит Тони. — Лет двести назад мы бы воспользовались ситуацией: избавились бы от Сэла и свалили все на бунтовщиков. Да, пришлось бы избавиться и от Лонни: свидетели нам не нужны. Но в наше время подрыв репутации удвоит эффект.

— Например?

— Чего ждут от лидера? — говорит Тони. — Лидерских качеств. Мы могли бы поведать миру — скрепя сердце, понятное дело, — как Сэл раскис в кризисной ситуации. Как раз перед смертью. Его утопили в сортире. Суровый министр юстиции в руках уголовников. Чего еще ждать от отбросов общества?

— Но он не раскис, — говорит Сиберт. — То есть не то чтобы очень. И его не утопили в сортире.

— Допустим, мы с вами — единственные свидетели, — говорит Тони. — Никто ничего не узнает.

— Вы же не предлагаете… — в ужасе произносит Сиберт.

— Считайте, что это всего лишь теория, — говорит Тони, глядя на Сиберта в упор. — Мысленный эксперимент.

— Ладно. Я понял. Мысленный эксперимент, — говорит Сиберт. — И в этом мысленном эксперименте… А как же Лонни? — У него дрожит голос. — Нельзя же просто…

— В этом мысленном эксперименте у Лонни случился бы обширный инфаркт, — говорит Тони. — Кстати сказать, все к тому и идет. Мы могли бы использовать в этом мысленном эксперименте… ну, скажем, подушку. Если врачи установят смерть от удушья, опять же, все можно будет свалить на бунтовщиков. Очень жаль, что все так получилось, но чего еще ожидать от уголовников? Они импульсивны, они не умеют справляться с гневом. У них природная предрасположенность к насилию.

— Неплохой мысленный эксперимент, — говорит Сиберт.

— Мы все записали? — спрашивает Феликс, сидящий за ширмой перед экраном компьютера. — Они выступили даже лучше, чем я ожидал! — Тони верен себе. Наверняка он обдумывал это предательство уже довольно давно, и вот ему подвернулся удобный случай. Положение опасное.

— Записано в лучшем виде, — говорит 8Рукк. — И звук, и картинка.

— Отлично, — говорит Феликс. — Надо поторопиться, пока они не придушили Лонни подушкой. Жмите на кнопку, играйте побудку. Какую вы выбрали музыку для пробуждения? — Выбор музыки для волшебного острова он предоставил 8Рукку, как, вероятно, и было с Просперо и Ариэлем, хотя Феликс скачал и принес все запрошенные композиции.

— «Металлика». «Верхом на молнии». Громкая штука.

— Мой ловкий дух! — говорит Феликс.

— Господи! — говорит Сэл, резко садясь на койке. — Что это было? Трубы Судного дня?

— Что происходит? — говорит Лонни, потирая глаза.

— Я слышал крики, — говорит Тони. — Мятежники… похоже, они снова разбушевались.

Приготовьтесь! Хватайте подушки. Держите их перед собой, если вдруг будут стрелять!

— Башка гудит, — говорит Сэл. — Словно с похмелья. Я не слышал никаких криков.

— Я слышал только какое-то жужжание, — говорит Лонни.

37. Власть чар не лжет

Дверь открывается. В коридоре включается свет.

— И что теперь? — говорит Тони.

— Это ловушка, — говорит Сэл.

Лонни осторожно подходит к двери, выглядывает в коридор.

— Там никого нет, — говорит он.

— Теперь давайте печальную музыку, — говорит Феликс 8Рукку. — Из гримерной. Ваза с виноградом на месте?

— Должна быть. Сейчас посмотрю, — говорит 8Рукк, глядя на экран. — Да, вижу. На месте.

— Нечисть хорошо поработала, — говорит Феликс. — Надеюсь, люк под вазой исправен.

— Мы проверили, все работает, — говорит 8Рукк. — Для этой сцены я выбрал песню Леонарда Коэна. «Птичка на проводе». Только замедленная в два раза. Сам записал ее на синтезаторе.

— Отличный выбор, — говорит Феликс.

— Виолончель и терменвокс на заднем плане, — говорит 8Рукк. — Медленно и печально.

— То, что нужно, — говорит Феликс. — Я уже

предвкушаю. Включайте.

— Откуда-то из конца коридора, — говорит Сиберт.

— Это же «Птичка на проводе»? — говорит Тони.

— Они издеваются, — говорит Сэл.

— «Я пытался вырваться на свободу», — говорит Лонни. — Может быть, это сообщение от кого-то, кто пытается нам помочь. Наверное, надо сходить посмотреть. Всяко лучше, чем просто сидеть на месте.

— Почему бы и нет? — говорит Сиберт, кусая ноготь на указательном пальце.

— Пусть они идут первыми, — шепчет ему Тони. — А то вдруг будут стрелять.

— Они вышли из камеры, — говорит 8Рукк. — Все четверо. Картинка из коридора не очень четкая, но вот они. Идут по коридору. Подходят к гримерке.

— Мне неприятно, что приходится впутывать Лонни, — говорит Феликс, — но ничего не поделаешь. Как бы там ни было, он сам связался с плохой компанией. Ему нацепили динамик?

— Да, — говорит 8Рукк. — На воротник. Динамик работает, все нормально. Когда надо будет

его включить, щелкайте мышью сюда.

Они наблюдают, как четверо мужчин на экране подходят к двери в гримерную. На стене по обеим сторонам двери наклеены вырезанные из бумаги силуэты — динозавр, инопланетянин, — как бы приглашающие войти внутрь.

— Прекрасный идиотизм, — шепчет Феликс себе под нос.

— Это что, детский сад? — говорит Сиберт. — Сначала пальмы, теперь вот это!

— Кто здесь начальник? — говорит Сэл. — Похоже, грядут кадровые перестановки! — Он трогает лоб тыльной стороной ладони. — Это динозавр? Как-то мне нехорошо. Кажется, у меня температура.

Но все четверо заходят внутрь.

— Что это? — говорит Тони. — Похоже на театральную гримерную. Ишь ты, даже ваза с фруктами! Хотя здесь один виноград. А где блюдо с печеньем и сыром?

— Красивая музыка, — говорит Лонни. — Это из «Волшебной флейты»?

— Какая разница? Мне надо поесть, — говорит Сэл. Его заметно пошатывает.

— Можно и поесть, — говорит Сиберт. — Берите виноград.

— Не ешь виноград, — говорит тихий голос рядом с ухом Лонни. Мужской голос, смутно знакомый.

— Что? — говорит Лонни. — Кто это? — Он щупает воротник, находит крошечный динамик. Пока остальные едят, Лонни стоит в стороне.

— Странный вкус, — говорит Сэл. — Наверное, лучше его не есть.

— Уже едим, — говорит Сиберт.

— Что-то мне плохо, — говорит Тони. — Мне надо сесть.

— Винограда достаточно, — говорит Феликс. — Похоже, уже подействовало. Вы знаете, что это за препарат? Которым я обогатил виноград?

— Всего понемножку, — говорит 8Рукк. — Глаз гадюки. Кетамин. Слюна. Грибы. Убойная штука, если все правильно забодяжить. Вштырит мгновенно, сейчас пойдет лютый приход. Я бы и сам не отказался.

— Давайте гром, — говорит Феликс.

Раздается оглушительный грохот, свет гаснет. Когда свет зажигается снова: ваза с виноградом исчезла. На стене дрожит зловещая тень: гигантская птица, машущая крыльями.

— Неплохо смотрится, — говорит Феликс 8Рук-

ку.

— Да, вы выбрали отличные крылья.

В скрытом динамике включается песня. Поют противно, но с чувством:

Вот три злодея,
Грехов своих не разумеют.
Но грехов у них – не сосчитать,
Даже не знаю, с чего начать.
Много гадостей учинили,
Чем изрядно меня огорчили,
Феликсу столько обид причинили,
Вот за что вас ума и лишили!
Сэл потерял сына. Жутко!
Это уже не шутка.
Причем это только начало,
Любой кары вам будет мало.
Покайтесь, изверги.
Еще не поздно.
Все еще можно исправить.
Если злодеи вину признают.
Злодеи… значит… вы.

— Где она? — говорит Тони. — Эта крылатая

тварь! Этот демон! Вот он! Там!

— Что я наделал? — говорит Сэл и плачет. — Лучше бы я умер! Вы слышали? Они убили Фредди. Это я виноват! Это расплата за то, что мы сделали с Феликсом!

— Это ужасно, — говорит Сиберт. — Нас отравили! Где мое тело? Я испаряюсь!

— Что на вас всех нашло? — говорит Лонни.

— Стих, конечно, убогий, но свое дело сделал, — говорит Феликс. — Вкупе с виноградом.

— Круто, — говорит 8Рукк. — Знатно они упоролись! Надо будет узнать, что еще было в том волшебном пакетике!

— Оставим их наедине с их кошмарами, — говорит Феликс, — и посмотрим, как дела у Фердинанда с Мирандой. Включайте запись. Чем они там занимались?

— Сейчас перемотаю, — говорит 8Рукк. — Так. Они собрали поленницу из «Лего», как вы велели. Потом, типа, признались друг другу в любви. Теперь играют в шахматы. Она говорит…

— Хорошо, — произносит Феликс. — Все по сценарию. Красивая пара. Приятно на них смотреть.

— Как будто у них все всерьез, — говорит 8Рукк. — Настоящая любовь, все дела. Так вдох-

новенно. Хотя картинка не очень четкая, — добавляет он.

— Достаточно четкая, — говорит Феликс. — Но вернемся в гримерку.

38. Нет отныне у меня ни капли недовольства

В гримерке все плохо.

Сэл свернулся калачиком на полу в дальнем углу. По щекам текут слезы; он весь — воплощение скорби. Похоже, он переживает некий инфернальный опыт с участием голого пола.

— Здесь темно. Здесь так темно, — бормочет он. — Почему так темно? Мне надо туда, где темно. Надо его разыскать!

Тони сражается с воздухом.

— Прочь! — кричит он. — Пошли прочь! Не подходите ко мне!

Сиберту, видимо, кажется, что по нему ползают насекомые или какие-то иные формы многоногой жизни.

— Снимите с меня эту пакость! — воет он. — Пауки!

Благоразумный Лонни забаррикадировался за столом, стараясь держаться подальше от происходящего.

— Вы уверены, что не переборщили с дозой? — спрашивает 8Рукк. — Когда заряжали виноград?

Как-то им совсем худо.

— Я сделал все по инструкции, — говорит Феликс. Он хотел видеть мучения врагов и получил что хотел. Но считаются ли мучения, вызванные наркотическими веществами? Долго ли это продлится? Какие будут побочные действия? — Сколько у нас до конца официального фильма? — спрашивает он. — Который идет в камерах и в кабинете начальника?

8Рукк смотрит на часы на экране.

— Осталась примерно треть, — говорит он.

— Надо ускориться, — говорит Феликс. — Выпускайте Стефано и Тринкуло.

— Они готовы и ждут, — говорит 8Рукк.

Дверь гримерной распахивается настежь. Пританцовывая, внутрь входят Рыжий Койот и Бублик в своих шутовских костюмах. Койот — в старом, потертом смокинге из секонд-хенда, Бублик — в красных фланелевых кальсонах и котелке, лихо сдвинутом набок.

— Я бы точно откинул коньки, если бы увидел такое под кайфом, — говорит 8Рукк.

— Гости, по-моему, тоже не рады, — говорит Феликс. И действительно: Сэл, Тони и Сиберт с испуганным видом пятятся к дальней стене.

— Смотри, — говорит Бублик, указывая на них

пальцем. — Чудовища! Чудовища! А какие вонючие! Так и несет старой, тухлой рыбой!

— Смердящие чудовища, — говорит Рыжий Койот. — Чую запах… коррупции!

— Вот бы их изловить да показывать на базаре, — говорит Бублик. — Слышишь? Что-то бормочут. Похоже, совсем сумасшедшие. Наркоманы. Отбросы общества. Обхохочешься, правда.

— Люди заплатят хорошие деньги, чтобы на них поглазеть, — говорит Рыжий Койот. — У министра юстиции нервный срыв, вызванный употреблением запрещенных веществ. Отличнейший заголовок для передовицы в центральной газете!

— Выпускайте ведьминых отродий, — говорит Феликс.

— Вперед, — говорит 8Рукк.

Секундная пауза. В гримерную входит Калибан с двумя своими дублерами. Они сочинили новую песню специально для этого случая. 8Рукк нажимает на кнопку, включает музыку. Пространство взрывается ритмом. Вступает Калибан:

Чудовищем вы называли меня,
А сами в сто крат чудовищнее, чем я.
Вы воровали, обманывали, плутовали,

Вовсю взятки брали.

Кто вам не угоден, того пинками под зад,

Типа, сам черт вам не брат.

Вы меня называли грязным скотом,

Преступником и безмозглым бревном,

Но кто тут преступник – еще вопрос!

Деньги налогоплательщиков кто на себя растратил?

Кто у нас совесть утратил?

Кто тут чудовище,

Кто тут чудовище,

Кто тут чудовище – вот вопрос!

Вы чудовища, воры и лиходеи.

Как только родятся такие злодеи?!

Надо вас изловить и показывать на базаре,

Чтобы все честные люди узнали,

Какие вы пренеприятные чудовища!

Воры, обманщики, клеветники.

Мы знаем, какие за вами грехи!

— Демоны! — вопит Тони.

— Я чудовище, — завывает Сэл и прячет лицо в ладонях.

— Что им известно? — говорит Сиберт, диковато озираясь по сторонам. — Кто им сказал? Это были правомерные траты!

— Джентльмены, джентльмены! — призывает Лонни. — Держите себя в руках!

— Я понимаю, они законченные мерзавцы. И хотели закрыть нашу программу. Но даже мне кажется, что это слишком, — говорит 8Рукк. — Это не просто поганый трип. Они перепуганы до усрачки.

— Так и было задумано, — говорит Феликс. — В любом случае, они получили по заслугам.

— Вам их не жалко? — спрашивает 8Рукк.

Все это время Миранда маячила у него за спиной — смутная тень, подрагивающий свет, — но молчала: суфлировать было не нужно. Однако сейчас она шепчет: «Я б пожалел, будь человеком я». — Такая душевная, добрая девочка.

Слышал ли ее 8Рукк? Нет, но Феликс слышал.

— Уж если дух бесплотный им сострадает, — говорит он, — неужели я, подобный им, с такими же страстями и чувствами, не пожалею их сильней, чем ты?

— Мы вернулись к сценарию? — говорит

8Рукк. — Я сейчас должен сказать: «Я б пожалел, будь человеком я»?

— Не надо, — говорит Феликс. — Это я так, о своем. Но вы правы, довольно отмщения. Нет отныне у меня ни капли недовольства. Пора их вытаскивать. Выпускайте нечисть.

«Лечу за ними, господин, — шепчет Миранда. — Любишь ты меня иль нет?»

39. Весело, весело

Толпа одетой в черное нечисти ведет пленников по коридору — в классную комнату, освещенную тусклым синеватым светом. Пленники более-менее успокоились: они не вопят, не заливаются слезами, не стонут и не рвут на себе волосы. Видимо, действие препаратов, содержавшихся в винограде, уже проходит.

Все остальные актеры уже собрались в классе. Все, кроме Анны-Марии, занятой с Фредди в их камере, и 8Рукка, который сидит за компьютером, скрытым за ширмой. Феликс тоже стоит за ширмой, ждет своего выхода.

Когда четверых высокий гостей учтиво усаживают за парты в переднем ряду — одетые в черное духи стоят над ними на случай, если кто-то из пленников попытается убежать, — 8Рукк включает барабанную дробь и трубный рев, гасит свет, зажигает золотистый прожектор, и… та-дам!

Феликс выходит из-за ширмы во всем своем чародейском великолепии. Он поднимает над головой трость с набалдашником в виде серебряной лисьей головы, призывая музыку стихий. Для этой сцены 8Рукк выбрал песню «Где-то над

радугой», сыгранную в минорном ключе на двух бас-саксофонах и виолончели.

— Торжественная музыка — вот лучший целитель для расстроенной души: кипящий мозг она тебе излечит, — зловеще произносит Феликс. Зажигается свет. — Благодарю за сердечное отношение, Лонни, ты единственный добрый и честный человек в этой шайке, ты хотя бы повел себя как порядочный человек. В отличие от Сэла и Тони. Особенно Тони.

Все четверо таращятся на него, словно он сумасшедший. Или словно они сумасшедшие.

— Феликс Филлипс? — говорит Сэл. — Я не сплю? Какими судьбами?

— Да, это я, — говорит Феликс. — Хотя здесь меня знают как мистера Герца.

— Ты так внезапно исчез, — говорит Лонни. — Я думал, ты умер.

— Что происходит? — говорит Сэл. — Что вы сделали с Фредди? Ты настоящий?

— Хороший вопрос, — говорит Феликс. — Возможно, я лишь колдовское видение, созданное волшебным островом. Со временем все прояснится. Добро пожаловать на мой остров, друзья!

Тони сверлит его яростным взглядом.

— Это ты все подстроил, — говорит он слегка

заплетающимся языком. Видимо, из-за остаточного воздействия наркотика. — Знаю я твои штучки. Ты всегда любил покрасоваться. Я сразу понял, что ты параноик. Еще тогда. Можешь попрощаться со своей драгоценной литературной программой. — Он делает паузу, пытаясь сосредоточиться. — В том винограде были наркотики, как я понимаю. За это ты тоже ответишь.

— Если с Фредди что-то случилось, — говорит Сэл, — ты ответишь по полной программе. Я выдвину обвинение в…

— Ничего не получится, — говорит Феликс. — Сэл, ты министр юстиции. Ты представляешь закон и справедливость. И я требую справедливости. Во-первых, пусть меня восстановят в моей прежней должности на Мейкшавегском фестивале. Меня уволили несправедливо, чтобы Тони занял мое место. Вы оба приложили к этому руку, как тебе хорошо известно.

— Ты сумасшедший, — говорит Тони.

— Сейчас речь не об этом, — говорит Феликс. — Опыт, который вы пережили, называется приобщением к искусству методом погружения. Именно так ты и скажешь, Сэл, на ближайшей же пресс-конференции: что участники Литературной программы Флетчерской исправительной

колонии проявили весьма интересный, творческий подход к созданию интерактивного театра, и, убедившись на собственном опыте во всех достоинствах этой программы, ты в полной мере оценил весь ее образовательный потенциал и намерен ее поддерживать всеми силами. Тони, будучи министром культуры, объявит, что программа гарантированно получает государственное финансирование еще как минимум на пять лет — финансирование в увеличенном объеме, что я подчеркиваю особо. После этого Тони уйдет в отставку. Избирателям можно сказать, что он уходит с государственной службы, чтобы посвящать больше времени семье. Что касается Сиберта: он по собственному желанию выйдет из предвыборной гонки.

— Бред сумасшедшего! С чего ты решил… — говорит Тони.

— Я записал все на видео, — говорит Феликс. — Все, что у вас происходило. Как Сэл рыдал, скорчившись на полу, явно в наркотическом угаре. Как Сиберт кричал, что он испаряется. Как ты, Тони, отбивался от невидимых демонов. Вы же наверняка не хотите, чтобы это видео появилось в интернете, а именно там оно появится, если вы не искупите свою вину и не выполните мои

требования.

— Так не поступают, — говорит Тони.

— Скажем так, пусть справедливость восторжествует, — говорит Феликс. Понизив голос, он обращается к Тони: — Кстати, я записал и тот примечательный разговор, который вели вы с Сибертом, пока Сэл с Лонни спали. Из него можно много узнать о лояльности.

— Я прикажу, чтобы здесь все обыскали. Мы найдем запись, мы ее уничтожим… — начинает было Тони, но Феликс не дает ему договорить.

— Побереги свой запал, — говорит он. — Видео уже загружено на облако. — Феликс блефует. На самом деле запись хранится на флешке, которая лежит у него в кармане. Но его голос звучит убедительно, и Тони сразу сникает.

— Похоже, у нас нет выбора, — говорит он.

— Я тоже так думаю, — говорит Феликс. — Сиберт?

— Делать нечего, — говорит Сиберт. — Ты нас обыграл.

— Я дал вам время и свободу действий, и вы ими распорядились по собственному усмотрению, — говорит Феликс. Потом обращается лично к Сэлу: — Вдобавок я требую условно-досрочного освобождения для моего техника по спецэффек-

там. С учетом всего вышесказанного, если вы принимаете мои условия, я прощаю вас всех, и позабудем прошлые обиды.

Пауза.

— Я согласен, — говорит Сэл, главный бенефициар данного соглашения. Тони с Сибертом молчат, но если бы взглядом можно было убить, думает Феликс, он уже давно валялся бы мертвым.

— Хорошо, — говорит он. — Я рад, что мы пришли к соглашению. Кстати, наш теперешний разговор тоже записан на видео. В качестве дополнительной предосторожности.

— Значит, бунта не было? — говорит Лонни. — Это было… Это был театр?

— Где Фредди? — говорит Сэл. — Его убили? Я слышал, как он кричал. Слышал выстрел!

— Скорблю о нем, — говорит Феликс. — Я потерял единственную дочь, во время бури. Невосполнимая утрата.

— Но, — говорит Лонни, — это было двенадцать лет назад.

— Прошу за мной, — говорит Феликс Сэлу. Сэл встает, Феликс берет его под руку. — Хочу вам кое-что показать.

— Они идут, — шепчет Анна-Мария. — Феликс

и твой отец. Притворись, что ты удивлен. — Они с Фредди сидят на полу, склонившись над шахматной доской. — Уже сейчас они заглянут в окошко. Помнишь слова?

— Помню, — шепчет Фредди в ответ.

— Мой нежный друг, вы сплутовали, — говорит Анна-Мария с обворожительной улыбкой.

— Что вы! Любовь моя, я плутовать не стал бы за целый мир, — говорит Фредди.

Дверь в камеру распахивается настежь.

— Фредди! — кричит Сэл. — Ты жив!

— Папа! — восклицает Фредди. — Ты тоже жив!

— Слава богу!

Они сжимают друг друга в объятиях.

Бард описал эту сцену более проникновенно, думает Феликс, но общий смысл они передали.

Крики радости умолкают. Объятия разжимаются.

Фредди говорит:

— Папа, хочу представить тебе мою новую партнершу, Анну-Марию Гринленд. Она танцевала в «Кидд Пивот», а сейчас играла Миранду.

Анна-Мария поднимается на ноги. Платье сползло с плеча, цветы в волосах перекосились. Она лукаво улыбается, протягивает руку для

рукопожатия. Сэл не отвечает взаимностью. Прищурившись, он оценивающе смотрит на Анну-Марию.

— Деловая партнерша? — интересуется он. — Или у вас любовь?

— И то и другое, — говорит Фредди. — То есть, ну… В смысле…

— Погоди, — говорит Анна-Мария. — Мы еще ничего не обсудили! Мне надо подумать!

— Поужинаем сегодня? — предлагает Фредди.

— Наверное, — говорит Анна-Мария и поправляет сползший рукав. Она даже слегка покраснела.

Феликс оборачивается к Сэлу.

— Настоящая любовь, — говорит он. — С ней невозможно бороться. Как бы там ни было, это лучший исход.

Гостей провожают обратно на проходную. Словно по волшебству, их охранные пейджеры вернулись на место.

Сейчас у них по расписанию банкет в обществе начальника колонии и других официальных лиц, а также фотосессия с актерами. На банкете будут копченые колбаски на шпажках, не столь ядовитые, как давешний виноград; будут крекеры с сыром; будет вино или что-то покрепче. Там

будет Эстель. Она все услышит и все запомнит. Потом она расскажет Феликсу, как все прошло.

Расскажут ли гости, как их обманули? Нет, не расскажут, думает Феликс. Ни слова о ложном бунте, ни слова о странных галлюцинациях. Ни слова о предыстории мистера Герца. Короче говоря, ничего, что могло бы скомпрометировать уважаемых государственных деятелей.

Вместо этого начальнику колонии вынесут благодарность за выдающиеся достижения учеников литературной программы. Его уверят, что в ближайшие дни будет сделано официальное заявление: программа продолжается при государственном финансировании, которое непременно повысят. Будут рукопожатия и тосты. Славословия и поздравления.

Сэл соврет и не покраснеет: он опытный политик. Что касается Тони и Сиберта: они будут молчать. Так они сохранят безупречную репутацию и смогут надеяться на теплые местечки в общественных комитетах после ухода из большой политики. Возможно, их даже возьмут в сенат. За прошлые заслуги.

Фредди и Анна-Мария тоже отправились на банкет, но сначала Анна-Мария чмокнула Феликса в щеку.

— Вы самый лучший, — говорит она. — Жаль, что вы не мой настоящий папа. Мне бы хотелось такого отца.

— Ты выступила блестяще, — говорит он.

— Спасибо, — отвечает она. — Но Фредди очень помог. Он все понял. И сразу проникся. — Она вся сияет.

Юная любовь, с легкой завистью думает Феликс. Румянит щеки, зажигает взор.

Феликс остается в классе, чтобы помочь 8Рукку собрать оборудование. Нужно снять все динамики и микрофоны; демонтировать осветительные приборы. Разложить все по коробкам и вернуть в пункт проката.

Феликс занимается упаковкой, а 8Рукк проверяет качество последней записи — сцены в классе, когда Сэл принимает условия Феликса. Возможно, запись еще пригодится в будущем. В жизни всякое может случиться.

— У меня что-то странное в наушниках, — говорит 8Рукк. — Как будто они принимают какую-то радиостанцию. Передают песню.

— Какую песню? — спрашивает Феликс.

— Очень тихо играет, хотя… погодите. Да. Это «Весело, весело».

— «Весело, весело буду жить я в цветах, что при-

рода развесила для меня на кустах?» — уточняет Феликс. Наверное, это Миранда. Снова суфлирует. Умная девочка! Проникла в наушники Ариэля! Но она перепутала эпизоды. — Эту сцену мы уже сняли, — говорит он, обращаясь к ней. В конце концов они взяли оригинальную песенку Ариэля и заменили одну строку, чтобы убрать сосущих пчелок.

— Нет, — говорит 8Рукк. — Другая. «Весело, весело, жизнь — всего лишь сон».

Феликса пробирает озноб. Волосы на затылке шевелятся.

— Я ей пел эту песенку, — шепчет он себе под нос. — Когда ей было три годика.

Неужели она все помнит? Помнит, как ей было три года? Помнит, что ей никогда не исполнилось четыре? Если так, тогда…

— Какое совпадение, — говорит Феликс. — Я подумывал взять эту песню для сцены с воспоминаниями. — Он сочиняет на ходу. — Возможно, Просперо пел эту песню Миранде, когда они плыли в прогнившем челне. Так и делается, когда дети боятся. Ты им поешь.

Так и делается, когда ты, абсолютно беспомощный в белой больничной палате, сжимаешь горячую руку своей маленькой дочки, гладишь ее

по лбу, но она все равно от тебя ускользает — во тьму былого, в черную пропасть времен.

— Я знаю эту песню. Она бы там подошла, — говорит 8Рукк. — И огромное вам спасибо, что вы устроили мне досрочное освобождение. Это было потрясающе.

— Рад был помочь, — говорит Феликс. — Я тоже вам многим обязан. Без вас я бы не справился. Эта песня еще звучит?

8Рукк слушает.

— Нет, уже нет.

— Можно мне ваши наушники?

8Рукк передает ему наушники. Феликс слушает, слушает. Ничего, ни единого звука. Одна тишина. Где Миранда? Что она пытается сообщить?

На улице уже смеркается. Феликс идет к машине, еле переставляя ноги. Ожидаемая метель уже прошла, хотя, похоже, она была не такой уж и сильной: на асфальте не так много снега.

Феликс садится в машину и едет домой. Будь это вечер премьеры в настоящем театре, сейчас весь актерский состав вместе с техническим персоналом праздновал бы в ресторане. Пир горой. Поздравления. Радостное возбуждение в ожидании первых рецензий. Но сегодня пира не будет. Феликс сварит на ужин яйцо и съест его

в одиночестве, если только Миранда не захочет составить ему компанию. Она, наверное, где-то в машине, хотя никак себя не проявляет.

— Все равно это успех, — говорит он себе. — Во всяком случае, не провал.

Почему же он так подавлен?

Великодушие сильнее мести, слышит он у себя в голове.

Это Миранда. Она суфлирует ему.

V. Эта дьявольская тварь

40. Последнее задание

Пятница, 15 марта 2013

Вечером накануне последнего занятия Феликс покупает двадцать пакетиков картофельных чипсов с морской солью. Вернувшись домой, он берет бритвенное лезвие, разрезает каждый пакетик на заднем сгибе и аккуратно просовывает сигареты сквозь крошечные надрезы. По пятнадцать сигарет в каждый пакетик. Актеры выбрали «Мальборо»: видимо, это самая популярная марка. Работа достаточно трудоемкая и отнимает немало времени, но заранее это проделать нельзя, иначе сигареты пропахнут чипсами, и наоборот.

Потом он запечатывает разрезы с помощью приспособления для сварки пленки. Ему не впервой. Его актеры из Флетчера получают свои сигареты после каждой премьеры.

Теперь осталось сложить пакетики с чипсами в большую хозяйственную сумку и надеяться на лучшее.

На следующий день Анна-Мария встречает его

на стоянке. Она пришла на последнее занятие по просьбе актеров. В каком-то смысле это банкет для всей труппы, и, как очень верно заметил Костыль, Анна-Мария тоже участвовала в спектакле, и будет невежливо, если ее не пригласят.

— Спасибо, что согласилась прийти, — говорит ей Феликс.

— Я не могла этого пропустить, — говорит Анна-Мария. — Фредди тоже хотел приехать, но я сказала, не в этот раз. Сегодня их день, так что все для ребят.

Из ее слов Феликс делает вывод, что Фредди крепко попался на крючок. Или они оба попались. Он улыбается.

— Фредди не ревнует тебя к Чудо-Мальчику? — спрашивает он с хитрецой в голосе. — Ваши любовные сцены были весьма темпераментны.

— Да, было дело. Но Фредди их не видел. Он играл со мной в шахматы, — говорит Анна-Мария. — Как бы там ни было, Чудо-Мальчик уже успокоился. Ничего не поделаешь. Пришлось удовольствоваться.

— Чем удовольствоваться? — спрашивает Феликс.

— Тем, что мы просто играли в пьесе, — говорит Анна-Мария.

Пакетики с чипсами благополучно минуют КПП: кто заподозрит, что в них контрабанда? Разве что Дилан и Мэдисон, но они закрывают глаза на потенциальное нарушение режима. Возможно, они считают, что актеры хорошо потрудились и заслужили награду.

— Шикарный фильм, мистер Герц! Ваша «Буря», — говорит Дилан, вручая Феликсу охранный пейджер. — Я думал, мне не понравится… нет боевых сцен, все дела… Но я проникся!

— Да, мы все прониклись, — говорит Мэдисон. — Странная пьеса, но вышло круто!

— Да, мистер Герц, вы были правы. Никаких феечек, — говорит Дилан. — Этот синий пришелец, или кто он там был… и ведьмины отродья с их рэпом — очень классно! Вы были великолепны, мисс Гринленд, мэм. Эта ваша Миранда! Полный отвал башки!

— Спасибо, — отвечает Анна-Мария с прохладцей в голосе.

— Что у вас в сумке? — спрашивает Дилан.

— Ничего острого. Шоколадное печенье, которое я испекла для ребят, и три куклы. Вы их уже видели.

— Ничего запрещенного в печенье? — с улыбкой спрашивает Дилан.

— Попробуйте сами, — говорит Анна-Мария и выдает каждому по печенью.

— Зачем вам куклы? — спрашивает Мэдисон.

— Сегодня банкет в честь премьеры, — говорит Анна-Мария. — Они тоже участвовали в спектакле. Вы их видели в фильме.

— Да. Хорошо, — отвечает Мэдисон. Его взгляд, брошенный на Дилана, красноречивее всяких слов: артисты, они все с приветом. — Только потом проследите, чтобы они вышли с вами. Вы же не хотите, чтобы их совратили.

— Они не дадут себя в обиду, — говорит Анна-Мария с серьезным видом.

«Что она замышляет? — думает Феликс. — С этими куклами?»

— Уже выбрали пьесу на будущий год, мистер Герц? — интересуется Дилан.

— Пока думаю, — говорит Феликс.

— Все равно к черту, что бы там ни было, — говорит Мэдисон.

— Вы блестяще сыграли, — говорит Феликс актерам. — Безупречно! Лучше и быть не могло! Великолепный пример всех преимуществ интерактивного театра, убедительный образец практического применения актерских способностей, и… — Он от души улыбается. — Благодаря всем

присутствующим наша литературная программа гарантированно остается еще как минимум на пять лет. Наш театр продолжает работу.

Бурные аплодисменты, одобрительные выкрики.

— Класс! — говорит Костыль. — Разрази меня чума!

— Вы все заслужили высшую оценку, — говорит Феликс. — Благодаря вашим стараниям следующее поколение учеников сможет приобщиться к искусству театра, как приобщились вы сами. Также хочу добавить, что это была лучшая постановка «Бури» из всех, с которыми мне доводилось работать. — Им вовсе не обязательно знать, что она же первая и единственная. — Лучше уже невозможно, поэтому к «Буре» я больше не подступлюсь. Я уже поздравил отдельно всех исполнителей главных ролей, а теперь скажу, что и массовка сыграла блестяще. Нечисть выступила выше всяких похвал. Всем большое спасибо.

Снова аплодисменты, взаимные поздравления.

— И отдельная благодарность — нашей отважной Миранде, мисс Анне-Марии Гринленд, которая не побоялась сыграть в спектакле, несмотря на условия, которые отпугнули бы многих актрис. Она замечательная актриса и

поистине бесстрашная девушка!

На этот раз аплодисменты звучат еще громче вместе с криками «Да!».

Костыль поднимает руку и ждет, когда Феликс кивнет, давая ему слово.

— Хочу сказать за всех нас. Спасибо, мистер Герц. Вы самый лучший. Это было… — Он умолкает и заливается краской смущения. На самом деле.

— Охренительно, — говорит 8Рукк.

Бурные аплодисменты.

Феликс склоняется в легком поклоне.

— Мне было приятно с вами работать, — говорит он. — А теперь: ваше последнее письменное задание. Пятнадцать процентов от общей оценки. Мы послушаем ваши доклады о том, как сложилась жизнь главных героев по окончании пьесы. После этого будет банкет в честь премьеры. Угощение включает легкие закуски вроде картофельных чипсов. Все в полном порядке, — говорит он, намекая, что он принес сигареты, как и было обещано. — Первой выступит команда Ариэля. — Он приглашает 8Рукка выйти к доске, а сам садится за парту рядом с Анной-Марией.

41. Команда Ариэля

8Рукк то ли волнуется, то ли стесняется. Переминается с ноги на ногу, откашливается, прочищая горло. Сейчас он выглядит совсем юным.

— Вот наш доклад, — говорит он. — Доклад команды Ариэля. Это я, Чудо-Мальчик, Мачете, Маракас и Контакт. Мы работали сообща. Каждый внес свои идеи. Ребята, вы очень крутые, — говорит он своим товарищам по команде.

— У нас было задание придумать, как сложилась судьба нашего персонажа после событий в пьесе. Наш персонаж — Ариэль. Я знаю, в самом начале мы все согласились, что он пришелец из космоса, но потом мы передумали. Как говорил мистер Герц, эта пьеса, в частности, и о том, как люди меняют свое отношение к миру, и именно благодаря Ариэлю Просперо изменил свое отношение к врагам. Сперва он хотел им отомстить, а потом их простил. Потому что, хотя они сильно его обидели, ему стало их жалко, когда он увидел, как они мучились. Поэтому мы решили, что нам тоже можно все поменять.

Он умолкает, обводит взглядом класс. Кто-то согласно кивает, кто-то поднимает вверх боль-

шой палец.

— Хорошо. Мы решили, что он никакой не пришелец из космоса. Будь он пришельцем, за ним должен был бы прилететь корабль, или его телепортировали бы с Земли, как в «Звездном пути». Но у нас появилась другая идея.

Мы решили, что он вроде как голограмма. Что объясняет, почему он так быстро передвигается с места на место, меняет облик и становится невидимым, когда нужно. Тогда все сходится, да? — Он улыбается. — Вы знаете, что такое голограмма? Надо объяснить подробнее? — спрашивает он Феликса.

— Вкратце, — говорит Феликс.

— Ага. Это проекция объемного изображения прямо в воздухе. Виртуальная реальность, только без специальных очков. Но если Ариэль — проекция, тогда кто его проецирует? Сам Просперо? Прямо из головы? Мы решили, что нет. Потому что, если бы Ариэль существовал только в сознании Просперо, тогда он бы просто исчез, когда Просперо сказал: «Вернись, свободный, к стихиям» — и отпустил его на волю. Но если бы Ариэль просто исчез, это было бы несправедливо. После всего, что он сделал для Просперо.

— Мы почитали про элементалей, про духов

стихий… спасибо за комментарии, мистер Герц… В общем, мы рассудили, что Ариэль — это проекция погоды. Атмосферных явлений. Он же дух воздуха, да? А еще он управляет огнем и водой. Повелевает стихиями. Как в Сети наблюдения за погодой. Пыльные бури, водяные смерчи, электричество в грозовых тучах — вот откуда он берет энергию, Ариэль. От электричества в воздухе. Потому что ему нужно много энергии, чтобы выполнять поручения Просперо. Особенно вызывать молнии.

— Поэтому по окончании действия пьесы Ариэль не улетел на космическом корабле и не пляшет в цветочках в далекой, далекой галактике. Может быть, он устроил себе небольшой отпуск, в цветочках с пчелками, все дела. Он заслужил отдых, правильно? Но он остался на Земле и, хорошо оттянувшись, взялся за управление погодой. Как Шторм в «Людях Икс», только он не девчонка, и глаза у него не белые. Ему нравится эта работа, нравится помогать людям, ему просто не нравится, когда ему постоянно указывают, что делать. Ему хочется заняться своими собственными проектами. И у него есть душа, он умеет чувствовать, хотя Просперо об этом не знал.

— Мы считаем, что у нас неплохая идея, и все

сходится.

— Подписано: 8Рукк, Чудо-Мальчик, Маракас и Мачете.

8Рукк ждет, явно волнуясь. По классу проносится одобрительный шепот.

— Необычная трактовка, — говорит Феликс. — Очень оригинально! Жалко, я сам не додумался. — Это не ложь. Ему действительно жаль, что он не подумал об этом сам. И неважно, что во времена Шекспира не могло быть и речи об управлении погодой: он просил учеников предложить свои собственные толкования, и они предложили. — Есть возражения? — Нет возражений. Сегодня последнее занятие, и все пребывают в отличном настроении. — Высший балл, — говорит Феликс.

Радостные улыбки команды Ариэля. 8Рукк садится на место, товарищи по команде хлопают его по плечу.

— Следующей выступает команда злого братца Антонио, — говорит Феликс. — Посмотрим, как сложилась его судьба.

42. Команда злого братца Антонио

Змеиный Глаз выходит к доске с таким видом, словно на нем длинный камзол с поднятым воротником и шляпа, низко надвинутая на лоб. Весь его облик предполагает, что под камзолом спрятано невидимое ружье. Он выдвигает подбородок вперед, хмурит брови, приподнимает уголок рта в надменной усмешке. «Он все еще в образе?» — думает Феликс. Сложно сказать. Змеиный Глаз играл злодея не в первый раз, и каждый раз играл мастерски. Всегда на грани комедии, но не скатываясь в комедию. Он словно темный двойник каждого, кто присутствует в классе, и в этой роли он страшен. Все умолкают. Полная тишина.

— Команда Антонио — это, ясное дело, я сам, — говорит он, — плюс король Алонзо… то есть Крампус… Жучила Фил, который был Себастьяном, и ЗакраЛось, мой дублер, который выучил роль лучше меня. Мы все познакомились с Антонио очень близко, поэтому можем с уверенностью предположить, что он будет делать, когда корабль отчалит от острова курсом в Неаполь, увозя всех на Большую землю. Доклад мы писали

все вместе, и я прочитаю его за всех. Спасибо, Фил, что помог с орфографией, хотя, скажу честно, почерк у тебя жуткий. Как у врачей. Я с трудом разбирал твои записи.

Напряжение разряжается. Смех в классе.

— Ладно, приступим. Доклад команды злого братца Антонио.

Во-первых, Антонио — главный злодей во всей пьесе. Он не сделал вообще ничего хорошего. Он стремится быть первым во всем и всегда. В том числе и в злодействе. Даже его план убить короля и Гонзало, чтобы Себастьян стал королем Неаполя, придуман не ради Себастьяна, а ради самого Антонио. Если Антонио поможет Себастьяну стать королем, по условиям сделки Милан больше не будет платить Неаполю дань. Дань — это, типа, налоги. То есть Антонио уклоняется от налогов, но еще и с убийством.

Но в защиту Антонио надо сказать, что Просперо сам толкал его на преступление. Потому что Просперо был поглощен своей магией, а все остальное его не волновало. Это как бросить машину незапертой: пусть угоняют кому не лень. И Антонио, ясное дело, подсуетился. А чего вы хотите? Просперо изрядно сглупил, так что сам виноват. Хотя Антонио, надо думать, был злым

изначально, иначе он бы не воспользовался возможностью скинуть брата. И чем больше Антонио творил злодеяний, тем больше злобы копилось в нем. Это как с Макбетом. Те, кто играли в «Макбете», помнят. Как в его речи о крови. «Так я погряз в крови, что воротиться / не легче, чем на берег тот пробиться»[10]. И кто-то из вас знает об этом не понаслышке, потому что уж если ты что-то затеял, то отступать западло, и надо довести начатое до конца. Что бы там ни было.

Актеры согласно кивают; не все, но многие.

— Антонио ничему… ничем не рисковал, совершая свое первое злодеяние, потому что Просперо вообще ничего не замечал, зарылся по самые яйца… прошу прощения, Анна-Мария… зарылся по самые уши в свои магические изыскания и не видел, что происходит вокруг. Целыми днями только и делал, что вызывал духов и поднимал мертвецов из могил — кстати, зачем? — даже поесть иногда забывал. Он сам так сказал, в самом начале. И Антонио не применил… не преминул этим воспользоваться. Потому что Просперо забыл одну важную вещь: не доверяй никому. Вообще никому.

---

[10] Примечания: 10

Строки из «Макбета» в переводе В. Кюхельбекера.

Вот такой он, Антонио. Нравится это вам или нет. Думаю, что скорее не нравится. Но у него есть свои представления, свои понятия, как у любого из нас. Когда действие пьесы закончено, все погружаются на корабль и едут в Неаполь. Что будет делать Антонио?

Давайте вспомним. Просперо вроде как его прощает. «Вроде как» потому, что он сам говорит, что *на этот раз* никому не расскажет о планах Антонио убить короля. Вот его точные слова: «*На этот раз* не выдам вас». То есть прямо сейчас не выдаст, а потом, может быть, выдаст. И тогда песенка Антонио будет спета.

Король Алонзо просит прощения у Просперо, но Антонио не просит прощения. Он ни в чем не раскаялся и ни о чем не жалеет. Скорее всего, он взбешен и зол, потому что его вероломство раскрыто, и он больше не герцог миланский, и его могут упечь в тюрягу или вообще отрубить ему голову, как это делается с предателями.

Значит, он затаил злость, и пока они все плывут на корабле, он снова строит коварные планы и подговаривает Себастьяна. Уже на подходе к Неаполю Антонио с Себастьяном проникают в каюту короля Алонзо и душат его подушкой. Их застает Фердинанд, они сражаются с ним на

шпагах и убивают. Потому что их двое на одного, и они дерутся нечестно.

Потом они убивают Просперо, потому что старый дурак отпустил Ариэля, и у него больше нет никакой магической защиты. Они решают прикончить и Гонзало тоже — свидетели им не нужны, — но тот и так полумертвый от страха, и им даже не нужно его убивать, он сам склеил ласты от сердечного приступа. Потом они оба насилуют Миранду — прошу прощения, Анна-Мария, но именно так бы оно и было, — и зовут Калибана, чтобы еще больше ее унизить. Пусть ее снасильничает чудовище! Так что в итоге Калибан все-таки добивается своего.

Но когда они хотят бросить девчонку за борт, чтобы у миланского герцогства не осталось наследников, Калибан пытается им помешать. Он хочет забрать Миранду себе, снова ее изнасиловать — и не раз, — так что они убивают и Калибана тоже. Стефано и Тринкуло держатся в стороне, чтобы не попасться под горячую руку. Они оба трусы, к тому же им хочется сохранить свои должности при дворе. Никто их не винит, мы все такие.

Вот. Это наш доклад. Антонио ведет себя именно так, как от него ожидается. Просперо не предви-

дел такой исход. Он и в первый-то раз ничего не предвидел. Да, это не самый хороший конец для многих героев пьесы, но мы хотели рассказать правду. Как оно было бы на самом деле. Антонио — настоящий злодей, так чего вы хотели? Спасибо, ребята, — говорит он своим товарищам по команде. — Мы старались придерживаться правды жизни, без сахарных соплей.

Он возвращается на свое место все с тем же важным, надменным видом.

Класс безмолвствует.

— Блестяще, — говорит Феликс. — Вы проделали очень серьезную работу, и я не буду оспаривать ваши выводы, хотя приятного в них мало.

Неужели Антонио не будет пощады? — думает он про себя. Похоже, что нет. Шекспир тоже отнесся к нему беспощадно: после того как Просперо прощает Антонио, у последнего больше нет ни одной реплики в пьесе.

— Это жестоко, — говорит Анна-Мария.

— Да. Жизнь — жестокая штука, — говорит Змеиный Глаз.

— Думаю, команда Антонио заслуживает высший балл, — говорит Феликс. — Согласны?

Класс неохотно кивает. Им не нравится эта история: у нее несчастливый конец, и в ней нет

торжества справедливости. Но взвесив все «за» и «против», они вынуждены согласиться.

— Что могло бы спасти Просперо и Миранду? — спрашивает Феликс. — И Калибана, — добавляет он.

Маракас поднимает руку.

— Матросы, — говорит он. — Они могли бы вступиться. И Боцман. Боцман уж точно.

— Может быть, — говорит Феликс. — Вполне вероятно.

Класс облегченно вздыхает: затеплился лучик надежды. Они любят, когда есть надежда. Но опять же, а кто не любит?

43. Команда Миранды

Феликс сверяется со списком.

— Теперь выступает команда Гонзало, — говорит он. — Гнутый Грифель?

Но пока Гнутый Грифель собирает свои бумаги, Анна-Мария решительно поднимается из-за парты и выходит к доске.

— Если вы не возражаете, — говорит она, — мне хотелось бы кое-что добавить. Да, я не получаю оценок и не коплю баллы на сигареты, но я тоже участвовала в постановке. Кстати сказать, было приятно с вами работать. Так вот, я участвовала в постановке, и я не могу промолчать. Феликс? Мистер Герц?

Она спрашивает разрешения, но это простая формальность: она все равно выскажет, что накипело.

— Мы вас слушаем, — говорит Феликс с улыбкой.

— О Миранде сейчас говорили, словно она какая-то тряпичная кукла. Словно она только и делает, что лежит на кушетке, расставив ноги, вся из себя томная, как разваренная лапша, с табличкой на животе: *Изнасилуй меня*. Но все

было совсем не так.

Во-первых, она крепкая, сильная девушка. Не воздушная придворная барышня, затянутая в корсет, в хрустальных туфельках и все такое. Она с трех лет росла на острове, как маленькая дикарка. Наверняка она в детстве была сорванцом почище любого мальчишки. Во-вторых, после того, как Калибан попытался ее изнасиловать — ей тогда было, наверное, лет двенадцать, — Просперо должен был обучить ее приемам самозащиты. На всякий случай. Чтобы она могла сама за себя постоять, если Просперо не будет рядом. И она смогла за себя постоять на корабле. Тем более там был элемент неожиданности. Эти самодовольные господа совершенно не ожидали, что она даст им отпор. Как я уже говорила, она была сильной. Вспомните, как она помогала Фердинанду таскать тяжеленные бревна, чтобы он не надорвался.

Но это еще не все. Просперо сам говорит, что обучил Миранду всему, и она знает «больше других принцесс, живущих в суете, без ревностных наставников таких». Но в тексте не говорится, чему он ее обучил, кроме того, как играть в шахматы. И еще она знает, что такое утроба. Я думаю, он обучил ее магии. Она точно знает о духах и, может быть, даже их видела, потому что сначала

она принимает Фердинанда за духа. И она знает, что может сделать Просперо с помощью своей магии. Например, держать Калибана в узде. Как вы думаете, чем она занималась, когда Просперо ложился вздремнуть после обеда? Наверняка она изучала книги… его магические книги. Миранда — дочь своего отца. У нее есть способности к магии, и она их развивала.

Но и это еще не все. Она заключила тайный договор с Ариэлем. Вот как все было. Помните его песенку, которая вас так смешит? «С пчелкой я росу впиваю, в чаще буквиц отдыхаю… и сосу нектар в цветах». Да, звучит по-дурацки. Но Ариэль сам говорит, что ему нравятся пчелки и буквицы, и дай ему волю, он бы только и делал, что прохлаждался в зарослях буквиц в компании пчел. Миранда это услышала и перед тем, как сесть на корабль, предусмотрительно выкопала все буквицы, что росли на острове, и забрала их с собой. Забила ими всю каюту! И зная, что Ариэлю нравятся пчелы, Миранда использовала волшебную пчелу у себя на руке… — Анна-Мария закатывает рукав, чтобы была видна ее татуировка с пчелой. — Она кое-чему научилась по книгам Просперо и с помощью этой волшебной пчелы создала иллюзию целого пчелиного роя.

При виде пчелок и буквиц Ариэль буквально теряет волю. Они для него как наркотик. Ему приходится следовать за Мирандой и ей помогать. Чтобы получать свою дозу буквиц и пчелок.

Гениальная девочка, думает Феликс. Она далеко пойдет, но в каком направлении?

— Это только иллюзия, — говорит он. — Иллюзорные пчелы.

— Ну и что? Ариэлю без разницы, — говорит Анна-Мария. — Для него все иллюзии реальны. Он сам, по сути, иллюзия.

— Как вы считаете, Ариэль? — обращается Феликс к 8Рукку. — Нравится вам такая идея?

— Я об этом не думал, — говорит 8Рукк. — Но идея прикольная. Почему бы и нет?

— Я сейчас расскажу, как все было с Антонио на самом деле, — говорит Анна-Мария. — Когда он попытался захватить корабль. — Она срывает с себя рубашку, сбрасывает ботинки, снимает джинсы и остается в своем танцевальном костюме: черная облегающая футболка, зеленые атласные шорты. Она тянется вверх, встав на цыпочки, потом наклоняется, упираясь руками в пол. Потом вновь выпрямляется, встает в позу лучника и на миг замирает. Класс следит за ней, затаив дыхание.

Теперь она наклоняется вбок, подносит ладонь к уху, прислушивается.

— Злодеи, замышляющие убийство, приближаются к каюте Алонзо. Но Ариэль их замечает и предупреждает Миранду. Она говорит, чтобы он охранял вход в каюту громами и молниями, пока она не доберется туда. Когда она прибегает, Фердинанд уже там. Он сражается со злодеями, но проигрывает схватку. Миранда бросается ему на помощь и одним ударом ноги ломает Себастьяну запястье. — Анна-Мария показывает, как это происходило. Она делает пируэт и с разворота выбрасывает правую ногу вперед и вверх.

По классу проносится одобрительный гул. Все взгляды прикованы к Анне-Марии, и неудивительно, думает Феликс. Будь он помоложе, он бы тоже смотрел на нее не отрываясь. И сидел бы, подавшись вперед, почти лежа на парте. На самом деле он так и сидит.

— Это правая рука, в которой Себастьян держал шпагу, — говорит Анна-Мария, — но в левой руке у него кинжал, а у Антонио и шпага, и кинжал. С ним еще Калибан, он примчался на шум. Выставил свои когти и рвется в бой. Получается, трое против двоих, и Фердинанд истекает кровью. Так что Миранда задействует тяжелую артиллерию.

Силы богинь!

Она подходит к своей большой сумке и резко открывает «молнию». Перед зрителями предстают Ирида, Церера и Юнона: все в тех же вязаных одеяниях, только теперь их глаза сплошь закрашены белым. Анна-Мария смастерила им кожаные сбруи и прикрепила к ним длинные кожаные ремешки.

— Первой в атаку идет Ирида! — Анна-Мария раскручивает над собой куклу наподобие пращи. — Бдыщ! Получай, Антонио! Она улетает прочь, унося его шпагу! Теперь Церера! Теперь Юнона! — Она яростно крутит кукол на ремешках, выписывая в воздухе восьмерки. — Богини, вперед! Сила богов непобедима! Со всего маху по яйцам! Бдыщ! Яйца всмятку! Вот вам и планы по изнасилованию! Все отменяется, парни! На сегодня уж точно!

— Отсоси, Тони-о! — выкрикивает Маракас. Класс взрывается воплями одобрения.

— Но остается еще Калибан. Он бросается на Миранду, хочет схватить, истекает слюной. Берегись, уродец! — Анна-Мария швыряет кукол обратно в сумку и запрыгивает на парту Феликса. Потом сгибает колени, поднимает руки над головой, делает сальто назад и приземляется на пол.

Падает на живот, скрещивает ноги, переворачивается на спину, садится. Все движения плавные и текучие, как расплавленная карамель. Годы в «Кидд Пивот» не прошли даром.

— Отрубила его загребущие лапы, — сообщает Анна-Мария. — Было больно.

Она поднимается на ноги, вскидывает над головой сжатые кулаки и бросает в воздух две пригоршни блестящих конфетти.

— Маэстро, — говорит она Феликсу. Потом кланяется залу. Аплодисменты гремят оглушительно, насколько это вообще возможно при таком небольшом количестве зрителей.

— Спасибо всем от команды Миранды и трех богинь, — говорит Анна-Мария и делает реверанс. У нее даже не сбилось дыхание, хотя на лбу блестят бисеринки пота. Она садится за парту и надевает рубашку.

— Да, — задумчиво говорит Феликс. — Очень оригинальная трактовка. Думаю, мы сделаем перерыв.

44. Команда Гонзало

Купленный Феликсом кофе элитного сорта заварен и разлит по бумажным стаканчикам. Анна-Мария раздает печенье. К счастью, печенья хватает на всех.

— Чумовое печенье, — говорит Костыль.

— Чудовищно чумовое печенье, чтоб меня жабы заели, — говорит Змеиный Глаз.

— Жалко, оно без гашиша, — говорит 8Рукк. Раздаются смешки.

— Виртуозное выступление, — говорит Феликс Анне-Марии. — Но я не уверен, что у богинь было бы столько силы. Это просто видения, вызванные Ариэлем. Не настоящие богини.

— Теперь настоящие, — говорит Анна-Мария.

Феликс смотрит на часы.

— Так, давайте продолжим, — говорит он. — У нас еще два доклада. — Пустые бумажные чашки отправляются в мусорную корзину. Печенье съедено подчистую. — Гнутый Грифель, прошу к доске.

— Боюсь, мое выступление покажется пресным и скучным, — говорит Гнутый Грифель. — После

Анны-Марии. Танцор из меня никудышный.

Никто с ним не спорит. Никто не смеется. Он выходит к доске бодрым шагом.

— Во-первых, благодарю за предоставленную мне возможность принять участие в замечательной постановке, — начинает он. — Это было весьма поучительно: сыграть роль достойного Гонзало — человека, во многом недооцененного, как это часто бывает с положительными героями, — и поучаствовать в… э… инновационном проекте интерактивного театра, к которому вы, мистер Герц, приобщили весь наш коллектив на этой неделе. Результат превзошел все ожидания. Я надеюсь, важные персоны, сыгравшие свои роли невольным экспромтом, также кое-чему научились и пересмотрели свое отношение к некоторым вопросам. — Он издает тихий смешок.

— Точно, — говорит Костыль. — Мы преподали им хороший урок!

Гнутый Грифель лучезарно ему улыбается и продолжает:

— Этот доклад подготовлен командой Гонзало. В пьесе у Гонзало нет единомышленников и союзников, за исключением Ариэля, который предотвращает его убийство, и Просперо, кото-

рый прячется за кулисами. Однако Полковник Гибель, Тефтель и Бублик оказали мне честь и помогли в подготовке доклада. — Он улыбается товарищам по команде, как добрый дядюшка — любимым племянникам.

— Доклад: Жизнь Гонзало по окончании действия пьесы. Подготовлен командой Гонзало.

Всех действующих лиц «Бури» можно разделить на оптимистов и пессимистов. Оптимисты, как правило, положительные персонажи, пессимисты, наоборот, отрицательные. Таким образом, Ариэль, Миранда и Фердинанд — оптимисты; Алонзо, Антонио и Себастьян — пессимисты. Стефано, Тринкуло и Калибан колеблются туда-сюда. Они мечтают о лучшем будущем для себя и в то же время готовы убивать других и/или забирать их в рабство.

Гонзало настолько положительный персонаж, что удивительно, как он вообще удержался на должности советника при дворе короля Алонзо, где столько циников, приспособленцев и беспринципных карьеристов. Сам факт, что он удержался на этой должности, дает основания предположить, что Алонзо был искренен в своем раскаянии, что его сожаления о содеянном — не пустые слова, и что Фердинанд и Миранда

благополучно прибудут в Неаполь и заключат брак при поддержке Алонзо. Да, Алонзо, по сути, санкционировал изгнание Просперо, но если бы в нем изначально не было никаких добрых качеств, он бы никогда не назначил Гонзало своим советником.

Но Гонзало не располагает большими возможностями. На самом деле он ни над чем не властен. Исключая Просперо, никто из положительных персонажей: Миранда, Фердинанд, Ариэль, Гонзало, — не обладает реальной властью. Да и власть Просперо вряд ли может считаться обычной. Как говорит Калибан, без магических книг он глуп и бессилен.

Неужели предельная доброта всегда остается слабой? Получается, человек может быть добрым только в отсутствие власти? «Буря» ставит перед нами эти вопросы. Конечно, есть и другая сила. Сила добра, которое сопротивляется злу; сила, которую хорошо понимали зрители Шекспира. Однако в «Буре» о ней почти ничего не говорится. Гонзало попросту не подвергается искушению. Ему не приходится противодействовать грешным соблазнам, потому что его никто не соблазняет.

Будущее Гонзало нам, команде Гонзало, видится так.

Допустим, наши пессимистичные друзья ошибаются. Зло в лице Антонио не торжествует, Просперо не выбрасывают за борт. Все происходит именно так, как и было задумано в конце пьесы. Вся компания благополучно отплывает в Неаполь. Миранде не приходится прибегать к помощи силы богинь, как это было во вдохновенной истории Анны-Марии. Это я добавляю уже от себя, поскольку команда Гонзало не знала заранее о ее выступлении. — Он улыбается Анне-Марии, но не особо приветливо. — Вернемся к нашему докладу. В пьесе каждому из героев дается второй шанс, и мы тоже не будем лишать их возможности начать жизнь заново.

Таким образом, вся компания возвращается в Неаполь. Ариэль по просьбе Просперо обеспечивает попутный ветер. Фердинанд и Миранда сыграли свадьбу. Просперо прощается с ними и едет обратно в Милан, где вновь принимает бразды правления и, несомненно, заключает Антонио в темницу или нейтрализует его как-то еще. Просперо говорит, что, вернувшись в Милан, он станет думать о своей смерти, что каждая третья его мысль будет о близости могилы, но две из трех мыслей все-таки выделяются на управление герцогством. Будем надеяться, в этот раз Проспе-

ро справится лучше.

При неаполитанском дворе все спокойно. Себастьян, может быть, и недоволен таким положением дел, но у него связаны руки. Просперо знает, что он собирался предать своего брата — короля. Просперо все записал на бумаге, а бумагу отдал Миранде, чтобы в случае необходимости у нее было оружие против Себастьяна. Что касается Гонзало: Фердинанд и Миранда, да и сам король Алонзо так ему благодарны за верную службу, что в награду готовы исполнить любое его желание.

Мы, команда Гонзало, решили так. Гонзало уходит в отставку, возвращается на остров с группой таких же хороших и добрых людей, как он сам, и создает там республику, о которой мечтал. Он назначает себя правителем и повелевает, что в его царстве не будет чинов, бедности и богатства, не будет тяжелых трудов, распутства, безнравственности, войн, преступлений и тюрем.

Вот наш доклад.

Подписано: Гнутый Грифель, Тефтель, Бублик и Полковник Гибель. — Он опять улыбается своим товарищам по команде.

— Спасибо, — говорит Феликс. — У него получилось?

— Что получилось? — простодушно спрашива-

ет Гнутый Грифель.

— Создать идеальную республику.

— В этом вопросе команда Гонзало оставляет слушателям простор для воображения, — говорит Гнутый Грифель. — Скажем так: Гонзало не волшебник. Он не повелевает толпами духов и не умеет воскрешать мертвых. Армии у него нет. Он полагается только на добропорядочность своих граждан. Но, быть может, ему улыбнется Добрая Фортуна, также известная как Счастливая звезда. Она полноправный персонаж в пьесе. Без нее у Просперо не было бы никаких шансов. Она очень важна для сюжета.

— Да, — говорит Феликс. — Очень важна. Отличный доклад! Высший балл для команды Гонзало. Как любил говорить мой дядя, лучше быть везучим, чем богатым.

— Это не про меня. Я небогатый и невезучий, — говорит Гнутый Грифель со вздохом. Его слова вызывают смех, и ему это нравится.

— Может быть, вы невезучий сейчас, — говорит Феликс, — но кто знает, что будет потом и когда вам улыбнется удача. Кто у нас следующий и последний? Да! Команда Ведьмина отродья.

45. Команда ведьмина отродья

Костыль выходит к доске. Лицо раскраснелось, веснушки буквально горят на щеках. Такое впечатление, что их стало в два раза больше. С вызывающим видом он встает перед классом, выставив вперед одну ногу с косолапо вывернутой стопой. Другая нога опирается на носок и как будто не гнется в колене. Он обводит взглядом класс, по-калибановски скалится. Потом медленно закатывает рукава.

Хороший театр, думает Феликс. Он заставляет их ждать.

— Команда Ведьмина отродья готова к докладу, сэр, — говорит Костыль, обращаясь к Феликсу в псевдоармейской манере, но с легкой насмешкой.

— Вот как оно было на самом деле, — начинает он. — Ведьмино отродье, в смысле Калибан… у него нет команды. Он всегда сам за себя. Даже его так называемые друзья — двое пьяных придурков, — никакие они не друзья. Они смеются над ним, обзывают по-всякому, хотят увезти его в город и показывать на базаре за деньги. В пьесе он совершенно один. Единственный человек,

кто относился к нему по-доброму, — его мать, которую все называли ведьмой, — давно умерла. Наверное, она даже его любила, раз не утопила в младенчестве, как щенка. И хоть как-то о нем позаботилась, иначе он бы не выжил. Тут она молодец, если подумать. В одиночку, на необитаемом острове. Родила сына, вырастила как могла. Может быть, у нее были свои недостатки, но ребенка она подняла. Крутая тетка, на самом деле.

Понимающие кивки: здесь хорошо помнят крутых, хоть и по-человечески слабых матерей.

— Потом она умерла, и Калибан вырос сам по себе. Сначала он хорошо принял Просперо, но Просперо быстро уселся ему на шею и свесил ножки, и Ариэль тоже ему не поможет, хотя они оба рабы в каком-то смысле. Обоих держат в узде, угрожая пытками; разница в том, что Ариэль стелется перед Просперо, а Калибан пытается огрызаться, за что и огребает по полной программе.

Но у меня, в отличие от Калибана из пьесы, была команда, которая помогла мне с докладом. Это мои дублеры и костюмеры для номеров с ведьминым отродьями, а именно Маракас, Бублик, ЗакраЛось и Рыжий Койот. Ребята, вы здорово мне помогли, без вас я бы точно не справился, вместе

мы сила, и я буду помнить об этом всю жизнь.

Он на миг умолкает. Это умышленная пауза или его действительно переполняют чувства? *Я слишком хорошо его обучил,* думает Феликс, *даже я не чувствую разницы.*

— Вот наш доклад, — продолжает Костыль. — Доклад команды Ведьмина отродья. Что произошло с Калибаном, когда все закончилось? В пьесе об этом не говорится. Мы не знаем, оставят его на острове или Просперо заберет его с собой. В общем, мы рассмотрели несколько вариантов. Вариант первый: Калибан остается на острове, а все остальные плывут в Неаполь. Калибан получает весь остров себе. Он король, как и хотел. Но там больше никого нет, и какой тогда смысл? Нельзя быть королем, если не над кем править, да?

Все согласно кивают. Они слушают очень внимательно: им действительно небезразлична судьба Калибана.

— В общем, это не вариант. Дальше… это был номер два… Калибан уплывает вместе со всеми. На корабле все происходит именно так, как говорила команда Антонио. Просперо убивают, Миранду насилуют. Извини, Анна-Мария, но в реальной жизни никакие богини никого не спасут. Жизнь — это жизнь, и так оно все и было.

Разве что Калибан никого не насиловал. Ее изнасиловал только Антонио, потому что он главный злодей, как уже было сказано. Изнасиловал и убил, потому что он хочет быть герцогом, и ему не нужны конкуренты. В общем, он убирает Миранду, и это логично. Калибан рвет и мечет, но не может ничего сделать. К тому времени Стефано и Тринкуло уже загнали его в трюм и сковали цепями.

По приезде в Неаполь они устраивают шоу уродов, как и грозились. Калибана сажают в клетку, словно дикого зверя, и возят по ярмаркам. Говорят, он дикарь из джунглей, человек-рыба и к тому же еще людоед. В него кидают тухлыми овощами, обзывают чудовищем и уродом, как его обзывали Просперо, Миранда, Стефано и Тринкуло, тычут палками, чтобы он рычал и ругался, потешаются над ним как могут. Обращаются с ним как с животным. Кормят отбросами. В общем, уже очень скоро он подцепляет целый букет болезней. Прививок ему никогда не делали, да? У него жар, ему плохо. Его, понятно, никто не лечит. И в один прекрасный день он просто ложится и умирает.

Тишина в классе. Слишком правдоподобный исход. Слишком жизненный. Слишком мрач-

ный.

— Но это было бы уже совсем грустно, — говорит Костыль. — Почему всем остальным в пьесе дали шанс начать новую жизнь, а Калибану не дали? Почему он должен страдать только из-за того, что он такой, как есть? Как будто он… я не знаю… черный или индеец. Он же не виноват, что родился таким. Он вообще не просил, чтобы его рожали.

Снова согласные кивки. Костыль держит зал. К чему он клонит? — думает Феликс. Он явно что-то задумал, судя по блеску в глазах. У него приготовлен сюрприз. И это действительно будет бомба.

— И мы вот что подумали… — продолжает Костыль. — Помните, что говорит о Калибане Просперо? Он говорит: «А эта дьявольская тварь — моя». Но что это значит? Просто, что Калибан ему служит? Что он его раб? Нет, тут есть и другой смысл. — Он подается вперед, буквально впивается взглядом в зал, словно старается заглянуть в глаза каждого зрителя. — Вот что мы думаем. Наверняка так и есть: *Просперо — отец Калибана*.

Кто-то хмыкает, кто-то качает головой. Он их не убедил.

— Послушайте, что я скажу, — говорит Костыль. — Сейчас вы сами поймете. Его мать

— ведьма, так? Сикоракса. Злая волшебница! Чародейка! Просперо тоже чародей. Может быть, они колдуют по-разному, но, по сути, делают одно и то же. Наваждения, чары, изменения погоды… Они оба мучают Ариэля, только Просперо, конечно, сильнее, и почему-то считается, что для него это нормально, вроде как он в своем праве, а она прямо-таки воплощение зла. Допустим, они были знакомы раньше. Может быть, встретились где-нибудь на конференции чародеев, закрутили роман. Случайная связь, развлечение на одну ночь. Он ее обрюхатил и смылся обратно в Милан; она узнает, что беременна, потом я не знаю, что было… но она чем-то не угодила властям, и ее сослали на остров.

Потом там оказывается Просперо. К тому времени Сикоракса уже мертва, но он видит Калибана и враз понимает, чей это сын. Конечно, он ничего не говорит Калибану, но про себя думает, что из парнишки может выйти толк — в конце концов, он его сын, и в нем должно быть хоть что-то хорошее. Поначалу Просперо даже гордится мальцом. Калибан самостоятельный парень, хорошо знает остров, умеет добывать пищу, рыбу, ягоды, все дела… готов выполнять самую черную работу, старается угодить. В общем, Просперо его приве-

чает и берется его обучать. Человеческой речи и прочим премудростям.

Но потом Калибан домогается до Миранды. Вполне естественно. Он молодой парень, рядом красивая девка, и вообще непонятно, что там у них было. Может, она сама нарывалась. Просперо тоже хорош. Мог бы и догадаться, к чему все идет. Если он так беспокоился за целку дочери, запер бы ее дома, чтобы она не расхаживала по острову и не дразнила беднягу. В каком-то смысле Просперо сам виноват, что все так получилось.

Но он не считает себя виноватым. Нет, он психует и злобствует, обзывает Калибана скотиной, подвергает мучениям, запирает в скалу, в упор не видит, что в парне есть что-то хорошее, например музыкальный талант. Но под конец Просперо осознает, что, может быть, и не стоит во всем обвинять других. Может быть, надо начать с себя. И еще он понимает, что, по сути, он ничем не лучше Калибана. Они во многом похожи. Оба быстро впадают в ярость, оба несдержанны на язык, оба копят обиды и жаждут мести. Все, что есть нехорошего в Просперо, проявляется и в Калибане. Каков папаша, таков и сынок. Яблоко от яблони, все дела… Поэтому Просперо и признается: «А эта дьявольская тварь — моя». Моя плоть

и кровь. Мой сын.

И вот, когда пьеса закончилась, Просперо пытается как-то исправить все, что он сделал плохого. Он берет Калибана с собой на корабль, заставляет его помыться с мочалкой и мылом, чтобы избавиться от запаха рыбы, покупает ему дорогую одежду, обучает этикету… как есть с тарелки и все такое. Просит у Калибана прощения и говорит, что теперь все будет иначе. Взывает к его артистичной натуре. Ну, там… мечты о прекрасном, волшебные грезы. Когда Калибана отмыли, прилично одели и научили хорошим манерам, уже никто не считает его чудовищем и уродом. Да, может быть, он слегка грубоват, но у каждого свои недостатки.

В Милане Просперо дает Калибану возможность заняться музыкой. Теперь, когда парня никто не шпыняет, его талант раскрывается на всю катушку. Его музыка мощно воздействует на людей, есть в ней что-то такое, что пробуждает в них темные, дикарские чувства. В хорошем смысле. Но ему нельзя пить. Нельзя от слова «совсем». Спиртное для него яд, он от него сразу звереет и сходит с ума. И Калибан держится изо всех сил, не берет в рот ни капли.

А потом вдруг — бац! — он уже звезда первой

величины. Просперо по-настоящему им гордится. Его песни во всех топ-листах на придворных концертах. Он взял сценический псевдоним, у него своя группа: ВЕДЬМИНО ОТРОДЬЕ И ДЬЯВОЛЬСКИЕ ТВАРИ. Он знаменит на весь мир.

Вот наш доклад. Мы надеемся, вам понравилось.

На этот раз все согласны. Дружные крики «Да!» и «Браво!». Бурные аплодисменты сменяются ритмичными хлопками, и вот уже весь класс стучит ногами по полу.

— Калибан! Калибан! Дайте нам Калибана!

Феликс встает из-за парты. Нельзя выпускать ситуацию из-под контроля.

— Превосходно! Высший балл команде Ведьмина отродья! Оригинальная, творческая интерпретация. И достойное завершение учебной части нашего курса. А сейчас будет банкет! Все готовы?

46. Забава наша…

Каждый актер получил свой пакетик чипсов и банку с имбирным элем. Звучат приглушенные голоса, звякают банки. Атмосфера тихого праздника. Через пару минут они начнут по очереди подходить к Феликсу и застенчиво благодарить. Так бывает на каждом банкете после флетчерских премьер. И, конечно же, каждый из них первым делом нетерпеливо откроет пакетик с чипсами и быстро спрячет сигареты в карман.

Сигарет у каждого поровну, почему бы и нет? Они все старались, все хорошо поработали. Когда все закончится и Феликс уедет домой, у них начнутся торги и обмены: сигареты — неофициальная валюта, лучшее средство для оплаты услуг и товаров.

— Не моя марка, — говорит Гнутый Грифель. Раздаются смешки: все знают, что он не курит.

— Если там с одного конца дырка, а с другого — огонь, я это выкурю, — говорит Рыжий Койот.

Мачете:

— Это ж прям моя баба.

Смех.

— Да, но что там с какого конца? — Снова

смех. — Извини, Анна-Мария.

— Осторожнее, — говорит Анна-Мария. — Не забывайте, что у меня сила богинь.

— Кстати, блестящее выступление, Анна-Мария, — говорит Феликс. — Я такого не ожидал.

— Вы всегда говорили, что магия должна быть непредсказуемой, — говорит Анна-Мария. — Мне хотелось вас удивить.

— И у тебя получилось, — говорит Феликс.

— Мы очень вам благодарны. Мы с Фредди. Спасибо вам.

— Не за что, — говорит Феликс. — Был рад помочь.

— У нас тоже есть для вас сюрприз, — говорит Костыль, подходя к ним.

— Да? — отвечает Феликс. — Что за сюрприз?

— Мы сочинили еще одну песню, — говорит Костыль. — С нашей командой ведьминых отродий. Мы сейчас пишем, типа, сценарий для мюзикла.

— Для мюзикла? — переспрашивает Анна-Мария. — Про Калибана?

— Ага. О том, что с ним случилось после того, как закончилась пьеса. Пока мы писали доклад, нам пришла мысль: а почему бы не написать целую пьесу про Калибана, где он будет главным героем?

— Интересно, — говорит Феликс.

— Ну да. Наша пьеса начнется с того, как Стефано и Тринкуло посадили его в клетку и показывают на базаре. Но Калибан сбегает из клетки. И поет эту песню, которую мы написали. Он говорит, что теперь он вырвался на свободу и больше не будет ничьим рабом.

— Давайте послушаем, — говорит Феликс.

Бум, бум, бум, дублеры отбивают ритм. Вступает Костыль:

Свобода! У-у! Свобода! У-у! Свобода!
У-у, свобода!
Теперь я ничей не слуга,
Ага!

И больше вы мне не указ!
Слушайте, что я скажу сейчас:
Не дам никому себя припахать,
Больше дрова я не стану таскать,
И рыбу не буду ловить,
Можете сразу об этом забыть.
Каждый теперь будет делать все сам,
И землю нашу верните нам!

Бан-бан, Ка… Калибан!

Мне не нужен хозяин, я сам себе господин!

Довольно меня притесняли,

Отдавайте назад все, что украли!

Вы на мне наживались,

Как могли, измывались,

Но теперь я свободен, и вам до меня не добраться.

Я больше не дам над собой издеваться.

Я Калибан, я свободен!

Вы человеком меня не считали,

Чудовищем называли,

Говорили, что я животное, дикий зверь,

Я для вас был никто, но теперь

Говорить буду я,

Бан-бан, Ка… Калибан!

Человек Калибан.

Да, я человек, и запомните это навек:

Черный Калибан – человек,

Желтый Калибан – человек,

Красный, белый, любой – человек.

Если вам это не нравится, мне пле-

вать.

Больше не дам я себя обижать.

У Калибана не счесть имен,

Был он рабом, но нынче свободен он,

Надоело ему бояться,

Не станет он никому подчиняться,

Бан-бан, Ка… Калибан!

Человек Калибан.

Свобода! У-у! Свобода! У-у! Свобода!

Всем ведьминым отродьям – свобода!

Я такой, какой есть, и этим горжусь,

Больше я не боюсь.

Никого не боюсь,

Ничего не боюсь.

— Мощно, — говорит Феликс. — Очень мощно.

— Потрясающе! — произнесла Анна-Мария. — Это такое… это будет по-настоящему… Кстати, а что Калибан будет делать, когда вырвется на свободу?

— Мы подумали, наверное, он будет мстить. Всем, кто обращался с ним плохо, — говорит Костыль. — Типа как Рэмбо. Отловит их по одному. Начнет со Стефано и Тринкуло.

— И Просперо тоже? — спрашивает Феликс.

— И Миранду? — спрашивает Анна-Мария.

— Может быть, их и не будет в мюзикле, — говорит Костыль. — А может быть, будут. Может быть, Калибан их простит. Может быть, не простит. Может быть, он их найдет и растерзает голыми руками. Мы пока думаем.

Феликс заинтригован: Калибан сбежал из пьесы. Он сбежал от Просперо, как тень, отделившаяся от хозяина и зажившая собственной жизнью. Теперь его никто не удержит. Пощадят ли Просперо, или однажды возмездие войдет в его дом под покровом ночи и перегрызет ему глотку? Феликс непроизвольно кладет руку на горло.

— Мы подумали, было бы круто, если бы вы взялись поставить наш мюзикл, мистер Герц, — говорит Костыль. — Когда мы допишем сценарий. Вы — наша первая кандидатура на режиссера. — Он застенчиво улыбается.

— Сперва надо дожить, — говорит Феликс. Как ни странно, он польщен предложением, хотя понятно, что этому никогда не бывать. Или все-таки… — А так все возможно. Кто его знает, как оно сложится.

47. Забава наша кончена

Когда Феликс уже допивает свой имбирный эль, к нему подходят 8Рукк, Костыль и Змеиный Глаз.

— Остался один вопрос, — говорит Змеиный Глаз. — По поводу пьесы.

— Какой вопрос? — говорит Феликс. Он что-то забыл?

— Девятая тюрьма, — говорит 8Рукк. — Помните, мы насчитали только восемь.

— Вы говорили, что скажете нам, если мы не догадаемся сами, — говорит Костыль.

— А, да, — говорит Феликс рассеянно, пытаясь собраться с мыслями. — Для Просперо все кончилось хорошо, но не так уж и хорошо, если подумать. Он получает обратно герцогство, но теперь оно не особенно ему интересно. То есть он победил, но в то же время и проиграл. Самое главное, он потерял всех, кого любит: Миранду, которая выходит замуж за Фердинанда и будет жить в Неаполе, и Ариэля, который покидает Просперо без всяких сожалений. Как только его отпускают на волю, он бежит без оглядки. Просперо будет по нему скучать, но сам Ариэль вряд ли будет скучать по Просперо: он радуется свободе.

Единственный, кто остается с Просперо, — это Калибан. Прямо скажем, не самая приятная компания. Да и зачем он теперь нужен Просперо, когда тот покидает остров? В Милане у него будут другие слуги. Может быть, он возьмет Калибана с собой, хотя бы из жалости или из чувства ответственности: все-таки у Калибана больше никого нет. Но если Просперо и чувствует себя виноватым, то совсем по другому поводу.

— Откуда вы взяли, что он чувствует себя виноватым? — спрашивает Костыль.

— Это есть в пьесе. В самом конце, в эпилоге. — Феликс берет со стола свой экземпляр пьесы и находит нужное место. — Он говорит: «Вы властны здесь меня оставить / Иль взять в Неаполь и избавить / От плена…» Просперо отрекается от чародейства, он намерен сломать свой волшебный жезл и бросить в море колдовские книги. Магия больше ему не подвластна. Теперь магией управляют зрители. Он говорит: «Не бросьте здесь меня на муки, / Но приложите ваши руки: / От уз меня освободите…» То есть, если пьеса имела успех, зрители выразят свое одобрение аплодисментами. В противном случае Просперо так и останется пленником на острове. И еще он просит зрителей за него помолиться. Он говорит: «И верно б

гибель мне грозила, / Когда бы не молитвы сила: / Она, вонзаясь, как стрела, / Сметает грешные дела». Иными словами, он просит дать ему индульгенцию. Он взыскует прощения. Вспомним последние строки пьесы: «Как нужно вам грехов прощенье, / Так мне даруйте отпущенье». Здесь заключен двойной смысл.

— Да, это было у вас в комментариях, — говорит Гнутый Грифель.

— Я забыл, — говорит Змеиный Глаз.

— Индульгенция — это церковная грамота об отпущении грехов, — говорит Феликс. — Раньше ее можно было купить за деньги.

— И сейчас тоже можно купить, — говорит Змеиный Глаз. — Называется штраф.

— Или освобождение под залог, — говорит Костыль. — И стоит недешево.

— Или условно-досрочное освобождение, — говорит 8Рукк. — Только его не купишь за деньги. Его надо заслужить.

— А в чем грех Просперо? — говорит Анна-Мария. — Что он сделал такого ужасного?

— Действительно, что? — риторически вопрошает Феликс. Вокруг них собралось еще больше народу. Всем интересно послушать. — Об этом нам не сообщается. Еще одна загадка, заклю-

ченная в пьесе. Но «Буря» — пьеса о человеке, который сам ставит пьесу. Пьесу собственного сочинения, воплощение своих «прихотей». Так что, возможно, тот грех, за который он просит прощения, и есть сама пьеса.

— Изящный ход, — говорит Анна-Мария.

— Что-то я не врубаюсь, — говорит Змеиный Глаз. — Пьеса не преступление.

— Грех, — говорит Феликс. — Не преступление против закона. Преступление против морали.

— Все равно не врубаюсь, — говорит Змеиный Глаз.

— Весь его гнев? Жажда мести? — говорит Феликс. — Страдания, которые он причиняет людям?

— Ну да. Наверное, — говорит Змеиный Глаз.

— Хорошо, а как же девятая тюрьма? — спрашивает 8Рукк.

— Это все в эпилоге, — говорит Феликс. — Если вкратце, Просперо говорит зрителям: *Если вы не поможете мне уплыть, мне придется остаться на острове*. Иными словами, на Просперо наложено заклятие. Если это заклятие не разрушить, ему придется опять и опять воссоздавать свой спектакль, вновь и вновь переживать свою ярость и жажду мщения. Это будет настоящий ад.

— Я видел фильм ужасов, — говорит 8Рукк. — Там было что-то похожее.

— Последние три слова пьесы: «Мне даруйте отпущенье», — говорит Феликс. — Просперо просит о том, чтобы его простили. Чтобы освободили его от вины. Человек не станет просить, чтобы его освободили, если не чувствует себя свободным. Просперо — пленник, заключенный в пьесе, которую сам же и сочинил. Девятая тюрьма — это сама пьеса.

— Круто, — говорит 8Рукк. — Я бы никогда не додумался.

— Изобретательно, — говорит Анна-Мария.

— Вроде все складно, но я все равно не уверен, — говорит Гнутый Грифель.

— Какую пьесу мы будем ставить на следующий год? — спрашивает Мачете. — Вы же вернетесь к нам, да? Мы сохранили программу?

— Да, мы продолжим в следующем году, — говорит Феликс. — И обязательно что-то поставим. Ради этого мы и старались.

— Кажется, я сейчас разревусь, — говорит Анна-Мария, когда они с Феликсом идут к выходу. — Потому что все закончилось. «Забава наша кончена». И это была замечательная забава! — Она берет Феликса под руку. У них за спиной

закрывается металлическая дверь.

— Забава кончена, — говорит Феликс. — Но только эта забава. Будут еще и другие. У тебя все впереди. Кстати, как у вас с Фредди?

— Пока неплохо, — говорит Анна-Мария, как всегда, сдержанно. Феликс украдкой наблюдает за ней: она улыбается.

Они проходят через проходную. Феликс прощается с Диланом и Мэдисоном.

— Потрясающая постановка, — говорит ему Дилан. — Изумительное печенье, — говорит он Анне-Марии.

— До скорого, мистер Герц, — говорит Мэдисон. — В то же время, зимой?

— Трижды к черту, да? — произносит Дилан.

— Жду с нетерпением, — отвечает им Феликс.

На стоянке он еще раз благодарит Анну-Марию. Потом садится в машину и едет домой. Вдоль дороги тянутся почерневшие тающие сугробы. Как-то вдруг наступила весна. Сколько времени Феликс провел в стенах колонии? Ему кажется, несколько лет.

Его Миранда тоже была на банкете? Она ушла вместе с ним, она сейчас в машине? Да, вот она. На заднем сиденье, в уголке: тень среди теней. Ей грустно оттого, что приходится расставаться

с этим прекрасным миром, где столько хороших, красивых людей.

— Тебе все это ново, — говорит он ей.

Эпилог
Так мне даруйте отпущенье

Воскресенье, 31 марта 2013

Феликс у себя в лачуге, пакует чемодан. Вещей у него немного. Так, всякие мелочи. Немного старой одежды; Феликс аккуратно складывает каждую вещь и убирает в большой чемодан на колесах. Весна официально открыла сезон; лед на улице тает, перелетные птицы уже потихонечку возвращаются. Яркий солнечный свет льется в окно и в распахнутую настежь дверь, что очень кстати, потому что электричество в его домике отключили.

Когда он пошел узнавать, в чем дело, оказалось, что семейство Мод съехало с фермы. Скрылось в неизвестном направлении, оставив — надо полагать — кучу неоплаченных счетов. Они забрали с собой все, что можно. Вычистили весь дом. Словно никогда здесь и не жили; словно они появились из ниоткуда, пребывали на месте, пока были нужны Феликсу, а потом сгинули в никуда, растворившись туманом над полями и

лесом. *Вы, духи рощ, озер, ручьев и гор,* бормочет он себе под нос. Но скорее всего, они запихали свое имущество в грузовик Берта и сейчас едут на запад в поисках лучшей доли.

Феликс осуществил свои планы. Он хотел отомстить и отомстил. Его враги настрадались, и он злорадствовал, глядя на их страдания. Потом он их простил и злорадствовал еще больше, наблюдая, как Тони скрежещет зубами, но не может ничего сделать. И не сможет еще очень долго. Пока видеозапись, сделанная в день премьеры, хранится в облаке — а теперь она там и хранится, — у Тони не будет возможности навредить Феликсу, как бы ему этого ни хотелось. Впрочем, наш хитренький Тони вышел в отставку, утратил свой авторитет. У него больше нет рычагов давления, нет влияния, нет власти; он больше не принадлежит к сильным мира сего. Тони вышел из игры, а Феликс вернулся в игру, как и должно было быть.

В частности, Феликса восстановили в его прежней должности: художественный руководитель Мейкшавегского театрального фестиваля. Теперь он, если захочет, может поставить «Бурю», не состоявшуюся двенадцать лет назад.

Как ни странно, ему не хочется. Постановка во

Флетчерской исправительной колонии — вот его настоящая «Буря». Непревзойденная «Буря». Лучше уже не сделать, а какой смысл делать хуже?

Что касается Мейкшавегского фестиваля, Феликс занял свой прежний пост, но лишь номинально. Он будет *eminence grise*, серым кардиналом, действующим за сценой. Он сломает свой волшебный жезл, выбросит в море колдовские книги, потому что пора уступить место молодым.

Он уже назначил Фредди своим заместителем: пусть мальчик учится на практике. Первое время Феликс будет ему помогать и постепенно передаст ему все полномочия. Процесс уже пошел. Фредди — парень толковый, схватывает все на лету и не устает благодарить Феликса. Это тоже приятное чувство, когда рядом есть человек, который безмерно тебе благодарен.

Анну-Марию пригласили работать главным хореографом мюзиклов, которые Фредди хочет добавить в мейкшавегский репертуар. Сейчас они ставят «Без ума от тебя»: там достаточно танцевальных номеров, чтобы Анна-Мария могла проявить свой талант. Ей будет где развернуться, и Феликс ни капельки не сомневается, что она развернется по полной программе.

Они отлично работают вместе, эти двое. Они словно созданы друг для друга, как чемпионы в парном фигурном катании. Наблюдая за тем, как они сосредоточенно изучают эскизы костюмов, обсуждают оформление спектакля, рассматривают на экране цифровые модели декораций, Феликс нередко ловит себя на том, что он чуть не плачет, как счастливый отец на свадьбе дочери: странная смесь светлой тоски по прошлому и радостного предвкушения будущего. Он радуется за других. Он сам теперь только зритель, доброжелательный наблюдатель, бросающий горсти виртуального риса. Их путь будет нелегким, потому что в театре всегда нелегко, но Феликс хотя бы вывел их на дорогу. Уже можно сказать, что жизнь прожита не зря. Результат есть. Прекрасный результат на самом деле, каким бы эфемерным он ни оказался.

Но в мире все эфемерно, говорит он себе. Все пышные дворцы и башни, увенчанные тучами, и храмы, и самый шар земной. Кому, как не ему, это знать?

Феликс думал, что Сэл О'Нелли поднимет скандал из-за Фредди: его обожаемого сыночка увели у него из-под носа, умыкнули из мира политиков и юристов, где Сэл прочил ему блестящее будущее,

забрали в театр, где он нашел себе разбитную, вульгарную девицу в лице Анны-Марии. Но, как ни странно, Сэл совершенно не возражал: мальчик выбрал занятие по душе, он доволен и счастлив. И самое главное, жив. Чем не отрада для сердца любящего отца? Но даже самым любящим и заботливым отцам однажды приходится отпустить своих чад в большой мир. Отныне и впредь Фредди будет сам распоряжаться своей судьбой.

Феликс делает перерыв в сборах, чтобы провести небольшую инвентаризацию. Сказать, что его гардероб весь потрепан, это вообще ничего не сказать. За последние годы Феликс явно обветшал, и не только в смысле одежды. Ему надо постричься, чем он и займется в ближайшее время. Чуть позже подлечит зубы, справит новый, качественный, протез. А буквально на днях надо будет пройтись по магазинам, чтобы обновить гардероб. Потому что он едет в круиз.

Все устроила Эстель. Среди ее многочисленных знакомых есть и владельцы круизных компаний. Лови момент! — сказала она. Хватай удачу за хвост! У Феликса был весьма непростой год, и он заслужил отдых. Морской круиз — лучший выбор! Лежишь в шезлонге, греешься на солнышке. Дышишь соленым воздухом. Набираешься сил,

поправляешь здоровье.

Феликс не понесет никаких расходов: единственное, что от него требуется, — прочитать пару лекций о его замечательных театральных экспериментах во Флетчерской исправительной колонии. Возможно, он даже покажет видеофильмы с его постановками, если сочтет это возможным. Зрители будут в восторге. Такого еще никто не делал! Если же Феликс решит не показывать фильмы из соображений конфиденциальности и защиты частной жизни актеров, он просто расскажет о своих новаторских методах. Это так интересно! Сейчас лучший сезон для круизов в Карибском море, сказала Эстель. Она тоже поедет в круиз. Они могут вместе ходить на танцы и участвовать в разных увеселительных мероприятиях. Будет весело, правда!

Сначала Феликс отказался. Круизный лайнер, полный старых хрычей и кошелок даже старше его самого, которые дремлют в шезлонгах на палубе и ходят на танцы и увеселительные мероприятия, — таково было его представление если не о самом аде, то о преддверии ада уж точно. Застывшее безвременье где-то на пути к смерти. Но потом он подумал и решил, почему бы и нет? Что он теряет? В конце концов, все дороги приводят к

смерти, так почему бы и не развлечься в пути?

И он согласился, но с одним условием. 8Рукка досрочно выпустили из колонии, и Феликсу не хотелось оставлять своего юного друга совсем без поддержки — сказал он Эстель, — иначе его замучает совесть. Он где-то слышал, что первый день на воле страшит бывших узников еще больше, чем первый день в тюрьме. Пусть 8Рукк тоже поедет в круиз. Он может читать свои реплики Ариэля на лекциях Феликса; он знает роль назубок, он прирожденный артист. Также во время круиза молодой человек может свести знакомство с каким-нибудь влиятельным бизнесменом — с кем-то из области цифровых технологий, — который оценит его выдающиеся способности и предложит ему интересную работу. Парень заслужил отдых, если принять во внимание, сколько он сделал для Феликса.

Браслеты Эстель тихо звякнули друг о друга, когда она стиснула руку Феликса: теперь их отношения достигли того этапа, когда люди уже не стесняются браться за руки. Не проблема, сказала она, улыбаясь ему лучезарной улыбкой. Она все устроит. Юный 8Рукк и вправду заслуживает того, чтобы ему улыбнулась удача, и морской воздух — поистине воздух свободы — будет очень

ему полезен.

Феликс аккуратно сворачивает свою мантию из шкурок плюшевых зверей: забрать с собой или выбросить? По наитию он кладет мантию в чемодан. Он возьмет ее в круиз — для пущей зрелищности его лекций. Аура волшебства, окружавшая мантию раньше, теперь померкла, как рождественская гирлянда при ярком солнечном свете. Просто памятная вещица. И трость с серебряной головой лисицы. Уже не магический жезл, а обычная деревянная палка. Надломленная. Не предать ли ее земле? Устроить торжественное погребение. Это будет весьма театральный жест. Но зачем нужен театр, когда нет зрителей?

— Прощай, — говорит он серебряной лисице. — От мощных этих чар я отрекаюсь.

И тут его накрывает: он ошибался насчет своей «Бури». Ошибался целых двенадцать лет. Цель его одержимости заключалась не в том, чтобы вернуть к жизни Миранду. Цель заключалась совсем в другом.

Он берет фотографию Миранды, где она смеется, раскачиваясь на качелях. Трехлетняя девочка, затерянная в прошлом. Но нет, она не потерялась. Вот она, рядом. Наблюдает, как он собирает вещи, готовясь покинуть бедное жилье, где она была

заперта вместе с ним. Она уже блекнет, теряет плотность: он едва ощущает ее присутствие. Она задает ему вопрос. Хочет ли он, чтобы она сопровождала его в дальнейшем? Станет ли он заставлять ее быть при нем?

О чем он думал все эти годы? Держал ее при себе, как на привязи! Принуждал выполнять его приказания. Каким же он был эгоистом! Да, он ее любит: она его дочка, его единственное дитя. Но он знает, чего она хочет на самом деле и что он обязан ей дать.

— А там вернись, свободной, к стихиям — и прости! — говорит он ей.

И вот она наконец свободна.

Буря: Оригинал

Буря, громы и молнии. Корабль на море. На корабле: Алонзо, король Неаполя; его брат Себастьян; его советник Гонзало; его сын Фердинанд, а также Антонио, герцог миланский; Стефано, дворецкий; и Тринкуло, шут. Сверкает молния, корабль тонет, несмотря на усилия боцмана и матросов. Все опасаются за свою жизнь. При постановке этой сцены в ней обычно присутствует дух воздуха Ариэль, сидящий на палубе или на мачте, видимый зрителям, но не видимый участникам действия.

На маленьком острове неподалеку пятнадцатилетняя Миранда переживает об утонувших, но ее отец, чародей Просперо, говорит, что никто не пострадал и все это было задумано ради ее блага. Просперо объясняет, что это он вызывал бурю. Именно он, а не Антонио, законный герцог миланский. Поглощенный изучением тайных магических наук, он поручил брату управлять герцогством, а тот воспользовался случаем и объединился с Алонзо, политическим противником Просперо. Алонзо вторгся в Милан и отправил

Просперо и его трехлетнюю дочку Миранду в изгнание. Их посадили на полусгнивший челнок и отпустили в открытое море. У беглецов не было ничего, кроме одежды и книг, которые верный советник Гонзало тайком передал опальному герцогу. Море вынесло Просперо с Мирандой на крошечный остров, где они прожили двенадцать лет.

Но теперь звезда Просперо в зените, и владычица Фортуна привела врагов Просперо прямо к нему. Он вызвал иллюзию бури, чтобы заманить их на остров. Он преследует сразу две цели: отомстить своим обидчикам и обеспечить хорошее будущее Миранде.

Просперо погружает Миранду в сон, надевает свою чародейскую мантию и призывает своего помощника, духа воздуха Ариэля. Он служит Просперо в благодарность за то, что тот спас его из плена в стволе расщепленной сосны. Ариэля туда заключила ведьма Сикоракса, потому что он не захотел помогать ей в ее гнусных делах. Но теперь Ариэль просит Просперо отпустить его на волю. Просперо укоряет его за неблагодарность, но обещает дать Ариэлю свободу, если с его помощью сумеет осуществить свои планы мести давним врагам. Ариэль докладывает о «буре»,

которую он поднял на море. Пассажиры корабля высадились на остров в трех разных местах: Фердинанд отдельно; Стефано и Тринкуло недалеко друг от друга; вся королевская свита вместе.

Следующее поручение Ариэлю — обернуться морской нимфой, не видимой никому, кроме Просперо, и найти Фердинанда, который уверен, что его отец утонул. С помощью чарующей музыки Ариэлю надо привести Фердинанда туда, где он увидит Миранду.

Просперо будит Миранду, и они идут искать еще одного вынужденного слугу Просперо, злобного и уродливого Калибана, сына Сикораксы. Калибан, Просперо и даже Миранда осыпают друг друга упреками и оскорблениями: Калибан обвиняет Просперо в том, что тот захватил принадлежащий ему остров, а Просперо говорит, что Калибан пытался обесчестить Миранду. Калибан отвечает: жаль, что не удалось! А то он заселил бы весь остров маленькими Калибанами. Потом, подгоняемый вызванными Просперо духами — злой нечистью, — Калибан уходит за дровами.

Ариэль приводит Фердинанда к Миранде. Юный принц сражен красотой девушки. Он влюбляется с первого взгляда, и Миранда отвечает ему взаимностью. Полагая, что люди не ценят того,

что дается легко, Просперо устраивает юноше испытание: своим чародейством он обезоруживает Фердинанда, называет его притворщиком и предателем и грозится заключить в темницу. Фердинанд отвечает, что готов сесть в тюрьму, если ему будет позволено «в день хоть раз» увидеть Миранду в окно темницы.

Просперо отправляет Ариэля следить за королевской свитой: Алонзо, Себастьяном, Гонзало, Антонио и прочими вельможами. Алонзо пребывает в печали, уверенный, что его сын утонул. Гонзало пытается его подбодрить, восхищается красотами острова и описывает утопическое королевство, которое он основал бы здесь, будь на то его воля. Антонио и Себастьян поднимают его на смех. Ариэль усыпляет Алонзо и Гонзало, и пока они спят, Антонио предлагает Себастьяну убить их обоих, и тогда Себастьян станет королем Неаполя. Ариэль спешит разбудить спящих и мчится к Просперо с докладом.

Тем временем Калибан собирает дрова и видит, как к нему приближается шут Тринкуло. Опасаясь, что это злой дух, пришедший его мучить, Калибан прячется под дерюгу. Надвигается буря, и Тринкуло тоже прячется под дерюгу, несмотря на укрывающееся там чудовище, пахнущее

тухлой рыбой. К ним приближается пьяный дворецкий Стефано. С его подачи Калибан тоже напивается и решает, что теперь будет служить Стефано вместо Просперо. По этому поводу он поет песню.

Тем временем Фердинанд по приказу Просперо носит к пещере дрова. Приходит Миранда и умоляет его отдохнуть — она сама выполнит всю работу. Они признаются друг другу в любви и клянутся связать себя узами брака. Просперо, втайне наблюдавший за ними, счастлив.

Калибан, Стефано и Тринкуло напились еще больше, и Калибан предлагает им убить Просперо и назначить Стефано королем острова, а Миранда будет его королевой. Ариэль отвлекает их музыкой, а Калибан говорит, чтобы они не боялись: на острове часто звучит чарующая музыка.

Алонзо, Гонзало, Себастьян и Антонио отдыхают, прервав поиски Фердинанда, как вдруг странного вида духи преподносят им угощение. Просперо, не видимый никем, наблюдает, как благородные лорды приближаются к расставленным яствам; но яства исчезают, и появляется Ариэль в облике гарпии. Он обвиняет Алонзо, Антонио и Себастьяна в преступлениях против Просперо и говорит, что потеря сына — наказание

для Алонзо. Трое злодеев впадают в неистовство, а Алонзо пытается покончить с собой.

Просперо идет к Фердинанду, освобождает его от оков и приветствует как будущего зятя, однако предупреждает, чтобы он даже не думал ни о каких безобразиях до свадьбы. Просперо велит Ариэлю создать еще одну иллюзию: духи разыгрывают представление в облике трех богинь, которые благословляют юную пару.

Представление обрывается, когда Просперо узнает, что Калибан замышляет его убить. Он объясняет Фердинанду, что виденные им существа были духами, а теперь исчезли и в воздухе растаяли, как пар, — точно так же, как сам шар земной когда-нибудь исчезнет, ибо по сути все в мире соткано из снов и видений.

Ариэль сообщает Просперо, что завел Калибана и двух его сообщников в зловонное болото. Они с Просперо развешивают на деревьях красивые одежды, чтобы отвлечь и задержать злоумышленников. Стефано и Тринкуло хотят украсть одеяния, хотя Калибан призывает сперва совершить убийство. Духи в виде охотничьих псов, которых науськивают Ариэль и Просперо, прогоняют воров.

Просперо велит Ариэлю привести к нему ко-

роля и свиту. Ариэль сетует, что они сильно страдают и что ему их жаль. Эти слова производят впечатление на Просперо: даже простой дух воздуха способен испытывать жалость к людям, — и чародей решает последовать его примеру. Он велит Ариэлю освободить их от безумия. Потом говорит, что пришло время отречься от чар, сломать волшебный жезл и утопить в море магическую книгу.

Ариэль приводит королевскую свиту. Просперо обвиняет Алонзо, Антонио и Себастьяна в предательстве по отношению к нему, но говорит, что прощает их. Потом отводит Антонио и Себастьяна в сторонку и сообщает, что знает об их намерениях убить Алонзо, но пока сохранит это втайне.

Алонзо скорбит о потере Фердинанда. Просперо говорит, что он тоже лишился ребенка — дочери, — но затем ведет Алонзо к пещере, где Фердинанд и Миранда играют в шахматы. Алонзо, потрясенный и преисполненный благодарности, дает благословение на брак Фердинанда и Миранды. Миранда, в свою очередь, потрясена, что в мире столько хороших людей, а значит, и сам мир прекрасен. Просперо отвечает, что ей все это ново. (Сам-то он знает, что собой представляют эти «хорошие» люди.)

Ариэль приводит боцмана, и тот сообщает, что корабль цел и невредим и готов к отплытию. Входят Калибан, Стефано и Тринкуло, изрядно потрепанные и побитые; их уличают в коварных замыслах, и они должным образом каются. Просперо признает, что Калибан, «эта дьявольская тварь», в некотором смысле принадлежит ему.

Обсуждаются планы по возвращению в Италию и скорой свадьбы. Просперо получит обратно свое герцогство. Миранда и Фердинанд в будущем станут королевой и королем Неаполя. Ариэль обеспечит кораблю попутный ветер.

Просперо завершает пьесу эпилогом, в котором говорит зрителям, что теперь, когда власть его чар пропала, он останется пленником острова, если зрители не даруют ему прощения и не отпустят его на свободу силой их собственной зрительской магии: магии аплодисментов.

Благодарности

Для меня было большим удовольствием работать над этим романом, отчасти потому, что это дало мне возможность прочитать много хороших книг о Шекспире и «Буре», а также о ценности литературы и драматургии в тюрьмах.

Следующие книги и фильмы были особенно полезными:

Фильм Джули Тэймор «Буря» с Хелен Миррен в роли Просперы.

«Буря» в проекте «Глобус» на экране» с Роджером Алламом в роли Просперо.

«Буря», показанная на Шекспировском фестивале в Стратфорде, — я лично присутствовала на спектакле, — с Кристофером Пламмером в роли Просперо.

Генератор шекспировских оскорблений.

Замечательная книга Дэвида Томсона «Почему так важно актерствовать».

Эссе Нортропа Фрая о «Буре» в его книге «О Шекспире».

Отличное издание «Бури» в оксфордской серии «Классика мировой литературы» (под редакцией

Стивена Оргела).

Рассказ Карен Бликсен «Бури» в сборнике «Анекдоты судьбы».

Книга Эндрю Диксона «В других мирах», в которой рассказывается о разнообразных шекспировских постановках по всему миру и в разные времена.

«Тюремная» литература имеет давнюю традицию. Я изучила некоторые образцы жанра, когда писала роман «Она же Грейс», и обратилась к ним снова, работая над «Ведьминым отродьем». Помимо широко известных современных книг вроде «Оранжевый — хит сезона», на этот раз меня особенно интересовали книги о том, как литературу и драматургию изучают на образовательных курсах в тюрьмах. Особенно мне помогли сборник очерков «Монтировка в саду Будды» Стивена Рейда, роман «Зачарованное место» Рене Дэнфилд, воспоминания Ави Стейнберга о работе тюремным библиотекарем «На книжной службе», книга Андреаса Шредера «Грубая встряска» и воспоминания Лоры Бейтс «Шекспир спас мне жизнь». Также мне было полезно узнать об образовательных программах для заключенных, которые реализуют Бард-колледж и другие учебные заведения.

Тут стоит сказать, что Флетчерская исправительная колония — полностью вымышленное учреждение. Такого места не существует на самом деле, но существует много похожих.

Феликс Филлипс позаимствовал фамилию у покойного Робина Филлипса, много лет прослужившего главным режиссером Шекспировского фестиваля в Стратфорде в провинции Онтарио в Канаде. Чтобы увидеть его волшебство в действии, посмотрите документальный фильм «Робин, Марк и Ричард III», в котором Робин на наших глазах превращает актера, казалось бы неподходящего для этой роли, в великолепного зловещего Ричарда.

Анна-Мария Гринленд сыграла Миранду благодаря аукциону, проводимому Медицинским фондом по уходу за жертвами пыток.

Об общении с мертвыми близкими и других необычных переживаниях можно прочитать в книге Джона Гейгера «Фактор присутствия третьего».

Благодарю моих терпеливых, многострадальных редакторов Бекки Харди из «Hogarth» и Луизу Деннис из «Knopf Canada», которые заставляли меня рассказывать больше; благодарю моего редактора-корректора Хезер Сангстер из

«Strongfinish.ca». Благодарю от всего сердца Эллен Селигмен из «McClelland & Stewart», которая более двадцати шести лет была моим верным редактором и скончалась в марте 2016 года, не успев прочитать эту книгу.

Большое спасибо моим первым читателям: Джесс Этвуд Гибсон; Элеанор Кук; Ксандре Бингли; Вивьен Шустер и Каролине Саттон из «Curtis Brown», моим литагентам в Великобритании; Фиби Лармор, моему давнему литагенту в Северной Америке; Рут Этвуд и Ральфу Сиферду.

Спасибо Луизе Корт, Эшли Данн и Рейчел Рокики из «Penguin Random House», которые подгоняли меня на пути к завершению книги.

Спасибо Девону Дженсону, который помог мне в моих предварительных изысканиях по тюрьмам. Спасибо моей помощнице Сюзанне Портер, и Пенни Кавано, и В. Дж. Бауэ, дизайнеру моего сайта margaretatwood.ca. Спасибо Шелдону Снойбу и Майку Стояну, у которых все под контролем. Спасибо Майклу Брэдли, Саре Купер, Джиму Вудеру, Колину Куинну, Шаолину Жао и Эвелин Хескин; спасибо Терри Кармену и «Шок-докторам» за то, что свет горит исправно. И отдельное спасибо Грэму Гибсону, старому чародею, к счастью не из этой книги.